

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР
ПО ДЕЛАМ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ
В АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

Сборник научных статей

Барнаул 1991

В статьях сборника рассматриваются проблемы развития и становления абсолютной и относительной хронологии в исторической науке и в археологии, вопросы периодизации, разрабатываемые в этих науках, а также возможности абсолютного и относительного датирования, в том числе и с применением методов естественных наук. На конкретном историческом и археологическом материале рассматриваются и решаются вопросы хронологии и периодизации различных археологических памятников и конкретных событий древней истории народов нашей страны. Сборник рассчитан на специалистов-историков и археологов, преподавателей истории, краеведов и студентов.

Редакционная коллегия

д.и.н. Ю.Ф. КИРЮШИН, к.и.н. С.В. ЦЫБ – ответственные редакторы, чл.-кор. АН СССР В.И. МОЛОДИН, к.и.н. В.Н. ВЛАДИМИРОВ, к.и.н. А.Б. ШАМШИН

Р е ц е н з е н т ы

кафедра истории СССР Барнаульского государственного педагогического института; к. и. н. Петрин В. Т.
(Институт археологии и этнографии СО АН СССР)

ISBN 5-230-29669-0

© Алтайский государственный университет, 1991

Ю.Ф. Кирюшин, С.В. Неверов, С.В. Пыб
Алтайский государственный университет

ПОНЯТИЕ "ХРОНОЛОГИЯ" В ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Одной из важнейших задач исторического знания является проблема локализации во времени прошедших конкретных событий и социально-экономических процессов; без её выполнения становятся невозможными понимание исторической сущности этих событий и явлений, определение их взаимосвязанности и выявление закономерностей развития человеческого общества. Именно эти потребности исторического познания и привели к возникновению такого понятия, как "хронология".

Этот термин имеет особое содержание как в самой исторической науке, так и в каждой из научных дисциплин, связанных с ней (археология, этнография, источниковедение и др.). Появление различий в конкретном наполнении понятия "хронология" в каждой отрасли исторического знания было связано с особенностями формирования представлений о предмете, задачах и методах исследования этих отраслей.

В исторической науке развитие представлений о хронологии претерпело длительную эволюцию от её понимания как самостоятельной науки до определения как вспомогательной исторической дисциплины. Термин "хронология" стал широко употребляться историками в конце XVII в. Началом научно-исторического хронологического знания, отделявшего его от "донаучных" хронологических представлений древних хронистов и летописцев, следует считать систематический перевод старинных датировок на эру от Рождества Христова (Р.Х.), принятую историками в качестве универсальной летоисчислительной шкалы. В Западной Европе научное хронологическое знание берет начало с трудов Ж.-Ж. Скалигера (*Opus de emendatione temporum*, 1583), А. Бухольцера (*Chronologia*, 1584), П. Опмеера (*Opus chronographicum orbis universi*, 1570) и др., в России — позже на целое столетие, после летоисчислительной реформы Петра 1, когда в начале XVIII в. митрополит Ростов-

ский Дмитрий (Даниил Тунтало) в нескольких своих сочинениях переводит библейские, летописные и хронографические датировки на эру Дионисия /1; 2; 3/.

Именно в таком переводе (в хронологии он называется редукцией) ученым XVII-XVIII вв. виделась основная задача хронологического исследования. Расстановка исторических событий во времени в той последовательности, в которой они происходили, стала в эти годы самоцелью изучения хронологии, при этом само содержание событий, их связь между собой и достоверность их отражения в источниках не интересовали первых хронологов. Отсюда и появилось представление о хронологии как о науке самостоятельной и в чем-то даже противостоящей истории. Даже в середине XIX в. один из русских "редукционистов" И. Соловьев писал: "Знаменитые учёные хронологи: Скалигер, Петавий и Уссерий отделили хронологию от истории, возвели её на степень самостоятельной науки, <..> доказали необходимость, важность и совершенную пользу её, равную истории <..> .Так что ныне остается <..> следовать их указаниям" /4, с.8/.

Сторонники таких взглядов на предмет хронологического знания при помощи редукции старались совместить древние эры летоисчисления со своей универсальной шкалой (эрой от Р.Х.), несколько не интересуясь, по каким правилам были построены все эти эры и соответствуют ли друг другу подразделения различных шкал летоисчисления. В таких операциях совершенно отсутствовали аналитические исследовательские рассуждения, поэтому данное направление в развитии хронологического знания можно условно назвать "механистической хронологией". Основной разновидностью реального воплощения механистической методы стали хронологические таблицы, наводнившие научную литературу Европы в XVII-XVIII вв., а в России появившиеся в конце XVIII-первой половине XIX столетия. Наиболее примечательные: 5; 6; 7/.

Однако уже в XVIII в. многочисленные противоречия результатов редукции, содержащиеся в таблицах различных авторов, привели западно-европейских хронологов к мысли о том, что любому редукционному расчету должны пред-

шествовать, во-первых, знание о правилах учета времени древними народами, и, во-вторых, разработка на этой основе правил перевода древних дат на эру от Р.Х. Другими словами, с этого времени под предметом хронологического исследования стало пониматься не датирование исторических событий, а изучение учета времени у древних и новых народов. Сторонников таких воззрений, живших в XVIII-XIX вв., подвело, однако, стремление к обобщению всей доступной им информации о древних приемах фиксации времени. За энциклопедичностью обобщений совершенно потерялся исследовательский аспект; вместо кропотливой и углубленной работы над источниками, содержащими сведения о старинных элементах времяисчисления, хронологи старались обобщить как можно больше уже известных науке фактов, скомбинировать их в единое целое и описать в простой и доступной для читателя форме. Это научное направление можно назвать "общеописательной хронологией". В Европе первой серьезной компиляцией подобного рода было знаменитое многотомное издание французских монахов-бенедиктинцев М. Птиппа, Ш. Клемансе и У. Дюрана (*L'Art de verifier les dates* 1750), а "классической" книгой этого жанра стало "Руководство" профессора Берлинского университета, астронома Л. Иделера /8/. Поскольку описание древнего времяисчисления было невозможно без учета астрономических сведений, то Л. Иделер вполне логично разделил хронологическую науку на две ветви - математическую и техническую; первой он предоставил право исчислять точное астрономическое время, а второй - заниматься этим самым описанием /8, *ibid.* I, S. 5-6/. В России общеописательная хронология появилась в начале XIX в. как подражание западной науке и просуществовала до наших дней /9; 10, 11; 12 и др./

В русском хронологическом знании конца XVIII-XIX вв. значительную роль играла и так называемая пасхальная хронология. Представители этого научного направления, в большинстве своем священнослужители, старались детально описать отдельные хронологические элементы православной церковной хронологии (или "пасхальные термины",

т.е. Круги Солнца и Луны, вращелето, Ключ Границ, эпакты и т.д.) и их взаимодействие при расчетах даты Пасхи и других передвижных церковных праздников. Сильной стороной этой научной школы был концептуальный взгляд на пасхальное времяисчисление как на систему, все элементы которой связаны друг с другом и занимают определенное место в её структуре, главным же недостатком было отсутствие исторической ретроспективы в её описании, что основывалось на мнении о неизменности христианской Пасхалии со времен Никейского собора (325 г.) и до XIX столетия /лучшие сочинения этой школы: 13; 14, 15; 16/.

Ни одно из этих направлений не стало все же основным в дальнейшем развитии хронологического знания, так как все они одинаково далеки были от задач исторического исследования и от источниковедческих проблем. Лучшие их достижения были использованы в новой научной школе, возникшей в начале XIX в. в России и оказавшей самое существенное влияние на формирование современных представлений о предмете хронологического знания. Это была "критическая хронология".

Её основателем был академик И.-Ф. Круг, а самыми талантливыми его последователями М.П. Погодин и А.А. Куник. Этих учёных в первую очередь интересовали противоречивые датировки исторических событий или явные несуровицы в русских источниках. Главным методом своих исследований они сделали перекрестную проверку сведений различных письменных памятников. И.-Ф. Круг, более остальных приверженный принципам исторической критики, сформулированным его кумиром - А.-Л. Шлёцером, предпочитал апеллировать к датировкам византийских хроник и с их помощью разбираться в хронологических хитросплетениях русских летописей; не случайно, главным трудом его жизни явилась книга по византийской хронологии, предназначенная для критической оценки русских дат /17/. М.П. Погодин и А.А. Куник действовали более разнообразно, привлекая к своим исследованиям сведения различных русских, западных и восточных

источников и используя, помимо перекрестной проверки, иные методы хронологического исследования (соответствие календарной даты и дня недели, использование астрофизических сведений и пр.) /18; 19; 20; 21 и др./.

Однако уже во второй половине XIX в. стало ясно, что критическая хронология оказалась в кризисе. Причиной было то, что представители этой школы не смогли полностью оторваться от механистического принципа извлечения хронологии исторических событий; не случайно итоги своих исследований они воплощали в таблицы, схожие по форме и содержанию с работами хронологов-механистов. Объектом отдельных критико-хронологических исследований всегда были только 2-3, иногда чуть больше, древние даты; даже при относительно убедительном их переводе на эру от Р.Х. оставалось неясным, почему именно так, а не иначе эти даты выглядят и почему они противоречат друг другу. Кроме того, механически вырывая отдельные даты и события из источников, И.-Ф. Круг и его продолжатели совершенно абстрагировались от контекста и истории сложения текстов письменных памятников. На этот недостаток критической хронологии еще в середине XIX в. указал С.М. Соловьев, ведший полемику с одним из её представителей, М.П. Погодиным: автор "Истории России" вполне справедливо упрекал своего бывшего учителя за то, что тот не признавал связи различных летописных известий (в том числе и хронологических), обусловленной одновременной записью этих известий в летописный свод /22, с.501/.

Все же критическая хронология сыграла важную роль в развитии интересующей нас отрасли знания. Её появление означало, что в сознании учёных твердо установилось разделение двух понятий: "хронология" в смысле определения точного времени свершения тех или иных исторических событий, "хронология" как средство определения достоверности датировок, содержащихся в источниках, и результатов редуccionных расчетов.

Таким образом, к началу XX столетия стало понятно, что хронология как отрасль исторического научного

знания должна была совмещать в себе системный подход к проблемам временичисления (из пасхального направления) с историко-генетическим подходом (из общеописательной хронологии) и с разнообразными методами, выработанными критико-хронологической школой; все это, кроме того, должно было основываться на кропотливом критическом изучении исторического процесса и источников, содержащих сведения о древних элементах учета времени. В русском научном знании становление таких взглядов на историческую хронологию было связано с именем ученого Н.В. Степанова, который в начале XX в. не только обобщил существовавшие до него положительные достижения научных школ, но и совместил их с источниковедческо-текстологическими методами А.А. Шахматова [23].

Итак, возникнув как относительно самостоятельная отрасль научного знания, историческая хронология в ходе 400-летнего развития оформилась в научную дисциплину, главной задачей которой стало изучение истории формирования и развития древних систем учета времени и их соотношение с современной системой, а главным методом — реконструкция древних систем на основе анализа их остаточных проявлений, зафиксированных в исторических источниках.

Археология, как никакая другая историческая наука, наиболее тесно связана с понятием "хронология". Это объясняется тем, что в основе любого археологического исследования изначально, прямо или косвенно, решается проблема датировки — выяснение возраста той или иной находки, того или иного археологического источника. Поэтому мы считаем уместным и целесообразным рассмотреть содержание понятия "хронология" именно в этой исторической дисциплине.

В археологии понятие "хронология" понимается как установление более точной, по возможности, даты суще-

ствования археологического объекта (погребения, кургана, могильника, археологической культуры, общности и т.п.), а также времени свершения исторических событий и явлений, связанных с этими объектами, в частности, и с эволюцией человеческого общества в целом.

В археологической науке так же, как и в истории, датировка имеет несколько уровней применения. Первый — это определение возраста отдельно взятой вещи, комплекса предметов, памятников, слоев поселений и городищ, культур, событий и т.д. Второй — их сопоставление между собой, выявление соотношения и взаимосвязи во времени и пространстве, а также совмещение, если это возможно, с данными письменных источников или историческими событиями. В этом случае датирование, как составная часть хронологии, выступает в роли синхронизации археологических источников.

В археологических исследованиях используются относительное и абсолютное датирование. В совокупности они составляют единую хронологическую систему. Относительные даты устанавливают последовательность возникновения, развития или отмирания отдельно взятой находки, категории вещей, памятника, культуры, явления и т.п. Абсолютные даты привязаны к современному летоисчислению и дают их точный (иногда допускаются определенные интервалы) абсолютный возраст, выраженный в астрономических единицах времени.

Существует ряд методов датирования археологических объектов. По своему внутреннему содержанию они могут быть разделены на три больших блока: исторические, археологические, естественно-научные.

К первым относятся датировки, полученные на основе свидетельств письменных источников (летописи, хроники, работы древних авторов, наскальные надписи, эпитафии и т.д.), а также методы, разработанные в нумизматике, палеографии, сфрагистике, иконографии и других вспомогательных исторических дисциплинах и применяемые в археологии. По своему характеру они наиболее близки методам датировки, используемым в хронологии.

Так, например, с применением данных письменных исторических источников датируются некоторые категории бронзового инвентаря и даже сами памятники эпохи ранней бронзы Европейской части СССР и Сибири. Это так называемые сейминско-турбинские бронзы. Для определения их даты используют свидетельства западно-европейских письменных источников и находки из Китая. В науке их принято называть западной и восточной (Ань-янская) линиями аналогий. Еще О.А. Кривцова-Гракова обратила внимание на сходство материалов Бородинского клада с царскими захоронениями в гробницах древних Микен в Греции и на этой основе датировала его в пределах от XIY до XП вв. до н.э. /24, с.27/. Позднее к этой проблеме не раз обращались советские и зарубежные ученые /25; 26; 27; 28 и т.д./. М. Гимбитас, анализируя западные параллели, пришла к мнению, что Бородинский клад можно датировать промежутком между 1450 и 1350 гг. до н.э. /29, с.14/. Восточная линия опирается на датировки, предложенные американским историком Г. Дабсом, а также некоторыми другими исследователями для хронологии эпохи Шань-Инь. Эта шкала построена на анализе письменных источников и основана на сопоставлении астрономических явлений (данных о затмениях Солнца и Луны). Если исходить из этого, то полученные даты колеблются в пределах XIY-XI вв. до н.э. /30; 31/. Взаимная корреляция западных и восточных датировок, несомненно, способствует более точному определению относительного и абсолютного возраста как самих бронзовых изделий, так и памятников, на которых они найдены. В частности, на этой основе разработана хронология ряда памятников сейминско-турбинского круга Восточной Европы, Западной и Южной Сибири /32/.

К собственно археологическим относятся сравнительно-типологический и стратиграфический методы. И, наконец, к третьим — калий-аргоновый, датирование по трекам спонтанного деления урана, радиоуглеродный, радиотермолюминисцентный, дендрохронологический, археомагнитный и другие методы, разработанные и используемые естественными науками.

Необходимо отметить, что роль методов относительного и абсолютного датирования в различных отделах археологии не одинакова. И если сравнительно недавно методы естественных наук применялись в большинстве случаев для выяснения даты объектов каменного века, реже — бронзового, то в настоящее время они все чаще и чаще используются для определения возраста археологических источников раннего железного века и даже средневековья и, как правило, помогают уточнять даты, полученные собственными археологическими методами, что, естественно, отражается на более конкретном познании исторического процесса. Важность использования естественно-научных методов заключается в том, что они дают абсолютную, в отличие от археологических, временную привязку изучаемых объектов.

Ниже мы хотим рассмотреть примеры использования некоторых методов естественных наук для решения проблем хронологии и периодизации древней и средневековой истории Горного Алтая и Верхнего Приобья. Значение радиоуглеродного датирования в археологических исследованиях очень велико, так как этот метод позволяет наиболее точно установить абсолютный возраст археологического объекта, в состав которого входят остатки растительного или животного происхождения.

Радиоуглеродный метод датировки был разработан известным американским физиком У.Ф. Либби в 1946–1947 гг. /33, 34/. Этот метод основан на том, что в верхних слоях атмосферы Земли при бомбардировке нейтронами космического излучения ядер азота с атомным весом 14 образуется радиоактивный изотоп углерода с атомной массой 14 (^{14}C) — $^{14}\text{N} (n, p) \rightarrow ^{14}\text{C}$. Изотоп ^{14}C радиоактивен и, следовательно, подвержен распаду. У.Ф. Либби установил, что период полураспада ^{14}C равен 5568 ± 30 лет /34/. Период полураспада ^{14}C с развитием данного метода был уточнен, и в настоящее время принято считать его равным 5768 ± 30 лет, хотя в некоторых работах встречаются и другие показатели — 5730 ± 40 лет /35, 36/. В результате полного распада —

испускания β -лучей ^{14}C превращается в стабильный азот ^{14}N . Радиоактивный углерод окисляется, превращаясь в радиоактивный углекислый газ - $^{14}\text{CO}_2$. Через углекислый газ, который в процессе фотосинтеза ассимилируют растения, ^{14}C попадает в них, а оттуда в живые организмы. Вместе с обычным углеродом он участвует во всех процессах геохимического цикла углерода. С отмиранием растения поглощение им $^{14}\text{CO}_2$, а, следовательно, и ^{14}C прекращается. С этого момента в растениях начинается его распад. Равновесная концентрация ^{14}C в обменном углероде биосферы составляет $1,2 \cdot 10^{-10} \%$, что соответствует 15 распадам в минуту на грамм углерода органического происхождения [37]. Следовательно, через 5768 лет будет зарегистрировано только 7,5 распадов в минуту, через 11536 лет - 3,75 и т.д. За время, равное десяти периодам полураспада ^{14}C , активность образца снизится в 2^{10} и будет составлять, примерно, меньше 0,1 % от начальной. Для измерения столь низкой чувствительности в настоящее время нет более или менее точных приборов. Исходя из этого, нижний предел использования радиоуглеродного метода - 55-60 тыс. лет.

Радиоуглеродный метод со времени открытия У.Ф. Либби, естественно, развивался и совершенствовался. Это связано с появлением принципиально новых измерительных приборов высокой точности, а также с его дальнейшей корреляцией, или, как принято говорить, - ка-

либровкой — учётом различных внешних факторов, влияющих на повышение или уменьшение ^{14}C в атмосфере. Это накопление в атмосфере технического CO_2 , практически не содержащего ^{14}C , влияние атомных взрывов, перемена интенсивности космического излучения, изменения магнитного поля Земли и т.д. Поправки, внесенные в связи с этими факторами, позволили снизить величину ошибки измерения абсолютной даты образца радиоуглеродным методом до 25–40 лет, а иногда и менее.

В последнее время для ряда памятников лесостепного Верхнего Приобья и Горного Алтая получены данные радиоуглеродного датирования. Они позволили уточнить, а в некоторых случаях и пересмотреть не только ранее принятую дату того или иного памятника, но и хронологию отдельных археологических культур в целом.

В частности, для афанасьевских памятников Горного Алтая, локализующихся у села Ело Онгудайского района, в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ЛОИА) было получено пять радиоуглеродных дат, которые дали следующие результаты: могильник Кара-Коба 1, ограда 3 — 5100 ± 50 лет, или 3130 ± 50 гг. н.э. (ЛОИА — 1607); Ело-Баши, ограда 5 — 4920 ± 50 лет, или 2950 ± 50 гг. до н.э. (ЛОИА — 1608); Нижний Тюмечин 1, ограда 7 — 4860 ± 60 лет, или 2790 ± 60 гг. до н.э. (ЛОИА — 1606); Ело 1, ограда 2 — 4750 ± 50 лет, или 2780 ± 50 гг. до н.э. (ЛОИА — 1610) и Ело 1, ограда 4 — 4410 ± 50 лет, или 2440 ± 50 гг. до н.э. (ЛОИА — 1609) /38, с.47/. Дата образца из могильника Ело 1, ограда 2, была продублирована в Институте Геологии и Геофизики СО АН СССР (СОАН). Установленный возраст составил 4770 ± 25 лет или 2750 ± 25 гг. до н.э. (СОАН — 1521) /39, с.31/. То есть разброс между датами, полученными независимо друг от друга, равен всего 30 годам. Однако, учитывая то, что в первом случае коррекция ± 50 лет, а во втором всего ± 25 лет, а также и то, что используемая древесина могла иметь разный возраст, — можно понять, что даты практически совпали. Эти датировки позволили уточнить время существования афанасьевских памятников

Центрального Алтая в пределах конца IY-первой половины III тыс. до н.э.

Радиоуглеродные даты получены и для могильников и поселений предандроновской бронзы лесостепного Алтая. Они позволили датировать их в пределах первой половины II тыс. до н.э. Так, например, дата по Елунинскому могильнику составила 3560 ± 30 лет, или 1610 ± 30 гг. до н.э. (СОАН - 1793) /39, с.50/, а по поселению Коровья Пристань III на озере Иткуль - 3660 ± 75 лет, или 1670 ± 75 гг. до н.э. /40, с.18/.

Радиотермолюминисцентный метод является одним из методов естественных наук, используемых в археологии для абсолютного и относительного датирования. Внутрь него выделяется термолюминисцентный (ТЛ) и рентгенолюминисцентный (РЛ) анализы.

Термолюминисценцией называется свечение минералов и искусственных соединений в процессе нагревания до $400-500^{\circ}\text{C}$ (ниже температуры красного свечения). Явление это обусловлено разнообразными структурными и примесными микродефектами кристаллического вещества /41/. Под воздействием излучения (природная радиоактивность, космические лучи, ультрафиолетовое излучение Солнца и т.д.) происходит перераспределение электронов: часть микродефектов (акцепторов) выступает в качестве ловушек (центров захвата) электронов, другие (доноры) теряют электроны (захватывают дырки). При нагревании происходит освобождение электронов из ловушек и рекомбинация с зарядами противоположного знака, сопровождаемая световым излучением, которое и фиксируется в ходе ТЛ-анализа /42/. Прочность связи электрона (дырки) с ловушкой (глубина ловушки) определяется природой, структурным положением ловушки и температурой среды. Чем глубже ловушка, тем при более высокой температуре происходит массовое освобождение электронов из ловушек данного типа. При ТЛ-анализе этот момент фиксируется как максимум свечения (пик ТЛ). Глубина ловушек, частотный фактор и температура среды определяют время жизни электронов

в ловушках, которое при комнатных температурах может колебаться от долей секунды до многих миллионов лет.

Для хронологических целей пригодны только такие ловушки, в которых время жизни электронов (дырок) при поверхностных температурах хотя бы в 10–20 раз больше возраста исследуемых объектов. В большинстве минералов пик ТЛ с максимумом свечения выше 260–280 °С вполне пригодны для геохронологических исследований в пределах антропогена (1–2 млн. лет).

Попытки использования ТЛ для определения абсолютного возраста различных образцов основаны на том, что до определенного предела накопление ТЛ в ловушках происходит примерно пропорционально дозе радиации, которая, в свою очередь, зависит от интенсивности и времени облучения. Значит, зная накопленную светосумму ТЛ, природную радиоактивность и экспериментально определив чувствительность вещества к радиации – прирост ТЛ на единицу поглощенной дозы радиации, нетрудно вычислить возраст исследуемого материала. Однако анализ осложняется многочисленными плохо учитываемыми техническими трудностями, поэтому в большинстве случаев определяется не абсолютный (хотя это и возможно), а относительный возраст.

Рентгенотермолюминисценция – это свечение образца под воздействием рентгеновского излучения. В этом случае возбуждаются непосредственно центры свечения (структурные и примесные дефекты в минерале), каждый из которых излучает в определенном спектральном диапазоне.

Радиотермолюминисцентный метод был использован одним из авторов данной статьи совместно с Н.Н. Борзюновской для определения относительной датировки керамики афанасьевского поселения Бальктыкуль из Горного Алтая и многослойного поселения Костенкова Избушка на озере Иткуль, недалеко от Бийска [43]. Причем, для этой серии керамики применены методы рентгенотермолюминисценции и термолюминисценции. Подробное описание подготовки проб и методика их ТЛ и РЛ-анализов

подробно описаны Ю.Ф. Кирюшиным и Н.Н. Борзоновской /43/. Поэтому остановимся лишь на основных выводах, которые позволили сделать результаты использованного метода. Так, из четырех проб с поселения Балыктыль по РЛ свойствам слабым свечением выделяется проба № 3, однако ТЛ свойства у всех проб близки, что говорит об одновременности керамики. Такого рода исключение можно объяснить спецификой термической обработки. Эта одновременность керамики интересна тем, что для анализа были отобраны фрагменты собственно афанасьевской керамики и сосудов, украшенных крупнозубой отступающей и печатной гребенкой. Такая керамика наиболее характерна для памятников начала II тыс. до н.э. лесостепного Приобья. Таким образом, можно сделать вывод о том, что афанасьевские памятники в Горном Алтае существовали до начала II тыс. до н.э. или этот тип керамики был характерен для поселенческих комплексов афанасьевской культуры уже в III тыс. до н.э., что менее вероятно /29, с.76/.

Сходство люминисцентных характеристик (РЛ, ТЛ) для проб с поселения Костенкова Избушка позволяет судить об их генетической однородности. На этой керамике четко прослеживается зависимость интенсивности свечения от возраста: чем моложе керамика, тем слабее она светится. В принципе, как считают Ю.Ф. Кирюшин и Н.Н. Борзоновская, возможно построение кривой, отражающей особенности разновозрастной керамики, для чего необходимы 15-20 эталонных образцов с возрастом, определенным радиоуглеродным методом. В таком случае возможно использовать данные РЛ и ТЛ анализов для установления абсолютного возраста изучаемых образцов. В перспективе можно создать для Горного Алтая и лесостепного Верхнего Приобья своеобразную шкалу показателей РЛ и ТЛ анализов с привязкой их к абсолютным датам.

Наряду с вышеописанными для датировки археологических памятников, в составе которых имеются хорошо сохранившиеся фрагменты древесины, используется

метод дендрохронологии, основанный на природной аксиоме — ежегодно диаметр дерева увеличивается на одно годовичное кольцо. Толщина колец, их форма и структура зависят от климатических условий того или иного года, а совокупность нескольких колец — от климатического цикла ряда лет. Сопоставление эталонных, т.е. своеобразных годовичных колец, приходящихся на один и тот же год, у разных деревьев различного возраста (определенная цепная связь) в пределах одной географо-климатической зоны позволяет составить дендрошкалу. С точки зрения хронологии, дендроанализ позволяет устанавливать абсолютную и относительную дату археологического объекта. В первом случае это возможно тогда, когда один из спектров дендрограммы того или иного образца может быть привязан к какой-нибудь известной календарной дате. В противном случае дендрошкала является "плавающей". Она позволяет установить лишь относительную датировку археологических памятников, которые, безусловно, существовали в пределах разработанной дендрошкалы. Однако относительная дендрошкала или дендрограмма в сочетании с другими методами (историческими, естественно-научными), позволяющими устанавливать абсолютную дату рассматриваемого образца, может стать абсолютной, конечно, в рамках точности используемых методов. Иными словами, необходима абсолютная временная привязка относительной дендрошкалы.

При помощи хорошо разработанной абсолютной дендрошкалы можно устанавливать дату археологического памятника с точностью до одного года. К сожалению, применение этого метода ограничено тем, что он может быть использован только для памятников с хорошими условиями для сохранения древесины. С этой точки зрения уникальными являются большие и некоторые малые скифские курганы Горного Алтая. На данной территории это пока единственные курганы, хронология которых изучена с применением возможностей метода дендрохронологии.

Дендрохронологические исследования пяти больших Пазарьских и 1-го Туэктинского курганов проводились

И.М. Замоториным, Е.Н. Захаревой и Л.С. Марсадоловым /44, 45, 46/. Ни в коей мере не уменьшая заслуг и важности выводов двух первых учёных, остановимся более подробно на итогах работ, сделанных Л.С. Марсадоловым /46, 47, 48/. На основе анализа годичных колец 41 образца древесины из шести больших курганов Саяно-Алтая (Аржан, Туэкта-1, Пазырык-1, 2, 3, 4, 5 и Шибе) при помощи перекрестного датирования дендрограмм из разных курганов он построил общую для Саяно-Алтая дендрощкалу, протяженностью 634 года /47, с.6/. Она позволила уточнить последовательность строительства больших курганов. Л.С. Марсадолов считает, "что курган Аржан в Туве сооружен на 200 ± 5 лет ранее первого Туэктинского кургана на Алтае. Через 130 лет после Туэкта-1 началось возведение курганов в урочище Пазырык. Первым там сооружен второй курган, на один-два года ранее первого кургана" /47, с.7/. Затем, по данным, полученным еще И.М. Замоториным и подтвержденным Л.С. Марсадоловым, было начато строительство четвертого кургана, не позднее 7 лет после первого, а не позднее 30 лет после четвертого - третьего. Самым последним воздвигли пятый курган, на 40-50 лет позднее второго /47, с.7/. В данном случае, как видим, установлена лишь относительная хронология рассматриваемых курганов. Однако автор предпринял попытку совмещения имеющихся данных абсолютного возраста образцов по ^{14}C (32 даты) с дендрохронологически увязанными образцами из этих памятников. Таким образом, проделана работа по превращению "плавающей" шкалы в абсолютную. Даты по ^{14}C : Аржан - 745 ± 40 лет, Туэкта-1 - 540 ± 40 лет, Пазырык-1, 2, 3, 4 - 410 ± 40 лет, Пазырык-5 - 360 ± 40 лет /47, с.10, табл.2/.

Эти исследования, с учетом ранее полученных данных, позволили Л.С. Марсадолову уточнить относительную хронологию изучаемых курганов и осуществить их привязку к абсолютным датам (в допустимых пределах). На этой основе стало возможным конкретизировать относительную и абсолютную хронологию различных категорий

инвентаря, более точно синхронизировать отдельные курганы, объединяя их в хронологические группы. Все это не может не сказаться на периодизации скифской эпохи Горного Алтая и сопредельных территорий.

Итак, на примере данных нескольких естественно-научных методов мы попытались рассмотреть их возможности в датировании различных археологических памятников, создании относительной и абсолютной хронологии.

В заключение отметим, что намечавшаяся в археологии некоторая идеализация методов естественных наук не совсем оправдана. Полная и объективная датировка археологических источников возможна только на основе всестороннего использования всех методов — исторических, археологических и естественно-научных, дополняющих и уточняющих друг друга. С развитием и совершенствованием последних их роль в хронологии и периодизации древней истории будет постоянно возрастать. Уже сейчас существует реальная необходимость широкого привлечения различных естественно-научных методов для развития хронологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Летопись иже во святых отца нашего Димитрия митрополита Ростовского чудотворца, сказующая деяния от начала миробытия до Рождества Христова. Ч.1. М., 1799, 393 с.; Ч.2. М., 1800. 426 с.

2. Дни святого Димитрия // Шляпкин И.А. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб., 1891. Приложение, с.1–11.

3. [Димитрий (Туптало Д.)]. Роспись митрополитов Киевских с кратким летописанием // Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. [М.], [1775]. С.54–108.

4. Соловьев И. Настольная хронология. Ч.1: По времени событий. СПб., 1852. 178 с.

5. [Дмитриев-Мамонов Ф.И.] Хронология, переведённая тщанием сочинителя, философа дворянина. Ч.1. М., 1782, 134 с.; Ч.2. М., 1782. 286 с.

6. [Голіцині А.И. Ядро хронологическое истории всемирной, от начала света до Екатерины II. Ч.1. М., 1804. 412 с.; Ч.2. М., 1804. 324 с.; Ч.3. М., 1805. 346 с.; Ч.4. М., 1805. 398 с.

7. Свечин Н. Всемирная хронология. М., 1809. 182 с.

8. Ideler L. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie: Aus den Quellen bearbeitet. Ed.I. Berlin, 1825. 689 S.; Ed.II. Ibid., 1826. - 676 S.

9. Штейнгель В.И. Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля. СПб., 1819. 368 с.

10. Лалюш М.Н. Сравнительный календарь древних и новых народов. СПб., 1869. 321 с.

11. Г.М. [Мещеринов Г.В.] Времясчисление у древних и новых народов. Казань. 1884. 96 с.

12. Климишин И.А. Календарь и хронология. 2-е изд. М., 1985. 320 с.

13. Зырин Н.В. Ненсходимый Индиктион или Пасхалия Зрячая. М., 1799. 147 с.

15. Яковкин И.Н. Пасхалия арифметическая и ручная. СПб., 1862. 452 с.

16. Г.М. [Мещеринов Г.В.] Православная Пасхалия. СПб., 1876. 55 с.

17. Krug Ph. Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühe Geschichte Russlands. St. Petersburg, 1810. 328 S.

18. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т.1У: Период удельный, 1054-1240. М., 1850. С.80-140.

19. Погодин М.П. Хронологический указатель древней русской истории: Статьи вторая, третья и четвертая // Ученые записки П-го Отделения императорск. Акад. наук. 1863. Кн.УП. Вып.2. С.45-150.

20. Kunik E.E. Probe einer neuen Ausgabe der byzantinischen Chronologie von Philipp Krug // Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie impériale des Sciences de St. Petersburg, 1852. T.IX, N.14, 24. Col.223-224, 379-384.

21. Куник А.А. О признании 1223 года временем битвы при Калке // Учёные записки императорск. Акад. наук по 1 и III отделениям, 1854. Т.П. Вып.5. С.765-787.
22. Соловьев С.М. Несколько слов по поводу вопроса о том: "Когда русскому государству исполнится тысяча лет?" // Московские ведомости, 1852. 22 апр. № 49. С.501.
23. О Н.В. Степанове и его трудах см.: Белокуров С.А. [Н.В. Степанов] // ЧОИДР. 1917. Кн.1 (260). С.Ш-1У.
24. Кривцова-Гракова О.А. Бессарабский клад // Тр. ГИМ, 1949. Вып.7. 27 с.
25. Бадер О.Н. Древнейшие металлургии Приуралья. М., 1964. 175 с.
26. Бочкарев В.С. Проблемы Бородинского клада // Проблемы археологии. 1978. Т.1. С.129-154.
27. Мерперт Н.Я. Срубная культура Южной Чувашии // МИА, 1962. № УШ. С.7-21.
28. Тереножкин А.И. Основы археологии предкифского периода. СА. 1966, № 1. С.63-85.
29. Gimbitas M. Middle Ural sites and Chronology of Northern Eurasia-Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard University, Proceedings of Prehistoric Society for 1958, V.XXIV. Cambridge, 1958.
30. Dabs H. The Date of the Shang Period. T'oung Pao, 1951. V.XL.
31. Dabs H. The Date of the Shang Period. T'oung Pao, 1953. V.XLII.
32. Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. Paris-London, 1965.
33. Libby W.F. Phys. Rev., 69, 671. 1946.
34. Libby W.F. Radiocarbon Dating. 2 ed. Chicago, 1955.
35. Артемьев В.В. Измерение времени радиоуглеродным методом // Новые методы в археологических исследованиях. М., 1963. С.33-56.

36. Бутомо С.В. Применение радиоуглеродного метода в археологии // Новые методы в археологических исследованиях. М., 1963. С.9-31.

37. Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972. 146 с.

38. Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С.46-53.

39. Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В. Абсолютный возраст некоторых памятников энеолита и бронзы Западной Сибири // Проблемы Западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С.28-32.

40. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1986. 35 с.

41. Марфутин А.С. Спектроскопия, люминисценция и радиационные центры в минералах. М., 1975. 136 с.

42. Кирюшин Ю.Ф., Матросов И.И. Определение возраста древней керамики термолюминисцентным методом // Новые методы в археологии. Томск, 1980. С.54-65.

43. Кирюшин Ю.Ф., Борзоновская Н.Н. Определение относительного возраста керамических комплексов многослойных памятников методом люминисценции // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С.72-76.

44. Замоторин И.М. Относительная хронология Пазырьских курганов // СА. 1959. № 1. С.21-30.

45. Захариева Е.И. Археологическое дерево как исторический источник: Дендрохронология Саяно-Алтайских курганов VIII-IX вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. 20 с.

46. Марсадилов Л.С. Методы естественных наук и хронология пяти больших Пазырьских курганов // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1988. С.15-20.

47. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (УШ-1У вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.

48. Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // АСГЭ. Л., 1984. Вып.25. С.90-98.

В.Т. Плахин

Барнаульский государственный педагогический институт

ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПЕРВОБЫТНОГО СТРОЯ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ХРОНОМЕТРИИ

В истории философской мысли издавна сложились две концепции понимания сущности времени: реляционная (относительная) и субстанциональная (абсолютная). Для сторонников первой из них не имеет смысла говорить о времени вне отношения к движущейся реальности. Так, Аристотель считал, что время – это мера движения и покоя. Он писал, что мы "тогда говорим, что протекло время, когда получим чувственное восприятие предыдущего и последующего в движении". Таким образом, для Стагирита "время есть не что иное как число движения по отношению к предыдущему и последующему" /1, с.114-115/. Августин отмечал, что измеряется не время, но временная длительность течения события, начало и конец которого зафиксированы /2, с.73/. Г. Лейбниц неоднократно подчеркивал, что считает время "чем-то чисто относительным", а именно – "порядком последовательностей" вещей или событий /1, с.159; 2, с.94/. А. Эйнштейн в физике связал идеи пространства и времени с реальностью, т.е. сделал то же, что до него в философии сделали Лейбниц, Августин и Аристотель /2, с.179/.

Для сторонников субстанциональной концепции время представляет собой самостоятельную, ни от чего не зависящую сущность. Так, И. Ньютон, чье имя неразрывно связано с господством субстанциональной парадигмы, считал, что истинное, математическое время протекает равномерно, без всякого отношения к чему-либо внешнему /3, с.35/. Это означает, что время, длительность которого задается линией евклидовой геометрии, а ритм – натуральным рядом чисел в интервале от "минус бесконечности" до "плюс бесконечности", является "бесплотным вместилищем мира"/1, с.156; 2, с.91/. Любопытно, что зарождение понятия о математическом времени и изобретение механических часов приходятся на начало XVI в. /3, с.29/. Очевидно, появление прибора, отсчитывающего часы (а затем и минуты), которые складывались в сутки, способствовало распространению мнения, что измеряется время как самостоятельная субстанция. Магический ход часов наводил на мысль о том, что само время неумолимо и равномерно идет вперед, независимо от того, спят или трудятся люди, воцаряется мир или вспыхивает война, возводятся или разрушаются города. При этом как-то упускалось из виду, что абсолютное "время механических часов" в конечном счете является относительным, ибо самое понятие суток порождено сменой состояний "астрономического неба". Но такое упущение понятно; создав на основе довольно точного и не зависящего от земных дел "небесного механизма" идеальный временной эталон и объективировав его в механизме часов, человек получил возможность соотносить длительность интересующих его событий и процессов с полученной моделью, без особой нужды не задумываясь над природой её оригинала. Поэтому, на наш взгляд, следует согласиться с теми специалистами, которые склонны считать абсолютную концепцию времени не заблуждением, а отвлечением, позволяющим сконцентрировать внимание на длительности событий и процессов, т.е. том аспекте, который оказался не учтенным в концепции Лейбница /2, с.91/. Не слу-

чайно в целом ряде современных определений делается попытка синтезировать оба рассмотренных подхода и говорится о том, что термин "время" служит для обозначения и последовательности, и длительности явлений.

О социальном времени как мере изменчивости общественных процессов /4, с.93/, видимо, тоже можно говорить в двух отношениях. Во-первых, оно включает в себя внутреннюю (собственно социальную) определенность, выраженную в последовательной смене общественных форм. Во-вторых, оно подразумевает внешнюю определенность социальных феноменов на абсолютной шкале времени, наглядно показывающей их длительность и одновременность с другими общественными и природными явлениями.

Распространенность так называемых абсолютных и относительных датировок в археологии говорит о том, что она давно "знакомая" и с реляционным (внутренним), и с субстанциональным (внешним) временем. Например, утверждение о том, что большебереченская культура делится на три последовательных этапа (большебереченский, бийский, березовский) /5, с.44-98/, фиксирует последовательность существования социокультурных форм и выражает реляционное построение. А высказывание о том, что первый из этих этапов датируется УП-У1 вв. до н.э. - это суждение "субстанционального" временного уровня /5, с.44, 70/.

В данной работе мы попытаемся по-новому проанализировать потребности измерения относительного и (или) абсолютного времени, которые существуют у первобытной археологии и так называемой истории первобытного общества. Проблема будет рассмотрена нами сквозь призму познавательной функции этих дисциплин и их взаимной связи. Вопрос об их соотношении особо сложен в связи со своеобразием распространенной в литературе методологической модели истории первобытнообщинного строя. Нетрудно убедиться, что в этой трактовке история первобытности не является историей в полном смысле этого слова. В основе рассуждений сторонников ана-

лизирваемой методологической ориентации лежит мысль о том, что по археологическим источникам можно непосредственно судить только о хозяйстве и материальной культуре древних обществ /6, с.42; 7, с.109/. Восстановление же социальной структуры мыслится либо невозможным, либо "возможным лишь в самых общих чертах" /8, с.158/, поэтому роль насыщения "плотью и кровью" археологического "скелета" первобытности /9, с.60-61/ отводится этнографии, располагающей непосредственными данными о первобытных социальных отношениях /7, с.108/. При этом отмечается, что синполитейные общества, т.е. этнографически наблюдаемые общества "современных предков", развивающиеся на периферии цивилизаций, подвергаются с их стороны разнообразным деформирующим воздействиям и уже поэтому являются не эквивалентами, а аналогами обществ классической первобытности, называемых аполитейными /6, с.42; 10, с.32-33; 11, с.72/. Следовательно, процесс "оживления" археологических остатков должен протекать в соответствии с правилами вывода по аналогии, которые предполагают, что признак, переносимый с одного объекта на другой, должен быть максимально детерминирован его сущностью. Значит, для получения обоснованных знаний о классической первобытности необходимо в процессе кросс-культурного исследования сопоставить ряд синполитейных обществ и, отделив типическое (отражающее сущность формационной ступени) от конкретно-исторического (обусловленного особенностями природного и социального окружения), перенести это типическое в реконструируемую стадию развития /11, с.79-80/.

Такие абстрактные конструкции, в которых всё индивидуальное, особенное, соответствующее своеобразным историческим и географическим условиям, элиминировано, а общее, необходимое, типическое для определенной стадии социального развития, выявлено, В.Р. Кабо называет этнографическими моделями /9, с.65, 82-83, 86/. Заключительный этап реконструкции истории перво-

бытности, по мнению этого учёного, выглядит как создание общих исторических типов, построенных на сопоставлении этнографических моделей с археологическими, т.е. обществами и культурами, изучаемыми археологией /9, с.86/. В случае обнаружения сходства делается вывод, что сравниваемые объекты принадлежат к одной и той же стадии общественного развития, или историческому типу /9, с.80/. При этом в процессе сравнения исследователь абстрагируется от пространственно-временных характеристик археологических и этнографических типов, обобщённых до уровня моделей, а учитывает лишь сходство их социально-экономических структур /9, с.80/. В этом плане рассматриваемая установка весьма сходна с концепцией компаративной, т.е. сравнительной, археологии И. Рауза. Если в его системе "аналитической" археологии отводится роль изучения древних вещественных остатков "самих по себе", а синтетической археологии предписывается использовать их для изучения отдельных народов и присущих им "поведенческих норм", то компаративной археологии принадлежит право применения археологических источников для исследования "человеческого поведения вообще" /12, р.26,29/. И если археолог, применяющий синтетический подход, стремится узнать как можно больше о конкретных народах (где и когда они жили, какие культуры, социальные структуры и языки имели), т.е. работает, по Э. Сполдингу, с измерениями пространства, времени и формы, то представитель компаративной археологии игнорирует вариации по двум первым измерениям /12, р.27/. Археолог-компаративист изучает человеческое поведение в общих чертах и поэтому стремится отбирать археологические образцы, иллюстрирующие типичную форму и беспорядочно распространенные в измерениях пространства и времени /12, р.29/. Из синтетических исследований он может почерпнуть факты совместной встречаемости определенных форм в каких-либо пунктах пространства и времени, но сами конкретные пункты его не интересуют /12, р.30/.

Разумеется, и "история первобытного общества" в трактовке В.Р. Кабо и А.И. Першица, и компаративная археология И. Рауза отвлекаются от "ньютоновской" шкалы абсолютного времени. И это понятно, ибо абстрагирование от многообразия исследуемых форм делает необходимым знание о том, какие природные и социальные явления были одновременны этим формам и определили их региональные особенности. Отвлечение от "линии времени" и игнорирование пространственного контекста предстают просто как две стороны одной медали. Вель, как с классической ясностью отметил Г. Лейбниц, "пространство с точки зрения возможности означает порядок одновременных вещей" /1, с.159/. Но историю, как свидетельствуют методологи, интересует именно региональная специфика социальных форм, то особенное в обществе, что возникло на пересечении разнообразных факторов, действовавших в определенное время и в определенном месте. Специфический предмет истории - это выявление не просто стадийных, а стадийно-региональных закономерностей, нацеленных на объяснение всего многообразия конкретных социальных форм /13, с.104-114; 14, с.197/. Исходя из этого мы не можем признать, что методологическая модель "истории первобытного общества", представленная в работах А.И. Першица и В.Р. Кабо, удовлетворяет принципам исторического исследования. Правда, В.Р. Кабо декларировал, что предметом истории первобытности являются "общество и культура в их многообразных исторических и региональных формах" /9, с.64/. Однако характер познавательных процедур, предлагаемых им и его единомышленниками, уводят, как мы видели, исследование от достижения данной цели. Эти процедуры на деле подчинены реализации иной установки В.Р. Кабо, согласно которой история первобытного общества должна возводить "здание первобытнообщинной формации как отвлеченного от пространственно-временных условий общего историко-типологического понятия" /9, с.64/. Эти две установки одного автора не могут быть одновременно осуществлены в той самой мере, в какой

не могут быть одновременно истинными два противоречащих суждения.

Исследования В.Р. Кабо и А.И. Першица являются скорее социологическими, нежели историческими. Ю.И. Семенов справедливо считает процесс вычленения стадийных этнографических моделей ничем иным, как построением теории первобытности /7, с.108-109/. В ней, по мнению этого автора, проявляется освобожденная от конкретно-исторической формы внутренняя необходимость развития "первобытного общества вообще" как особого идеализированного объекта, существующего в чистом виде лишь в научном мышлении /7, с.109-110/. Проследившая смену стадий, т.е. наиболее существенных состояний этого объекта, исследователь создает его периодизацию. А поскольку периодизация вообще предназначена выражать логику процесса /15, с.18/, то в данном случае она проявляет логику эволюции первобытной формации в целом /7, с.109-111/. Разумеется, проекция этнографических моделей, социологических по своей сути, на археологический материал, подразумеваемая исследовательской схемой А.И. Першица и В.Р. Кабо, не превращает абстрактно-логическое знание о первобытности в знание конкретно-историческое. В результате такой процедуры о конкретных социокультурных организациях классической первобытности ученый получает только те сведения, которые характеризуют их как типичных представителей той или иной стадии. При этом и социологическое знание остается чисто этнографическим по своей природе и не пополняется за счет результатов историко-синтетических исследований первобытных обществ далекого прошлого. Ведь если И. Рауз считал, что и аналитический, и синтетический, и компаративный подходы имеют для археологии "равное значение" /12, р.31/, то А.И. Першиц и В.Р. Кабо трактуют эту дисциплину чисто аналитически. "Первобытная археология, — пишет В.Р. Кабо, — как известно, занята поисками и изучением памятников первобытной культуры, остатками давно прошедшей жизни" /9, с.60/. Резюмируем: время "истории первобытного обще-

ства" в её только что рассмотренной нами трактовке - это реляционное социологическое время, ибо на деле эта наука концентрирует свое внимание на построении теоретического каркаса первобытности и прослеживает в плане периодизации лишь "порядок последовательностей" формационных ступеней.

Чтобы перейти от формационной теории к истории, от социологического времени к историческому, необходимо совершить восхождение от абстрактного к конкретному. Если в процессе построения теории происходило отрицание конкретно-исторических форм, направленное на "обнажение" логической формы, то отрицание последней должно осуществляться в ходе собственно исторического исследования. Результатом второго отрицания будет возвращение к конкретно-историческим формам. Но это будут не этнографические формы, с исследования которых начиналось построение теории, а реконструированные формы классической первобытности. Мы считаем подобные реконструкции в археологии принципиально возможными, ведь артефакты являются результатом функционирования различных, но тесно связанных между собой подсистем целостной социокультурной системы и, следовательно, содержат потенциальную информацию о разных аспектах её деятельности /16, p.22-23/. При этом теории первобытнообщинной формации мы отводим роль своеобразного методологического ориентира, необходимого археологу для собственно исторических объяснений, поскольку для целенаправленного постижения сущности "особенного" в археологических источниках, восстанавливаемых событиях и процессах прошлого весьма безразличны знания о стадияльной принадлежности конкретных апополитейных обществ. Подчеркнем, что для получения таких знаний недостаточно использовать аналогично между археологическим типом и этнографической моделью. Как известно, даже логически грамотные аналогии имеют проблематичный, вероятностный характер. Поэтому, чтобы повысить степень вероятности наших рассуждений, целесообразно сформулировать на основе стадияльных мо-

делей социологические гипотезы относительно общественной структуры изучаемого объекта и проверить их на независимых данных. Собственно исторические, т.е. стадияльно-региональные гипотезы, объясняющие специфику аполитейных обществ, естественно, будут выдвигаться с учетом результатов стадияльной "оценки".

Совершая восхождение от абстрактного к конкретному, первобытная археология имеет дело и с абсолютным, и с относительным временем. Абсолютная датировка археологического материала и, следовательно, локализация в абсолютном времени проецируемого на этот материал социологического абстракта имеет принципиальное значение. Оно обусловлено не просто тем, что исследователю хочется знать, когда именно в прошлом конкретные общества находились на тех или иных формационных ступенях развития первобытности. Главное в данном случае то, что, размещая на линии времени стадияльный абстракт, мы занимаемся поисками контекста, наличие которого обуславливает разнообразие и специфику не абстрактных, а реальных исторических форм. Синхронизация факторов природного и социального окружения, известных из предыдущих исторических или естественнонаучных исследований, со своеобразными формами, наблюдающимися в археологическом источнике и т.е. уходящими адекватного объяснения, — немаловажное условие установления причинно-следственных зависимостей, поиска детерминант. Предположение о том, что для определенного времени и места характерны функционирование некоего стадияльного архетипа, оригинальная конфигурация археологического материала и действие некоторых формообразующих факторов окружения, — это отправной пункт предметных размышлений о возможных воплощениях общего в исторически особенных социальных структурах. К реляционному времени первобытная археология может иметь отношение в двух смыслах. Во-первых, она прослеживает диахроническую переменчивость в археологическом материале и проводит периодизацию источниковедческого уровня. Во-вторых, наблюдает смену форм, воссозданных в процессе археоло-

го-синтетических изысканий, т.е. осуществляет исторические периодизации в полном смысле слова. Естественно, что изменения, отраженные в периодизациях того и иного вида, по возможности должны сопровождаться абсолютными датировками.

Кроме того, первобытная археология способна внести свой вклад в стадиальную периодизацию первобытно-общинной формации в целом, т.е. приобщиться к реляционному социологическому времени первобытности. Историографии уже известны примеры корректировки, усовершенствования изначальных теоретических моделей как отдельных общественно-экономических формаций, так и всего исторического процесса. Так, например, привлечение материалов по истории Древнего Востока и более тщательное отношение ко всем видам доступных источников позволило пополнить и даже исправить модель рабовладения, построенную на греко-римском материале. С другой стороны, это помогло отказаться от рассмотрения античного рабства сквозь призму представлений о плантационном рабстве в США XIX в. /17, с.341-342, 352,354/. В медиевистике тоже обнаружилась неправомерность первоначального отождествления феодализма вообще с одной из его разновидностей, существовавшей на севере Франции в XI-XIII вв. и ранее всего изученной /18, с.8-10,24/. По мнению Н.И. Конрада, материалы востоковедения дают возможность пересмотреть некоторые положения общей теории исторического процесса, "европоцентристской" в том смысле, что она создавалась в основном на европейском материале /19, с.15-16/. Теория первобытности тоже нуждается в постоянном развитии в свете новых конкретно-исторических исследований и уже поэтому не может быть, вопреки мнению Ю.И. Семенова, "этнографической, и только этнографической" /7, с.109-110/.

Конкретизируя мысль о возможных объективных причинах несовершенства чисто "этнографической" теории первобытного строя, выскажем ряд соображений. Во-первых, контекст археологического наблюдения первобытных

форм значительно шире этнографического. При этом, как отмечают специалисты, "этнография в основном исчерпала свои полевые ресурсы" /10, с.39/. Во-вторых, этнографический материал ограничивается оставшими в своем развитии формами, многие из которых, без сомнения, обладают гораздо меньшим эволюционным потенциалом по сравнению с формами классической первобытности. В науке же существует мнение о том, что при выявлении общенсторического содержания и философского смысла той или иной формации "моделирующее значение" имеет изучение тех социальных организмов, которые не только полно пережили моделируемую эпоху, но и в наиболее явной форме обнаружили тенденции развития, демонстрируя переходы от одной формации к другой /20, с.32/. В-третьих, в этнографии в виде живых общественных организмов, как правило, не представлены формы, которые могли бы быть аналогами домезолитических апсолитетных обществ. Поэтому при исключительно этнографическом подходе теория первобытности в значительной степени должна строиться на изучении пережитков прошлого. По наиболее удачному определению, их следует рассматривать как остатки прошлого, в основном сохранившие старую форму, но наполненные новым содержанием. Отсюда ясно, что, вопреки декларациям /7, с.108/, этнография зачастую располагает непосредственными данными не о социальных отношениях, а о следах этих отношений. Поэтому проблема понимания пережитка, связанная с "извлечением" его первоначального смысла из-под последующих напластований, является не менее трудной, чем проблема понимания артефакта в археологии. В-четвертых, не существует гарантий, что этнография располагает материалом для реконструкции всех стадий первообщинной формации. Мнение о том, что метод пережитков "может быть распространен на все этапы первобытной истории" /10, с.36/, носит априорный характер, ведь строгие критерии определения стадияльной глубины пережитков еще только предстоит разработать /21, с.47-50/.

В связи со всем этим стадияльные модели, отражающие наиболее существенные черты развития первобытного общества в целом, должны быть построены в результате сравнения как этнографических (наличных и воссозданных), так и археологически реконструированных конкретно-исторических форм. Вне соотношения с материалами классической первобытности теоретические положения, выведенные этнографически, в лучшем случае могут быть признаны справедливыми лишь для синполитейных обществ. Конечно, получить археолого-исторический "синтез" будет более сложно, когда чисто этнографическая стадияльная модель обнаружит несовершенство в ходе верификации на археологическом материале, — ведь процесс выдвижения собственно исторических гипотез в этом случае будет слабо ориентирован. Зато возрастет вероятность того, что гипотезы, сформулированные на основе археолого-этнографических стадияльных моделей, подтвердятся при археологическом исследовании еще не изученных социокультурных систем классической первобытности.

Идеально здание теории первобытности должно было бы сразу возводиться на основе результатов "синтетических" исследований в археологии и этнографии. Однако на практике первоначальный эскиз теории первобытности, возможно, будет выполнен по преимуществу "этнографически", поскольку собственно исторические исследования получили пока большее развитие в этнографии, нежели в археологии, и этнография уже сейчас обнаружила стремление моделировать стадии развития первобытного общества. Монопольное право моделирования какой-либо ступени развития первобытности может принадлежать археологии только в том случае, если будет достоверно известно, что данная стадия никак не отражена в этнографическом материале.

Итак, мы видим, что в распоряжении первобытной археологии имеется значительно больше точек соприкосновения с временными аспектами социальной реальности, нежели у теории первобытнообщинной формации. Это обстоятельство вызвано тем, что первобытная археология, как мы пытались показать, более "чувствительна" к вариативности социокультурных форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: Истоки, эволюция, перспектива. М., 1982. 222 с.

2. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М., 1987. 256 с.

3. Уитроу Дж. Структура и природа времени. М., 1984. 64 с.

4. Фролов И.Т., Араб-Оглы Э.А., Арефьева Г.С. Введение в философию. Ч.2. М., 1989. 640 с.

5. Гризнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка. М., 1956. 163 с.

6. Файнберг Л.А. О возможных этнографических аналогах первобытного общества охотников и собирателей // СЭ, 1981. № 6. С.42-51.

7. Семенов Ю.И. О методике реконструкции развития первобытного общества по данным этнографии // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979. С.108-125.

8. Шнирельман В.А. Методы использования этнографических данных для реконструкции первобытной истории в зарубежной науке // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979. С.126-163.

9. Кабо В.Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979. С.60-107.

10. Першиц А.И. Этнография как источник первобытноисторических реконструкций // Этнография как источник реконструкций истории первобытного общества. М., 1979. С.26-42.

11. Першиц А.И. К проблеме сравнительно-исторического синтеза // Народы Азии и Африки. 1980. № 4. С.70-82.

12. Rouse I. Analytic, Synthetic and Comparative Archaeology // Research and Theory in Current Archaeology. N.Y.; London; Sydney; Toronto, 1973. P.21-31.

13. Барг М.А. Исторические закономерности как познавательная цель исторической науки // История СССР. 1979. № 7. С. 117-120.

14. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. 342 с.

15. Периодизация всемирной истории. / Под ред. А.С. Шофмана. Казань, 1984. 224 с.

16. Binford L.R. Archeological Perspectives // New Perspectives in Archeology. Chicago, 1968. P.5-32.

17. Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980. 415 с.

18. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. 224 с.

19. Конрад Н.И. Старое востоковедение и его новые задачи // Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С.7-28.

20. Конрад Н.И. О рабовладельческой формации // Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С.29-46.

21. Крюков М.В. Этнографические факты как источник изучения первобытности: проблема критериев стадильной глубины // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979. С.43-59.

В.А. Панычев, Л.А. Орлова

Институт геологии и геофизики СО АН СССР

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОМЕТРИЯ В АРХЕОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТОЧНОСТИ ДАТИРОВАНИЯ

Радиоуглеродный метод, открытый американским физиком У. Либби [1, 2] более 40 лет назад, сразу же нашел широкое применение в практике датирования археологических объектов. С этого времени археологи получили возможность определять возраст независимо от традиционных эталонов, проводить прямое сопоставление во времени памятников и культур различных территорий, значительно удаленных друг от друга. В настоящее время уже никто не сомневается в полезности и необходимости применения радиоуглеродного метода в археологии. Вместе с тем еще нередки случаи, когда археолог, получив радиоуглеродные датировки, требующие пересмотра тех или иных устоявшихся традиционных представлений, приходит к однозначному выводу, что метод радиоуглеродного датирования дает ошибочную информацию. Действительно, радиоуглеродные даты не всегда оправдывают ожидания тех, кто надеется с их помощью получить подтверждение своим представлениям о датировке и ходе событий прошлого. Не вдаваясь в анализ причин подобных расхождений, можно лишь отметить, что практика радиоуглеродного датирования показала: зачастую причина коллизий кроется не в профессиональных ошибках той или другой стороны, а в неверной интерпретации дат и соответствующих им событий. Необходимо всегда иметь в виду, что радиоуглеродная дата только тогда соответствует абсолютной марке времени, когда в полной мере выполняются следующие необходимые условия, лежащие в основе метода. Их несколько:

1) датируемые объекты до гибели (начало отсчета времени) не накапливали углерода, выпавшего из

биологического обмена, т.е. иными словами, изотопная система должна быть открыта для обмена с атмосферным углеродом;

2) после гибели датируемого объекта его обмен углеродом с окружающей средой прекращается, т.е. изотопная система должна стать закрытой для привноса чужеродного углерода;

3) концентрация радиоуглерода в атмосфере Земли была постоянной во времени, во всяком случае в диапазоне действия радиоуглеродного метода.

Строго говоря, все три условия практически никогда не выполняются, и это вызывает определенные проблемы при использовании радиоуглеродного метода. Так, при датировании древесного угля или обломков древесины, выбранных из определенного слоя, мы, по существу, имеем дело с объектом, для которого не может быть выполнено первое условие. Хорошо известно, что древесные кольца по мере роста дерева постепенно отмирают и таким образом выпадают из биологического обмена еще при жизни самого дерева. Это приводит к снижению удельной активности углерода в центральной части ствола. Разница в активности иногда достигает нескольких процентов, что соответствует тысячам лет. Особенно это характерно для деревьев-долгожителей, поэтому геохронологу важно иметь информацию о виде древесины и о том, какой её части соответствует датируемый образец.

Иной подход требуется при определении возраста гумусового вещества почвы, для которых особенно велика доля углерода, вышедшего из биологического обмена еще в непогребенном состоянии. Так, радиоуглеродный возраст поверхностного слоя черноземной почвы оценивается в 1-1,5 тыс. лет, а подзолистой почвы - 600-800 лет. Следовательно, прямое сопоставление радиоуглеродной даты гумусового вещества и культурных остатков в нем будет ошибочным, и величина этой ошибки определяется типом процесса почвообразования. Означает ли это, что радиоуглеродная информация ошибочна? Конечно же, нет.

Значительную ошибку при датировании может вызвать обмен углерода образца с окружающей средой после гибели датируемого объекта. Процессы эти многообразны. К ним относятся: переотложение материала, заражение его гуминовыми кислотами, карбонатами и т.д. Хотя в большинстве случаев удается подобрать методику очистки образца, но тем не менее надежность таких датировок требует особого контроля путем независимого датирования. Очень важный момент в связи с этой проблемой — это отбор материала для датирования уже в поле.

И, наконец, еще одна проблема, на которую хотелось бы обратить особое внимание — это непостоянство концентрации радиоуглерода в атмосфере. Первые результаты измерения удельной активности, выполненные У. Либби (рис.1) по точно датированной древесине археологическим и дендрохронологическим методами, казались вполне удовлетворительными. Однако, как видно из графика, лишь одна из семи дат точно ложится на теоретическую кривую радиоактивного распада изотопа ^{14}C . Остальные в разной мере отклоняются от нее, составляя при этом ошибку в определении возраста от 160 до 660 лет. Надо сказать, что этому первоначально не придали большого значения, оставаясь на позициях постоянства концентрации радиоуглерода в атмосфере в прошлом. Полученные отклонения возраста относили на счет несовершенства аппаратных методов распада углерода, поскольку предложенный У. Либби счетно-стенный счетчик имел очень низкую эффективность, которая составляла всего лишь 5 %. При такой эффективности даже небольшие отклонения в измерениях активности образца могли вылиться в существенную ошибку определения возраста. В связи с этим возможности повышения точности радиоуглеродного датирования рассматривались с позиции совершенствования аппаратно-методической части радиоуглеродного метода. В настоящее время в этом достигнуты значительные успехи как

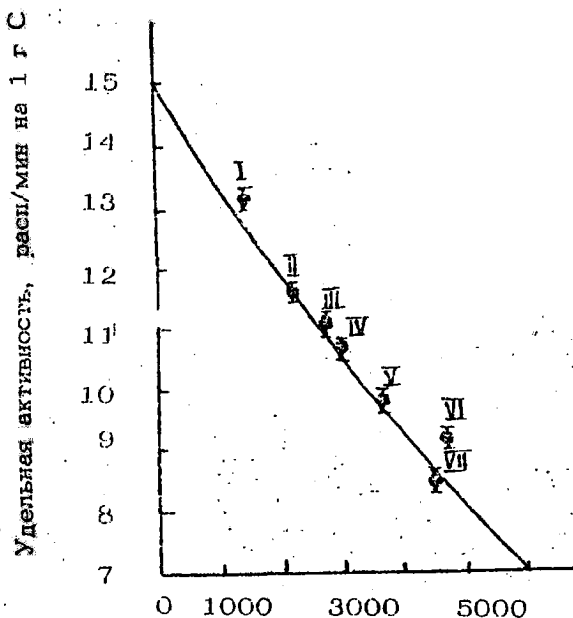

Рис. 1. Результаты измерения удельной активности углерода по точно датированной древесине (данные У. Либби):

- I - древесные кольца (580 г. н. э.);
- II - Птоломеи (200 - 150 г. до н. э.);
- III - Тайинат (675 - 50 г. до н. э.);
- IV - красное дерево (979 - 52 г. до н. э.);
- V - Сезострис (1800 г. до н. э.);
- VI - Джосер (2700 - 75 г. до н. э.);
- VII - Снофру (2625 - 75 г. до н. э.)

у нас в стране, так и за рубежом. Разработаны очень чувствительные газовые и сцинтилляционные варианты счетчиков, позволяющие проводить прецизионные измерения содержания углерода в кольцах древесины. Самые тщательные измерения показали, что концентрация ^{14}C в атмосфере не оставалась постоянной, как того требует один из постулатов радиоуглеродного метода, а испытывала в прошлом существенные вариации, достигающие 10 %, что приводит к ошибке в определении абсолютного возраста до 800 лет (рис.2). Надо полагать, что подобные неточности уже довольно заметны при детальных исследованиях голоценовых отложений и археологических памятников. К сожалению, ошибки подобного рода невозможно компенсировать совершенствованием аппаратуры и повышением точности измерений содержания радиоуглерода в образцах.

Какие же существуют возможности повышения точности радиоуглеродного датирования? В настоящее время намечается два таких варианта. Первый заключается во введении скорректированных поправок в радиоуглеродный возраст по таблицам, которые составлены на основании большого числа измерений ^{14}C в кольцах долгоживущих пород деревьев [3, 4]. Эта операция хотя и осложняет несколько процедуру определения возраста, несомненно, представляет собой существенный шаг в повышении достоверности радиоуглеродного датирования. Другая возможность повышения точности этого метода заключается, как ни странно, в непостоянстве концентрации радиоуглерода в атмосфере в прошлом. Древесные кольца, в связи с этим, приобретают свою физиономичность (рис.2а), поэтому можно отличать их друг от друга по содержанию радиоуглерода. Реализация этой возможности заключается в выявлении закономерностей вариаций содержания ^{14}C в атмосфере и детализации кривой, отражающей эти вариации. Суть этой возможности может быть легко продемонстрирована на примере датирования древесного ствола. Если провести серию опреде-

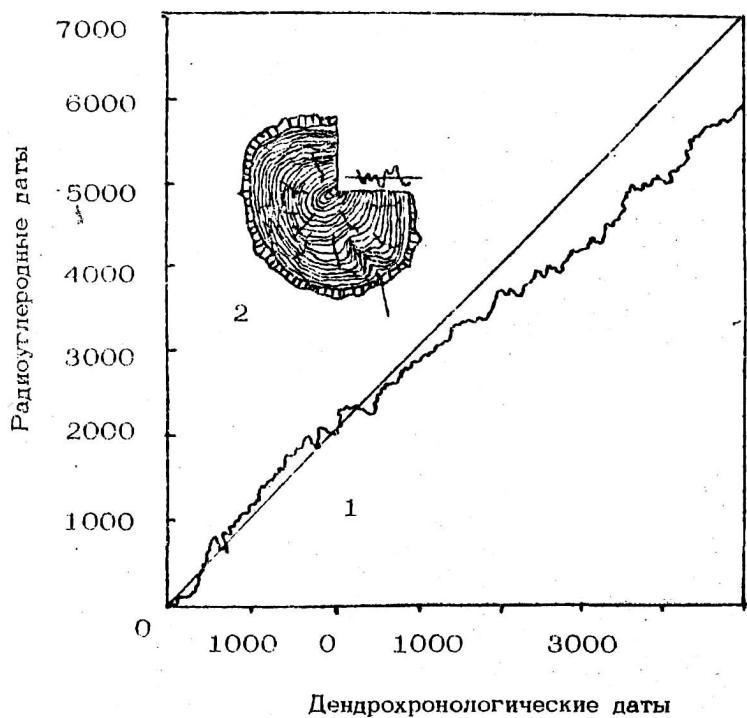

Рис. 2. Изменение концентрации ^{14}C :
в атмосфере (1) ; в кольцах годового при-
роста дерева (2)

лений содержания ^{14}C в кольцах древесного ствола, то получим кривую вариаций концентрации радиоуглерода на каком-то хронологическом отрезке. Далее, наложив последнюю на корректировочную кривую, определяем на ней участок с одинаковой закономерностью изменения содержания ^{14}C . Этот способ в принципе дает возможность датировать различные события с точностью до года. Все это снимает проблему верхнего предела датирования радиоуглеродного метода, что имеет важное значение, поскольку позволяет провести "состыковку" палеогеографических событий с исторической географией, инструментальной климатологией и т.д.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Libby W.F. Radiocarbon dating. 2 ed. Chicago, 1955. 175 p.
2. Libby W.F. Atmospheric helium three and radiocarbon from cosmic radiation // Physical review. 1946. Ser. 2, vol. 69, N 12. P 671-672.
3. Арсланов Х.А. О поправках к радиоуглеродному возрасту // Геохимия. 1978. № 8. С. 1157-1164.
4. Jeffrey Klein, Lerman J.G., Damon P.E., Ralph E.K. Calibration of Radiocarbon Dates // Radiocarbon. 1982. Vol. 24, N 2. P. 103-150.

А.М. Малолетко

Томский государственный университет

ВРЕМЯ И ИСТОРИЯ ОСАДКОНАКТОПЛЕНИЯ В ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЕ (АЛТАЙ)

На правом берегу Ануя (левый приток Оби, примерно в 4 км севернее с. Черный Ануи) находится Денисова пещера, известная еще в начале века (Известия Томского ун-та. 1908. Кн.30, С.1-36). Пещера представляет собой сложное карстовое образование. Начинается она довольно высоким гротом длиной от капельной линии почти 13 м. Простирается грот - 70°. Вправо от грота отходят две галереи, длина которых достоверно неизвестна. Денисова пещера привлекла к себе внимание археологов ИИФФ СО АН СССР, которые в течение ряда лет проводят здесь раскопки под руководством академика А.П. Деревянко. В документации рыхлых отложений и выяснении их возраста и условий накопления принимал участие автор.

Археологами в гроте был пройден шурф сечением 3х3 м и глубиной 5,7 м, вскрывший на полную мощность рыхлые отложения, заполняющие грот. Отложения достаточно четко дифференцированы на пачки, различающиеся по своим условиям залегания и образования, что позволяет выявить несколько этапов седиментации.

Э т а п 1 (более 40 тыс. лет назад). Нынешний главный вход в пещеру (грот), как и отверстие в кровле, еще не существовали. Входом в пещеру служил меньший в сечении и сложно построенный лаз, который выводил в первую галерею. Ныне он стал известен благодаря раскопкам. В темном гроте находилась яма (поглощающая карстовая воронка), из которой косо вниз уходила узкая щель, достигающая реки. Люди заселяли одну или обе галереи, где ими были оставлены орудия и отходы каменной индустрии, кухонные отбросы. Обитали люди в галереях долго: под кострищами образовался мощный (несколько децимет-

ров) прокал кирпично-красного цвета. Единичные каменные орудия и отщепы, кости животных случайно попадали в нежилую часть под сводом темного грота. Яма постепенно заполнялась суглинистым материалом, имеющим красноватый оттенок. В суглинке немало мелких обломков известняка, единичны крупные глыбы, обвалившиеся, очевидно, с потолка (возможно, обрушение со стен). Археологами эта пачка известна как слой 22. Он содержит артефакты, выполненные техникой левалуа.

Э т а п 2 (40000 или 30000 лет назад). Этот этап правильнее было бы назвать событием, так как он был кратковременным, хотя в разрезе отложений по шурфу оставил пачку мощностью примерно 1,5 м.

На неровной поверхности слоя 22 (этап 1) залегает пачка пород, представленная буроватыми и серыми суглинками, насыщенными в различной степени обломками известняка — от глыб до мелкого щебня. Последний образует иногда тонкие линзы, подчеркивающие грубую слоистость. В общем-то эта пачка представляет собой породу пятнисто окрашенную, неравномерно насыщенную обломочным материалом. Обломки известняка, как и артефакты, и кости животных, ориентированы в различных направлениях и образуют различные углы с горизонтом, иногда занимают вертикальное положение. Создается впечатление, что это разовый (залповый) выброс грязекаменного материала, который обрушился в виде потока из глубины пещеры и прошелся по культурному слою, сформированному в галерее. При зачистке в 1990 г. в северо-восточной (дальней) стенке шурфа было зафиксировано спиралевидное закручивание слоев грязекаменного потока, встретившего препятствие в виде скальной стенки грота (северо-западная стенка шурфа).

В основании описываемой пачки почти повсеместно залегает маломощный (несколько сантиметров, в раздувах и "провисах" — больше) горизонт, состоящий из перетертого угля, золы, кусочков прокала, жженных косточек и прокаленных обломочков известняка, встречаются отходы каменной индустрии. По нумерации археологов —

это слой 21. Таким материалом образован залегающий выше слой 18, расщепляющийся по линии В8-Д8 на две части.

Слой 21 представляет собой перемещенный культурный горизонт, захваченный и растертый грязекаменным потоком. В результате турбулентного перемешивания грязекаменной массы внутрь толщи оказались затянuty не только остатки кострища (слой 18 по нумерации археологов). Эродирующая сила потока была столь велика, что были вырваны (отторгнуты) глыбы бурокрасного прокала из-под кострищ и включены в толщу грязекаменного потока. Один отторженец прокала диаметром по длинной оси 40 см обнаружен в стенке шурфа в пределах квадрата В6 почти на поверхности слоя 22. Второй - не меньших размеров - был вскрыт при зачистке стенок шурфа в 1989 г. в правом дальнем углу примерно в средней части грязекаменного потока.

Описываемое катастрофическое событие довольно точно датируется радиоуглеродным методом. Из "провиса" слоя 21 (продольный разрез квадратов В6-В8) получена дата 39390 ± 1310 лет (СО АН - 2499). Из этого же слоя в другом квадрате была получена незакрытая (ввиду малого количества материала) дата - более 34700 лет (СО АН - 2488). Но из слоя 11, перекрывающего грязекаменную пачку, дата, определенная по костям животных, также оказалась незакрытой, но очень близкой к дате СО АН - 2499 - более 37235 лет (СО АН - 2504). Учитывая незакрытость даты, её можно приблизить к дате СО АН - 2499 (разрыв между датами составляет всего лишь 2,5 тыс. лет). Поэтому время накопления грязекаменной пачки можно зажать в очень узкий возрастной диапазон, максимально сблизив их.

Грязекаменный поток "запечатал" вход в пещеру. Пещера надолго стала недоступной для человека.

Э т а п 3 (мезолит). Ануи в результате смещения русла вправо стал эродировать известняковую скалу с пещерой. Это место представляло собой типичный бом - отвесную скалу с водным потоком у её основания. Под-

тверждается это окристо-ржавыми русловыми песками, вскрытыми раскопом перед пещерой примерно на отметке 10 м ниже условного нуля. В ходе боковой эрозии была разрушена стенка грота, обращенная к реке, в результате чего образовался широкий и высокий вход, сделавший пещеру вновь доступной для людей, которые поселились в гроте. Кострище было заложено в левой части грота, ближе к северо-западной стенке. Вскоре после этого в результате физического выветривания поверхности известняковой скалы вскрылось отверстие в кровле грота. Через это отверстие стал сыпаться мелкощебнистый материал — продукт физического выветривания известняков. Щебень, поступающий через отверстие в кровле, образовал у северо-западной стенки грота куполообразное скопление. Увеличиваясь в размерах, оно вышло за пределы капельной линии, щебень стал накапливаться в предходовой части грота. Слабо выраженная слоистость слегка наклонена к реке, что указывает на рост в этом направлении щебнистой пачки в гроте и осыпанию излишней щебенки по поверхности холмика за пределы грота. Слоистость выражена чередованием прослоев щебенки разнообразной размерности, различным соотношением суглинистого и щебнистого материала, гумусацией, скоплением мелких древесных угольков, отбрасывавшихся от кострища.

По мере увеличения опасности от падающих через отверстие обломков и неудобства размещения кострища под отверстием места для кострища смещались к противоположной стороне грота, ближе к устью галерей.

Мезолитический возраст определяется археологически (по микролитическим орудиям), а также по стратиграфическому положению между датированными верхнепалеолитическим этапом 2 и вышележащим культурным слоем, содержащим керамику афанасьевского типа.

Э т а п 4 (энеолит). В это время произошло накопление слоистой черно-белой пачки, которая представляет собой частое чередование черных и белосых, светло-серых прослоек. Последние в основании пачки окрашены

маловодными окислами железа в красный и розовый цвета. Толщина черных прослоек небольшая — обычно несколько сантиметров, белесых — несколько больше. Контакт прослоек четкий, но нередко наблюдается выклинивание, уменьшение мощности (толщины) черных прослоек. Черные прослойки слегка волнистые.

Мощность слоистой пачки увеличивается от северо-западной стенки к юго-восточной от 0,4 м до 1 м. В ней найдена керамика афанасьевского типа. Нередко черепки расположены под углом к горизонту. Обнаружено несколько следов от кольев. Причем, любопытно, что около колев слоистость деформирована, слои затекают вниз, в гнезда, оставшиеся от колев. В месте прилегания слоистой пачки к известняковой стене также отмечается аналогичная деформация: слои опускаются вниз вдоль стены. Создается впечатление, что эта деформация (как в первом, так и во втором случае) происходила в незатвердевшем осадке, имеющем жидко-текучую консистенцию.

О происхождении слоистой пачки имеется несколько рабочих гипотез. По мнению В.И. Молодина, это результат длительного содержания в гроте овец, следы от колев — это следы изгороди. Но вряд ли столь правильным было бы наслоение пород — черных и белых. И овцы вряд ли позволили сохраниться обломкам керамики в вертикальном положении. И, наконец, вряд ли овцы толклись в узком проходе (древний вход в пещеру), где также имеется фрагмент в небольшой нише такой же слоистой пачки. Да и вещественный состав прослоек не позволяет согласиться с этой точкой зрения, хотя в черных прослойках нами также были обнаружены единичные и хорошо сохранившиеся "орешки" мелких копытных. С.В. Николаев считает, что черные прослой — это продукт разложения синезеленых водорослей.

По нашему мнению, накопление слоистой толши происходило в водной непроточной среде и связано с хозяйственной деятельностью афанасьевцев. Вследствие повышения уровня воды в Ануе (возможно, в результате под-

пруживания, как это предполагает Г.И. Барышников) грот был занят водой примерно до отметки 1-1,4 м ниже условного нуля. В гроте образовался своеобразный залив со стабильным уровнем. Периодически афанасьевцы выбрасывали в этот залив золу и угли с кострищ из жилых галерей. С этим зольным материалом выбрасывались обломки керамической посуды, жженные и нежженные косточки животных, отходы каменной индустрии. При попадании в стоячую воду происходила дифференциация материала. В первую очередь в осадок выпадали зольные частицы, обломки прокала, косточки, отщепы каменных орудий. Позже, по мере намочания, оседал древесный уголь, превращаясь в дальнейшем в результате пребывания в воде в аморфный сажистый материал, который придавал прослойкам интенсивно черный цвет. Увеличение мощности пачки у входа в галереи (юго-восточная часть грота) указывает на то, что материал действительно поступал со стороны галерей. В западной части грота откладывалось меньше материала, что вызвало здесь уменьшение мощности пачки. Слабые волновые движения воды в подземном заливе обусловили перераспределение легкого углистого материала, формирование волнистых прослоев из него, иногда выклинивание. Процесс этот был смоделирован нами в стеклянной банке с водой, в которую периодически (через час) добавлялся материал из кострища. В результате в воде сформировались слоистые осадки, четко дифференцированные на зольную (белую) и углистую (черную) части.

Предложенная гипотеза безукоризненно "срабатывает" при изучении самой толщи, но трудно решить вопрос о причинах и месте подпруды. Необходимы поиски следов самой подпруды, а также признаков бывшего высокого стояния воды в долине Акуя (около 30 м над современным уровнем у пещеры и более 30 ниже по реке).

Э т а п 5 (эпоха железа). На слоистой пачке залегает довольно однородный слой серого гумусированного суглинка, насыщенный мелким щебенчатым материалом. Встречаются разрозненные косточки животных и угольки.

Местами порода заполняет ямы, выкопанные в нижележащей слоистой пачке. Археологические документы (керамика в основном) характеризуют скифское и гуно-сарматское время.

Приведенные материалы свидетельствуют об исключительном своеобразии седиментационных процессов в Денисовой пещере, проявившихся с перерывами примерно в последние 50 тыс. лет. Несомненно, новые исследования позволят уточнить детали и выявить отдельные события, расшифровав их природу. Без сомнения, интересным будут раскопки в галереях, особенно первой.

А.Л. Куигуров

Алтайский государственный университет

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА КАТУНИ

В настоящее время в среднем и нижнем течении Катунь известно довольно много палеолитических стоянок: Сростки /1/, Красная Гора /10, 11/, Урожайная /4, 5, 6, 2/, Усть-Иша 3 /2, 3, 7/, Майма /8/, Соуэга /7/, Маюжерок 1, Едрала 1,4, Черемшанка 1,2, Муны, Мулушка 2 /9/, Усть-Сема /10, 11/, Чичке, Бошпельтир 1,2, Койонок /12, 13, 14/, Каратурук /16/, Чепош, Усть-Ку-юм /17/, Тыткескен 3,4,5,7,8 (материал не опубликован), комплексы памятников на реках Эдиган /12, 13, 14, 15/ и Ороктой. Большая часть материалов представлена невыразительными сборами, не позволяющими сделать какие-либо определенные выводы. Достаточно представительные коллекции происходят из Сросток, Красной Горы, Урожайной, Усть-Иши 3, Маймы, Усть-Семы, Каратурука, Усть-Куяма, Тыткескена 3. Раскопки не про-

водились только на стоянке Красная Гора. Первая группа стоянок (включая Майму) находится в предгорной зоне Алтая, вторая расположена в горной части долины Катунь. Кратко рассмотрим характер индустрии этих двух комплексов памятников и их геоморфологию.

Культурные слои предгорной группы стоянок входят в состав подошвы покровного горизонта лессовидного суглинка, перекрытого голоценовым гумусовым горизонтом. По-видимому, их возраст не может быть ранее второй половины сартана /18/. Так же датируются и основные памятники Средней Катунь, в которых культурные слои связаны с кровлей толщи аллювиальной валунно-галечниковой пачки. На всех стоянках они включены в беловатую карбонатизированную супесь, перекрытую горизонтом серой лессовидной супеси, содержащей мезолитические находки (Усть-Сема, Усть-Кулом) и гумусовым почвенным слоем, совокупной мощностью от 1 до 1,5 м. На Тыткескене 3 палеолитический слой перекрыт почти двухметровым горизонтом серого золотого (?) песка. Таким образом, значительного хронологического разрыва между памятниками нижней и средней Катунь нет. Из-за отсутствия абсолютной датировки палеолитических комплексов Катунь установить временной промежуток их существования сложно. Однако анализ индустрии позволяет нам сопоставить памятники друг с другом и определить их относительную хронологию и культурную принадлежность.

В среднем течении Катунь наиболее ранними следует считать стоянки Усть-Кулом и Тыткескен 3. За исключением последнего эти памятники исследованы на значительной площади (Усть-Сема - около 1,5 тыс. кв.м, Усть-Кулом - около 700 кв.м). Данные раскопок позволяют по-новому оценить индустрию Усть-Кулома и Усть-Семы, которые достаточно давно описаны в литературе /5, 19, 10, 11, 17/. Традиционно, вслед за А.И. Окладниковым, исследователи относили Усть-Сему к голоцену, "эпипалеолиту", указывая на смешение архаичных (чоппелы, плоскостные и радиальные нуклеусы, скребла) и мезолитических (призматические нуклеусы, пластины, нако-

печники стрел) элементов индустрии. Куюмская стоянка также считалась очень поздней. На деле оказалось, что имеется не сочетание в индустриях поздних и ранних элементов, а наличие разновременных культурных слоев /20, 19, 6, 10/. Палеолитические комплексы Усть-Куюма и Усть-Семы удивительно схожи между собой по целому ряду параметров (рис.1, 2):

1. Аналогична техника расщепления камня. Встречены радиальные (рис.2-5,6), плоскостные (рис.1-2,5), аморфные (рис.1-1,2), клиновидные и торцовые (рис.1-3,4) нуклеусы.

2. На обеих стоянках основной заготовкой служит отщеп. Пластины относительно немного, их обработка ограничивается дорсальной ретушью по одному или двум краям (рис.1-6, 2-19).

3. Из отщепов небольших размеров изготавливались скребки, зубчато-выемчатые, выемчатые скобели, скобели с прямым и овальным рабочим краем, резцы, острия, долотовидные орудия. Эти типы изделий на стоянках схожи (рис.1,2).

4. Более крупные отщепы служили для изготовления дорсальных скребков с одним и двумя продольными рабочими кромками (рис.1-9-11, 2-10-13).

5. Неотъемлемой частью индустрии являются галечные орудия разных типов. Встречены рубящие и скребущие чопперы (рис.2-1-3,7-9), скобящие галечные инструменты ("струги") (рис.2-4), переоформленные в рубящие изделия радиальные нуклеусы (рис.2-6).

6. Практически отсутствует бифасальная техника, представленная только двустороннеобработанным долотом с Усть-Куюма.

Имеются и определенные отличия в индустриях Усть-Семы и Усть-Куюма. Прежде всего в количественном соотношении типов орудий за счет того, что Усть-Куюм - более мощный памятник с большим количеством законченных изделий.

Менее изучена индустрия Тыткескена 3. Пока палеолитический горизонт (слой 4) вскрыт на площади всего

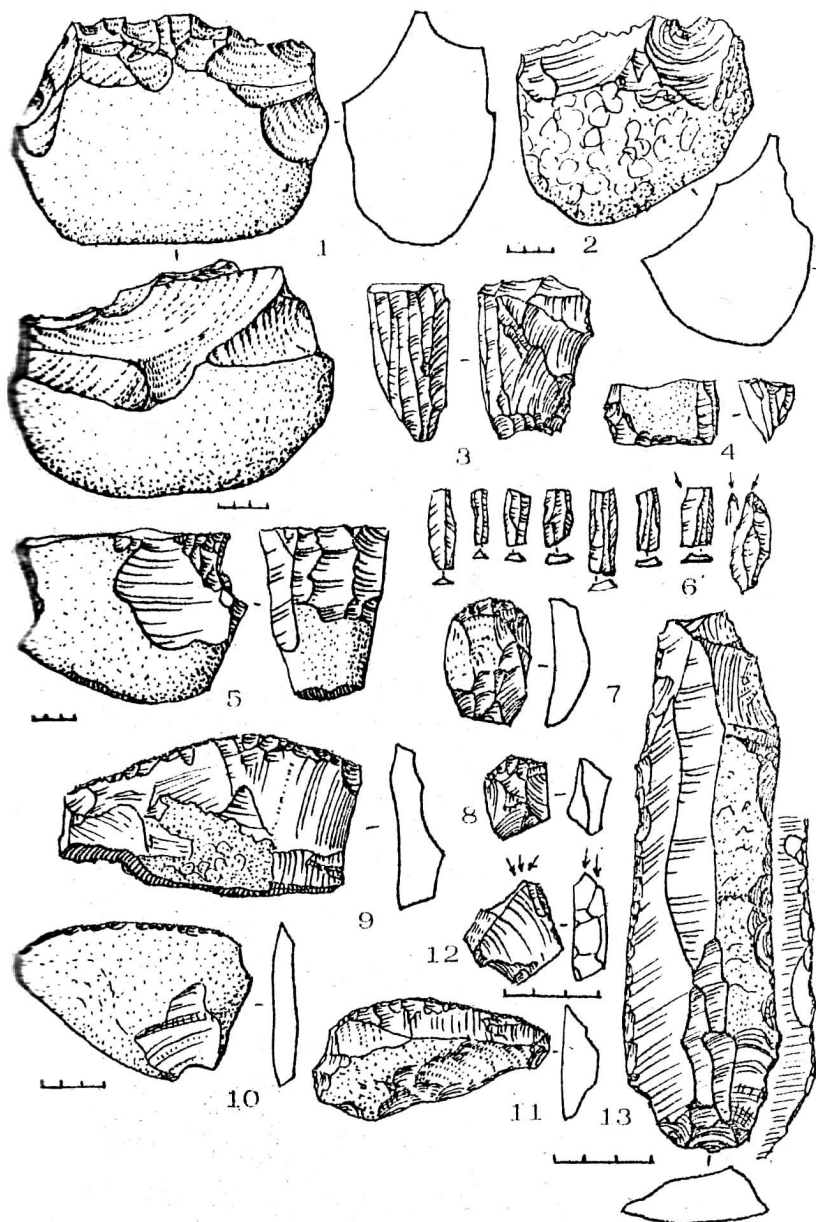

Рис. 1. Каменная индустрия стоянки
Усть-Куюм

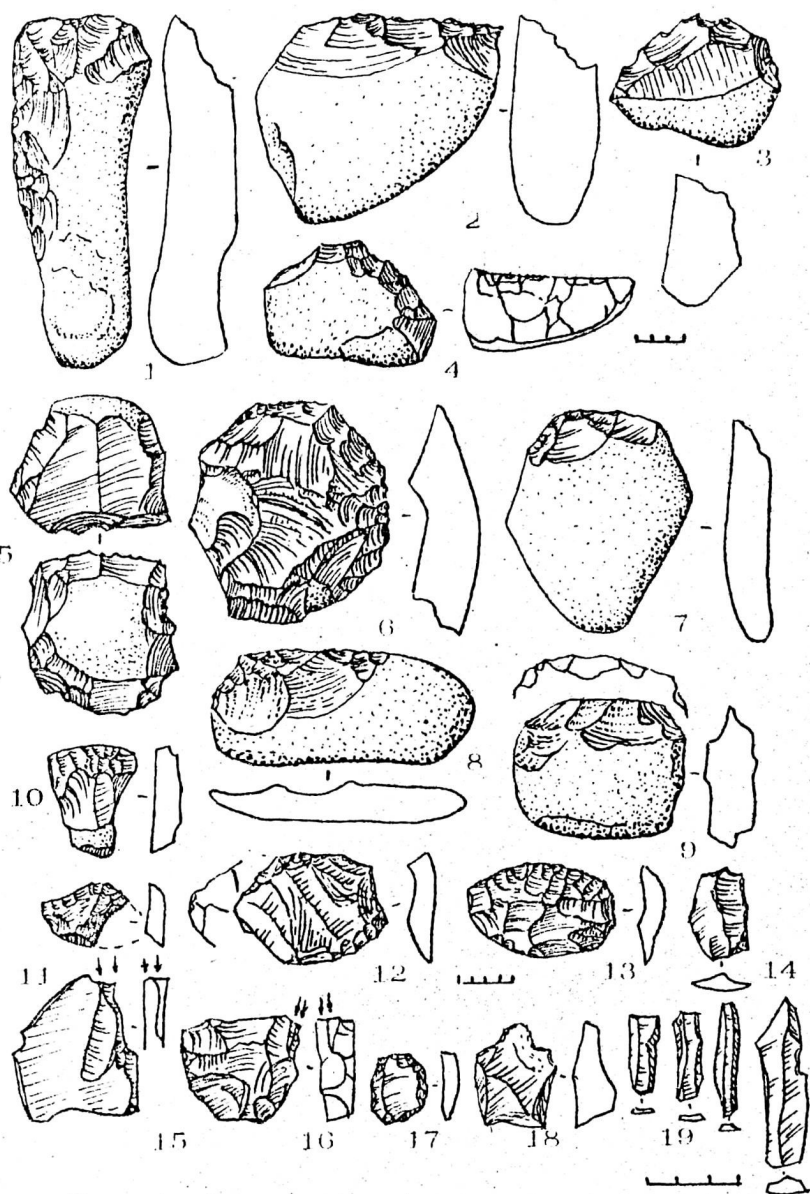

Рис. 2. Каменные орудия со стоянок Усть-Куюм - (1-4) и Усть-Сема, нижний слой (5-19)

4 кв.м. Однако среди многочисленных отщепов и осколков там найдено несколько продольных дорсальных скребел с овальными и прямыми рабочими краями. Важно то, что культурный слой насыщен костями животных, часто обожженных. Костные остатки практически отсутствуют на предыдущих памятниках. Здесь же найдено костяное острие.

Более поздней является стоянка Каратурук на р.Уз-незя /16/. Для индустрии памятника характерно отсутствие скребел и галечных изделий (возможно, за счет относительно немногочисленной выборки), хотя использовались плоскостные нуклеусы. Ядрища для получения призматической пластины аналогичны находкам из Усть-Семы и Усть-Куюма, однако появляются призматические, отсутствующие на более ранних стоянках. Основную часть орудийного набора составляют скребки (в том числе двойной концевой на пластинчатом отщепе), резцы, скобели и острия. Своеобразие индустрии придает небольшой остроконечник, выполненный в бифасальной технике. Существенным показателем является больший удельный вес пластин на Каратуруке, чем в предыдущих памятниках. Характеризовать индустрии других стоянок пока преждевременно.

Наиболее ранняя группа верхнепалеолитических стоянок низовьев Катунь — памятники типа Сросток: сами Сростки, Урожайная и Усть-Иша 3. В принципе они могут быть объединены термином "сросткинская культура", но, на наш взгляд, он более приемлем для памятников эпохи средневековья, которые выделены на основании изучения М.Д. Копытовым, С.М. Сергеевым, А.П. Марковым и другими исследователями курганного могильника, расположенного на площади стоянки. Термин "сросткинская культура" широко используется в научной литературе по проблемам истории средневековья, и применять его для наименования памятников палеолита некорректно. В связи с локализацией стоянок Сростки, Урожайная и Усть-Иша 3 в нижнем течении Катунь мы предложили назвать данную верхнепалеолитическую культуру нижнекатунской /6, 2/.

Индустрия Сросток неоднократно и довольно полно анализировалась в литературе /5, 7, 6, 2/, поэтому остановимся на другом памятнике нижнекатунского типа — Урожайная. Основная масса орудий стоянки — скребла девяти типов и их обломки, скребловидные орудия — 88 экз. (18,8 % от общего числа находок и 37,7 % от количества орудий) и их заготовки — 28 экз. (рис.3-13, 14). Когда 138 предметов (включая 22 скребка) из 223 орудий составляют скорняжные инструменты, можно предположить, что разделка туш животных и обработка шкур велись древними людьми в огромных количествах. Б.И. Лапшин, изучая материал Урожайной (к сожалению, эта работа осталась незавершенной), высказал мнение, что здесь обнаружена мастерская по изготовлению орудий. Действительно, на Урожайной в массовом количестве производились скребла. Из 59 нуклеусов 37 являются специализированными ядрищами для получения крупных и широких заготовок, используемых для скребел. Вместе с тем даже без специального трасологического анализа ясно, что все найденные скребла были в работе, часть их изношена, поломана и переоформлена. Эти скребла предназначались не для того, чтобы ими запастись впрок или унести куда-то, а для непосредственного использования на месте. Напрашивается предположение о специализированном характере памятника — сезонная охотничья стоянка, на которой массово заготавливались шкуры и, видимо, мясо добытых животных.

Индустрия Урожайной морфологически связана со стоянкой Сростки (количественное или процентное соотношение здесь проследить трудно из-за специфичности материала Урожайной). В целом же каменный инвентарь этих стоянок близок по многим типам изделий:

1. Полностью аналогичны скребла и скребки (рис.3-15-18).

2. Сходны плоскостные и клиновидные нуклеусы, хотя последние выглядят более развитыми, и пластины (рис.3-1-12).

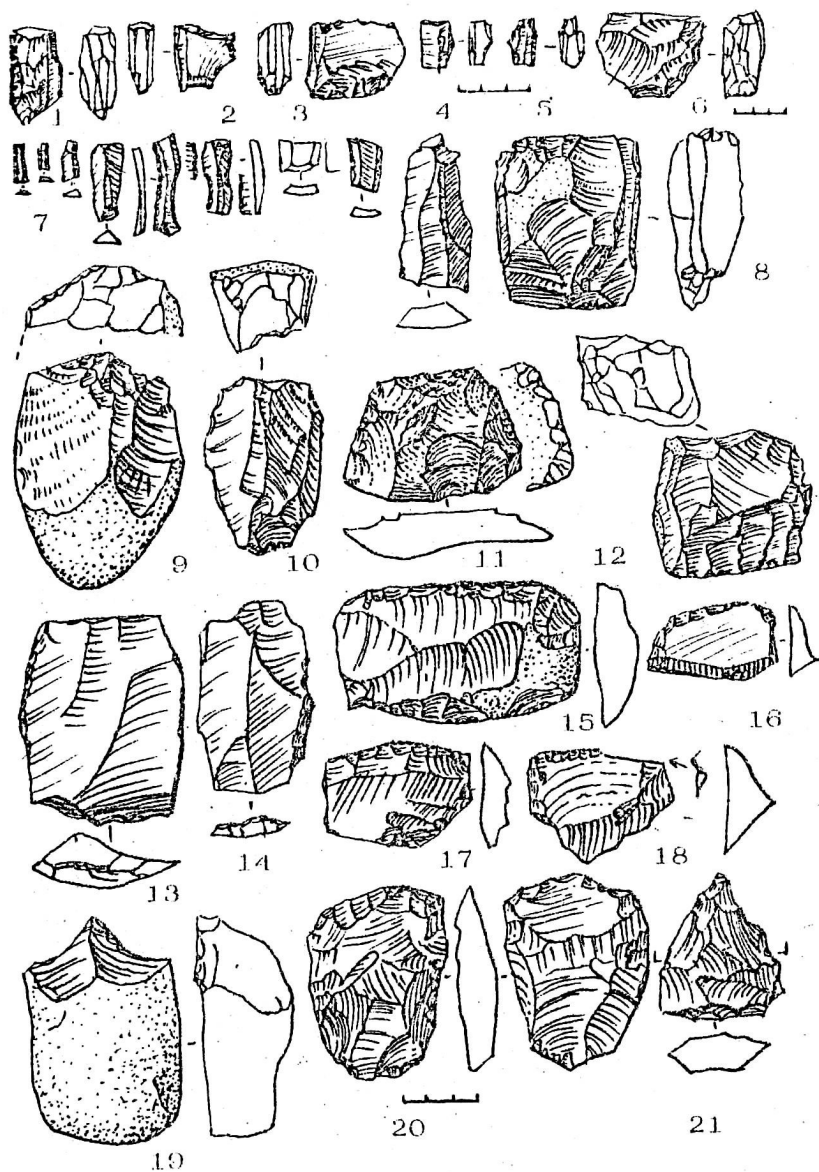

Рис. 3. Каменные орудия со стоянки Урожайная

3. Тожественны рубящие орудия, прежде всего топоры-бифасы (рис.3-20, 4-10).

4. Близки типы резцов.

Свидетельством сходства Урожайной со Сростками (хотя и косвенным) могут служить и небольшие рубильце-бифас (рис.3-21), а также целый ряд дисковидных пукле-видных орудий (рис.3-11).

Пока еще слабо изучена стоянка Усть-Иша 3: найдено всего 119 артефактов, из которых 94 (78,9 %) составляют отщепы и осколки. Однако даже немногочисленные орудия позволяют нам сблизить стоянку со Сростками и Урожайной. Прежде всего это небольшой расколотый топорик-бифас (рис.4-8), два достаточно характерных скребла (рис.4-9) и нож полукруглой формы с двусторонне уплощенным телом и двусторонней же обработкой лезвия (рис.4-7). Такой же нож есть на Урожайной, он найден вместе с крупными изделиями, занимающими, видимо, промежуточное положение между рубящими и режущими инструментами. Подобный же нож обнаружен и в немногочисленной индустрии пещеры Иульчак (рис.4-1) /21/. В наборе орудий из этой пещеры имеются также 2 скребка, оба скомбинированы с острыми (рис.4-2), скобелем и резцом (рис.4-3), 3 резца (рис.4-4), долотовидное орудие (рис.4-6), крупный ретушированный (рис.4-5) и полтора десятка мелких с средних вторичных отщепов. Таким образом, можно соотнести пещеру Иульчак со временем существования нижнекатунских памятников.

Более поздними памятниками нижнекатунского типа являются Красная Гора в устье реки Алуя и Майма. Они схожи между собой, но на первом материал ограничивается только сборами и не представляет особого интереса /21/. Майма занимает промежуточное положение между верхнепалеолитическими и мезолитическими стоянками Катунин и имеет в индустрии черты этих двух эпох /19, 6, 2, 8/. Прежде всего индустрия Маймы более микролитическая, пластины имеют преимущественно призматическую форму, также как и пуклеусы. Пуклеусы для получения пластин /13, 6 - клиновидные, остальные призматические, не встречающиеся на более ранних стоянках. Скребки

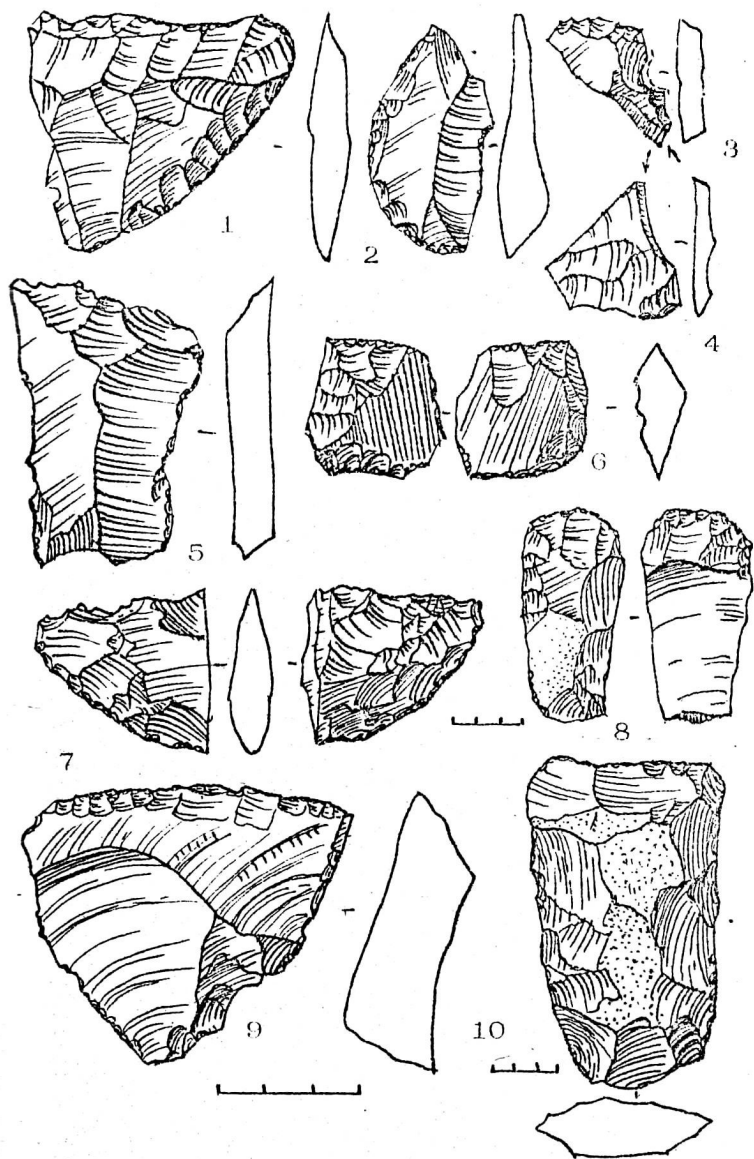

Рис. 4. Каменные изделия из пещеры Иульчак (1-6) и стоянок Усть-Иши 3 (7-9), Сrostки (10)

представлены 66 экз. и шестью типами, которые соответствуют типам скребков Усть-Иши 3 и Урожайной, Скребел 14, они представлены тремя типами. Следовательно, происходит обеднение этой группы изделий, хотя она еще играет существенную роль. Значительно различаются пластины Маймы и более ранних комплексов. Разнообразие становится расположением ретуши, которая теперь уже не локализуется только на порсале. Появляется вентральная, двусторонняя, торцовая обработка, притупленный край. На Майме есть ряд примеров, когда на одной форме соединяются различные типы изделий, преимущественно долота и скребки, долота и скребла. В целом индустрия Маймы еще верхнепалеолитическая, но с зарождающимися мезолитическими элементами, которые становятся преобладающими в голоценовых комплексах Усть-Семы и Тыткескея 3.

Следует определить степень сходства и различия памятников Нижней и Средней Катуни. Техника расщепления всех катунских памятников представлена тремя разновидностями образцов: нуклеусы для снятия призматических пластин (торцовые и клиновидные), нуклеусы для снятия грубых пластин (плоскостные), нуклеусы для заготовок, из которых делались скребла. Последние представляют собой наиболее архаичную часть индустрии. Они обычно крупных размеров, с ярко выраженными элементами леваллуазского принципа расщепления (единично встречаются и леваллуазские). Крайней архаичностью отличаются радиальные нуклеусы, галечные очень крупных размеров, с которых сбивали заготовки для скребел без предварительной подработки площадок. Плоскостные ядрища очень разнообразны, особенно в нижнекатунской индустрии. Встречены одно- и двухплощадочные, продольно-поперечные с несколькими сопряженными площадками. Эти изделия служили для получения грубых пластин и пластинчатых отщепов, использовавшихся в качестве ножей и заготовок для скребков, острий и т.п. Наибольшее сходство анализируемых групп стоянок наблюдается в наборе скорняжных инструментов: скребел и скребков. При

этом следует отметить, что основой для их оформления служил отщеп. Ни скребел, ни скребков на пластинах нет, очень редко как основа использовался широкий пластинчатый отщеп. Сходны также скобели, резцы, острия и другие группы изделий.

Основные отличия ниже- и среднекатунских стоянок — бифасы и галечные орудия. Первые характерны для нижнекатунских памятников, в Усть-Семе и Усть-Куюме их практически нет. Зато там присутствует развитая галечная техника — чопперы, рубящие орудия, струги. Если струги в незначительном количестве встречаются на Урожайной и Красной Горе, то чоппер в нижнем течении Катунн найден пока один. К тому же, он больше напоминает галечный нуклеус. Зато здесь есть двустороннеобработанные полулунные ножи (Урожайная, Усть-Иша 3, Иульчак), топоры (встречены на всех памятниках), рубильца (Сростки, Урожайная), большое количество мелких бифасов рубящего типа (долота, тесла), орудия с носиком (рис. 3-19).

Таким образом, различия нижекатунских и среднекатунских стоянок существенны, что не позволяет объединить их в одну культуру. Сходство наблюдается в изделиях, которые встречаются на огромных территориях (скребла, скребки, резцы и т.п.). Не исключено, что дальнейшее исследование памятников позволит еще четче расчленить их на горные и предгорные. Мы уже предлагали название для группы предгорных стоянок (Урожайная, Сростки, Усть-Иша 3, Красная Гора, Майма) — нижекатунская культура. Для стоянок Усть-Сема (нижний культурный слой), Усть-Куюма (нижний культурный слой), Тыткескен 3 (4 культурный слой), Каратурук мы предлагаем наименование "куюмская палеолитическая культура". Не исключено, что большая часть еще не исследованных стоянок, перечисленных в начале работы, органически войдет в куюмскую культуру и позволит конкретизировать этапы её развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сосновский Г.П. Палеолитическая стоянка у с.Сростки на р.Катуни // Палеолит и неолит СССР. М., Л., 1941, С.109-125.
2. Кунгуров А.Л. Верхний палеолит предгорий Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1988. С.16-18.
3. Кунгуров А.Л. Позднепалеолитическая стоянка Красная Гора // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1991. С.80-82.
4. Адаменко О.М. К вопросу о геологическом возрасте южносибирского палеолита // БКИЧП. 1966. № 3. С.138-141.
5. История Сибири. Л., 1968. Т.1. С.76-80.
6. Кунгуров А.Л. Верхний палеолит предгорий Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. 19 с.
7. Лапшин Б.И. Разведка в долинах рек Катуни и Бии // АО. 1976. М., 1977. С.215.
8. Лапшин Б.И., Кадиков Б.Х. Палеолитическая стоянка у с.Майма в Горном Алтае // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С.9-21.
9. Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С.50-73.
10. Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Палеолитическое поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С.29-50.
11. Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эппалеолите в Азиатской части СССР // У истоков древних культур. Л., 1966. С.213-223.
12. Суразаков А.С., Чевалков Л.М. Новые находки эпохи камня в Горном Алтае // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С.28-42.

13. Чевалков О.М. О результатах поиска памятников каменного века в Горном Алтае // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1982. С.130-148.
14. Чевалков Л.М. Проблемы изучения палеолита Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С.3-12.
15. Лапшин Б.И. История исследования алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С.3-17.
16. Кадиков Б.Х., Лапшин Б.И. Каратурук - новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С.3-10.
17. Окладников А.П., Владыкин В.А. Древнее поселение на р.Куюм (Алтай) по раскопкам 1964-1965 гг. // ИЛАИ. Вып.1. Кемерово, 1967. С.66-79.
18. Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии, М., 1979. 270 с.
19. Кунгуров А.Л. Финальный палеолит Алтая // Проблемы исследования каменного века Евразии: Тез. докл. к конф. Красноярск, 1984. С.28-30.
20. Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е., Кунгуров А.Л. и др. Работы Алтайского университета // АО 1986 г. М., 1988. С.202-206.
21. Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Пещера Иульчак - новый археологический памятник на Алтае // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С.3-15.

Ю.Ф. Кирюшин

Алтайский государственный университет

О ХРОНОЛОГИИ ТЕРМИНА "ЭНЕОЛИТ" И ЕГО ЗНАЧЕНИИ

Особый переходный период между неолитом и бронзовым веком был выделен еще во второй половине XIX в. т.е. более ста лет назад. В 1876 г. на международном конгрессе по археологии и антропологии в Будапеште венгерский археолог Ф. Пульский предложил признать существовавшие медного века между каменным и бронзовым /1/. Ф. Пульский имел в виду период использования первобытным человеком самородной меди как разновидности камня. Московский археолог Н.В. Рындина, посвятившая данной проблеме специальную статью, пишет, что "...ограниченные возможности получения и обработки самородного металла предопределяли, по мнению Ф. Пульского, во-первых, преобладание камня над металлом, во-вторых, использование металла преимущественно в производстве мелких орудий и украшений. Эпоха бронзы по Ф. Пульскому характеризуется открытием действительной металлургии, т.е. производством меди из руд и получением искусственных сплавов. Только с этого момента металл получает полное техническое преимущество над камнем" /2, с.78/. Итальянские археологи Л. Пигорини, Дж. Колинни, П. Орси в своих работах ввели новый термин для обозначения эпохи между каменным и бронзовым веками - "энеолит", - который более соответствовал содержанию рассматриваемого периода /1, с.30/. О. Мотелиус в своей периодизации бронзового века Северной Европы разделил его на 6 периодов, первый из которых соответствовал энеолиту, или медному веку, в периодизации других археологов /1, с.30/. В. Уайльд (1863) и М. Мух (1886) отмечали различия между медными и бронзовыми орудиями в Европе /1, с.30/. В конце XIX с началом применения методов естественных наук в арх

ологии, в частности химии, стало возможным научно обосновать энеолит как особую стадию в технологической истории человечества /1, с.30; 3, с.9-10/. В вышедшей в 1889 г. работе крупнейшего французского химика Пьера Барселена Бертело (Бертло) "Введение в изучение химии древних и средних веков" на основании химического анализа древних бронзовых вещей Египта, Месопотамии и Европы было доказано, что древнейшие металлические орудия сделаны не из бронзы, а из меди /1, с.30/.

Английским историком металлургии Г.Г. Когленом выделено четыре фазы в развитии древней металлургии и металлообработки: первая фаза характеризуется применением самородной меди, обрабатываемой сначала холодной, а позднее горячей деформацией во всех её разновидностях, вторая фаза начинается с открытия плавления самородной меди и появления первых изделий, отлитых в открытой форме, на третьей фазе осваивается выплавка меди из руд, появляется литье в разъемных и составных формах, четвертая фаза знаменуется переходом к искусственным сплавам (бронзам) /4/.

Русский археолог В.А. Городцов в своей периодизации ввел термин "ранняя пора палеометаллической эпохи", что соответствует понятию "энеолит". В.А. Городцов писал: "Ранняя пора характеризуется литыми медными орудиями. В начале поры их было мало: господствовали каменные орудия, достигшие как раз в это время высшего совершенства, но в конце поры число медных орудий значительно увеличивается" /5/. Е.Н. Черных в одной из своих работ предлагает, несколько видоизменив термин В.А. Городцова "палеометаллическая эпоха", назвать время появления и употребления медных и бронзовых орудий медным веком, или эпохой раннего металла. Эпоха раннего металла, по его мнению, должна подразделяться на 2 этапа: употребление собственно медных орудий (этап меди), употребление бронзовых орудий (этап бронзы) /6/. В более поздней работе он называет первый этап энеолитом, а второй - бронзовый век. Делит на 3 фазы: ранний бронзовый век, средний бронзовый век и поздний бронзовый

век /7/. Н.Я. Мерперт пишет, что как бы ни обогащалось понятие "энеолит", с какими бы экономическими и культурными явлениями ни сопрягалось оно на конкретных территориях, основные общи его принципы и, соответственно, критерии выделения этого периода остаются подчиненными классификации по материалу орудий и технологическому принципу /3, с.11/. Н.В. Рындина считает оправданным выделение энеолита как особого периода. В частности, она отмечает, что "огромные производственные и социальные изменения, которые повлекли за собой использование меди и позднее бронзы, делают оправданным выделение в истории первобытного общества двух самостоятельных этапов: медно-каменного века, или энеолита, и бронзового века"/2, с.75/. В.М. Мас-сон и Р.М. Мунчаев для определения энеолита используют экономические показатели. Они пишут: "По критериям археологической периодизации под энеолитом следует понимать эпоху внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневых индустрий, обеднению наборов в каменных орудиях. Вместе с тем выделяемые на основании археологических критериев энеолитические комплексы соответствуют определенной эпохе в развитии древних культур, характеризуемой в первую очередь интенсивным развитием производящей экономики в лице земледелия и скотоводства в различных их сочетаниях и сопутствующих новому образу жизни культурных инноваций, ярко проявляющихся в новых устойчивых наборах археологических типов. Наиболее ярко и отчетливо энеолитические комплексы представлены в южной зоне, где внедрение медных орудий позволило земледельцам и скотоводам достигнуть значительных успехов в развитии производства, тогда как для зоны охотников, рыболовов и собирателей аналогичный сдвиг происходит, да и то не всегда, с внедрением металлургии бронзы"/8/. Н.Я. Мерперт считает, что эти положения справедливы для характеристики энеолитического периода, но для его выделения, а не для опреде-

ления основных отличий его от предшествующего периода /3, с.67. В.М. Массон во введении к тому "Энеолит" многотомной "Археологии СССР" отмечает следующее: "Учитывая, что энеолит выделяется, как правило, на основании археологических материалов, его следует рассматривать как понятие археологической науки, как археологический комплекс, в котором набор типов объектов отражает культурные стереотипы и инновации, соответствующие образу жизни оставивших этот комплекс древних племен ... Энеолит – не плод отвлеченных кабинетных комбинаций, не какой-то случайный переходный период, а проявление в конкретном археологическом материале реальной исторической эпохи... По критериям археологической периодизации под энеолитом следует понимать эпоху внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневой индустрии, обеднению наборов каменных орудий. Энеолитические археологические комплексы, выделяемые на основании археологических критериев, соответствуют определенной эпохе в развитии древних культур, характеризующейся в первую очередь интенсивным развитием производящей экономики – земледелия и скотоводства в различных их сочетаниях – и сопутствующими новому образу жизни культурными инновациями, ярко проявившимися в новых устойчивых наборах археологических типов... Этот набор типов в сочетании с медными и деградирующими кремневыми изделиями (отсутствие геометрических микролитов как массовых серий и ряд других признаков) и характеризует археологические комплексы энеолитического типа" /9, с.77.

Таким образом, в советской археологической литературе утвердилось мнение о том, что энеолит – объективная, реально существующая эпоха в развитии первобытного общества. Сложнее обстоит дело с определением четкой границы между неолитом и энеолитом и о времени существования энеолитических культур в различных природно-географических зонах. Так, В.И. Равдошкас считал, что к неолиту следует относить памятники севера

европейской части СССР, в которых встречены изделия из меди и даже бронзы /10/. А.Я. Брюсов под термином "неолит" понимал значение, придававшееся ему О. Монтеллусом, и относил к неолиту такие культуры, в которых медно-бронзовые орудия еще не начинают и не образуют типологических рядов местных форм, но могут оказаться в качестве привозных вещей или в виде местных подражаний таким вещам /11, с.15/. "Нижнюю (позднюю) границу неолита, — по его мнению, — образует в этом случае, для данной области или культуры, начало местного производства металлических изделий, различные категории которых образуют в дальнейшем местные типологические ряды" /12/. Б.Г. Тихонов, поддерживая в основном выводы А.Я. Брюсова, считает, что энеолитом называется период, начинающийся с момента появления первых металлических орудий, возникших самостоятельно или полученных из другого металлургического центра, и заканчивается с появлением местной обработки металла. Основной чертой энеолита, по его мнению, является эмпирическое установление свойств металла, освоение навыков металлургического производства, т.е. техникиковки и литья, а в некоторых местах даже добычи и плавки руд. С освоением местного производства металлических изделий начинается эпоха бронзы /13/. Б.Г. Тихоновым здесь допускается существование энеолита, но эпоха бронзы начинается с местного производства. Г. Чайлд писал о том, что неолит оканчивается с появления меди вне зависимости от степени ее применения, наличие даже единичных медных предметов позволяет считать культуры энеолитическими /14/. М.Е. Фосс высказала мнение, что сам факт появления меди в любой форме был крупнейшим событием в первобытном обществе и знаменовал окончание неолита и начало новой отличной от предшествующей эпохи /15/. Рассмотрев вопрос о разделении неолита и энеолита, Н.В. Рындина пишет, что в ранних металлоносных культурах, носители которых делают первые шаги в освоении металла и не знают способов его упрочнения, медь находит

дит применение только в производстве украшений и в меньшей степени орудий колющего и режущего действия — шильев, рыболовных крючков, ножей. Топоры и другие орудия рубящего и ударного действия (тесла, мотыги, долота, молоты) получают распространение только в связи с открытием эффекта упрочения меди ковкой. Исходя из этих наблюдений, Н.В. Рындина отмечает, что наиболее оправданно считать неолитическими культуры, в инвентаре которых на фоне господства кремневой индустрии зафиксировано спорадическое появление меди в форме украшений и колюще-режущих орудий, с энеолитом наиболее естественно связывать культуры, которым присуще широкое внедрение металла в производство и, прежде всего, появление орудий и оружия ударного действия /2, с.80/. Эту точку зрения поддерживает и Н.Я. Мерперт /3, с.13/. В.М. Массон же во введении к тому "Энеолит СССР" совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает следующее: "Однако следует иметь в виду, что в руки исследователей попадает лишь определенная выборка древних изделий, состав которой во многом обусловлен источником информации. Так, при раскопках могил это будут в первую очередь украшения, крупные металлические изделия неизменно или в переплавку и лишь в редких случаях попадали в состав культурного слоя, обычно представляющего собой по существу бытовой мусор" /9/. С этим выводом мы полностью согласны, добавим лишь то, что едва ли в районах, где не было своих медных источников, могли выбросить испорченное крупное орудие или оружие, потерять его или даже положить в могилу. Такие вещи скорее всего использовались для изготовления новых изделий.

В Западной Сибири для памятников переходного времени ситуация выглядит еще сложнее. По отношению к памятникам афанасьевской культуры нет никаких сомнений: все единодушно называют их энеолитическими как и саму культуру в целом /16, 17/. Правда, С.В.Киселев писал, что она существует в самом начале бронзового века /18, с.36/, а Е.Н. Черных считает, что афа-

насевские медные орудия появляются в конце ранней бронзы, не ранее середины III тыс. до н.э. /7, с.71/. Что же касается памятников в степной, лесостепной, южнотаежной зонах Западной Сибири, то об их принадлежности к определенным периодам имеются различные точки зрения. В частности, В.И. Матющенко придерживается точки зрения А.Я. Брюсова, отрицающая переходный период от каменного века к бронзовому. По его мнению, верхнеобская неолитическая культура и самусьская с высокоразвитым бронзолитейным производством хронологически смыкаются /19, с.108/, поскольку отдельные металлические предметы не могли изменить экономических основ общества /19, с.97/. М.Ф. Косаревым для обозначения переходных памятников рубежа Ш-П тыс. до н.э. лесостепного и южнотаежного Приобья был введен термин "эпоха раннего металла" /20, с.19/. Этот термин применяется В.И. Молодиным для памятников конца Ш-начала II тыс. до н.э. /21, с.178; 22, с.34-48/.

Употреблял его и автор для обозначения памятников первой четверти II тыс. до н.э. в Васюганье /23, с.3-7; 24, с.67-97/. Позднее М.Ф. Косарев использует и термин "переходное время от неолита к бронзовому веку" и "энеолит", часто заменяемый термином "ранний металл" и наоборот, что, на наш взгляд, только усложняет обозначение синхронных памятников /25/. Е.А. Васильев для памятников начала II тыс. до н.э. бассейна р.Вах употребляет термин энеолит, отмечая, правда, что медные вещи здесь пока не найдены, но он исходит из учета характера материала в целом /26, с.3-4/. Он поддерживает точку зрения Н.Н. Гуриной /27, с.8/ о выделении эпохи энеолита и ранней бронзы /26, с.3/. Неудобство ранее используемого термина "эпоха раннего металла" в том, что он по сути дела объединяет две эпохи: энеолит и раннюю бронзу. Видимо, теперь, когда накоплен достаточный материал, подтверждающий знакомство населения переходного времени от неолита к бронзе с металлическими изделиями, использование этих изделий, а в некоторых районах и их получение, настало время отка-

заться от термина "эпоха раннего металла", тем более, что Е.Н. Черных убедительно показал, что всю эпоху бронзы следует считать ранним металлом /6, с.109/ и принять периодизацию, предложенную Е.Н. Черных, который делит эпоху раннего металла на два этапа: энеолит и бронзовый век, последний подразделяется на ранний, средний и поздний /7/.

Говоря о времени появления энеолитических памятников и культур на территории Западной Сибири, следует отметить, что этот переход от неолита к энеолиту совершился не одновременно. На юге Западной Сибири, где были более благоприятные природные условия и соседство с племенами энеолитической афанасьевской культуры, этот переход завершился, конечно, раньше, в южнотаежной и таежной зонах несколько позднее. Видимо, для определения времени появления энеолита на юге Западной Сибири следует принять точку зрения М.П. Грязнова, который писал о том, что в Южной Сибири появление и становление энеолита совпадает с другим важным нововведением: земледелием и скотоводством. Первые медные изделия такие, как иглы, булавки, сверла, небольшие ножи, долота, писал М.П. Грязнов, сходны с изделиями энеолитических памятников Европейской части СССР /28/. То есть нижняя граница энеолита, на наш взгляд, определяется появлением первых металлических орудий и зачаточных форм скотоводства. О земледелии на юге Западной Сибири мы не имеем прямых данных. Сейчас, когда получены серия радиоуглеродных дат для афанасьевских памятников Горного Алтая и Хакасии, мы можем говорить и о времени появления ранних энеолитических памятников Южной Сибири. Так, для Алтая наиболее ранняя дата - 5100 ± 50 лет, или 3150 ± 50 г. до н.э. (Ле - 1607), а по Хакасии 4820 ± 50 лет, или 2870 ± 50 г. до н.э. (Ле - 2093) /29, с.96; 30, с.47/. С учетом корреляции эти даты удревняются до начала 1У тыс. до н.э. /29, с.96/, т.е. появление энеолитических памятников в Южной Сибири следует относить к первой половине 1У тыс. до н.э.

Для северных районов границей энеолита, по нашему мнению, следует считать появление первых металлических изделий. В этих районах, где нет ни своего камня, ни медных руд, металлические орудия и оружие очень быстро вытесняют привозные каменные, что очень хорошо прослеживается по материалам Васюганья /24/. Особенностью памятников этого региона является почти абсолютное преобладание поселений, могильники чрезвычайно малочисленны, поэтому находки металлических предметов или их обломков буквально единичны. Их редко теряли, а тем более выбрасывали. Следы обработки изделий приемами холодной и горячейковки на поселениях обнаружить практически невозможно, поэтому высокий уровень литейного производства начала II тыс. до н.э. в южнотазежной зоне Приобья был невозможен без предшествующих периодов, характеризующихся первоначальными приемами обработки металла. Продолжительность эпохи энеолита в южнотазежной зоне могла быть меньшей, чем на юге, так как население этого региона пользовалось уже готовыми открытиями и не прошло длительного пути до их появления. С другой стороны, и сама эпоха могла наступить несколько позднее. На это время приходится значительное возрастание в хозяйстве роли рыболовства, что давало более надежный источник существования и способствовало росту и оседлости населения. Я полностью поддерживаю М.Ф. Косарева, считающего, что рыболовство по объему добываемого продукта, технической оснащенности и ряду других признаков более других присваивающих промыслов приближается к производящему хозяйству, особенно к земледелию /31, с.50/. Не исключено, что как раз переход к энеолиту и способствовал распаду рыболовецкого хозяйства. Видимо, это так же, как и на юге, способствовало резкому росту населения, что могло приводить к военным столкновениям из-за охотничьих и рыболовецких угодий. Для этого времени характерно появление укрепленных поселков-городищ, которых не было в предшествующую эпоху /32/. В абсолютных датах это будет скорее всего III тыс. до н.э. По одному

из жилища (№ 1) поселения Тух-Сигат 1У, в верховьях реки Васюган, была получена радиоуглеродная дата, которая дала возраст 4690 ± 100 лет, или 2740 г. до н.э. (СО АН - 1463) /33, с.30/. Ранний комплекс этого поселения, в том числе и это жилище, относится к эпохе энеолита. Здесь встречена типичная керамика и металлические лезвия составных пожей.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что население Западной Сибири в своем развитии прошло те же стадии, что и население других регионов нашей страны и древних цивилизаций в целом. Начало эпохи энеолита в Южной Сибири пришлось на первую половину 1У тыс. до н.э. и совпало с развитием и становлением производящих форм хозяйства, которые способствовали росту населения. Численность энеолитических памятников предгорий Алтая в несколько раз больше, чем неолитических. В северных районах эта эпоха началась несколько позднее, в III тыс. до н.э., и способствовала, видимо, совершенствованию традиционных форм хозяйства и также привела к росту населения, о чем свидетельствует и резкое увеличение количества и повышение укрепленных памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973. 354 с.

2. Рыдичина Н.В. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестник Московского университета. Сер. История. М., 1978. Вып.8. С.74-86.

3. Мерперт Н.Я. К вопросу о термине "энеолит" и его критериях // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981. С.4-21.

4. Coganlan H.H. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World-Occasional Papers of Technology. Oxford, 1951, 4.

5. Городицов В.А. Археология. Т.1. Каменный период. М.;Пг., 1923, С.29.

6. Черных Е.Н. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы // Археология и естественные науки. М., 1965. С.108-109.

7. Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С.53-82.

8. Массон В.М., Мунчаев Р.М. Энеолит СССР // Всесоюзная конференция "Новейшие достижения советских археологов": Тез. пленарн. докл. М., 1977. С.10.

9. Массон В.М. Постановка вопроса: Понятие "энеолит" // Энеолит СССР. М., 1982. С.7.

10. Равдоникас В.И. История первобытного общества. Л., 1947. Т.П. С.151.

11. Брюсов А.Я. Белевская неолитическая культура // КСИИМК. 1947. Вып.ХУ1. С.15-21.

12. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. С.5.

13. Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье // МИА. 1960. № 90. С.86-88.

14. Чайлд В. Гордон. У истоков европейской цивилизации. М., 1952. С.40.

15. Фосс М.Е. О терминах "неолит", "бронза", "культура" // КСИИМК. 1949. Вып.ХХ1Х. С.34.

16. Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Т.1. Древняя Сибирь. Л., 1968. С. 159-165.

17. Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

18. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949, № 9. 362 с.

19. Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура) // Из истории Сибири. Вып.9. Томск, 1973. 147 с.

20. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 166 с.

21. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1975. 20 с.

22. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 172 с.

23. Кирюшин Ю.Ф. Бронзовый век Васюганья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. 23 с.

24. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979. 181 с.

25. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 276 с.

26. Васильев Е.А. Энеолитическое время в бассейне р.Вах // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С.3-11.

27. Гурнина И.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР // МИА, 1973. № 172. С.7-21.

28. Grjazlov N.P. Southern Siberia. Geneva, 1969. P.45-46.

29. Ермолова Н.М., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири. Л., 1983. С.95-98.

30. Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С.46-53.

31. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. 243 с.

32. Морозов В.М., Стефанов В.И. Исследования в бассейне реки Казыма // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С.155-158.

33. Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С.28-32.

Линь Юнь

Цзилиньский университет

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ РУЧНЫХ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ КИТАЯ*

В период 1928-1937 гг. в Китае 15 раз проводились раскопки Иньского городища. В результате чего мир узнал о том, что в эпоху Шан уже существовала развитая культура бронзового века. После освобождения (то есть после победы революции и образования Китайской Народной Республики в 1949 г. - Прим. пер.) одно из самых больших успехов китайской археологии - это открытие "шанской культуры эрлиган", более ранней, чем культура Иньского городища. Была обнаружена также культура эрлиitou, которая древнее эрлиган и хронологически относится к династии Ся /1/. Поскольку на памятниках культуры эрлиitou находят все больше бронзовых изделий, а в древних книгах также сообщается о выплавке в начальный период династии Ся знаменитых "девяти треножников"/2/, то большинство китайских историков и археологов в настоящее время считают, что бронзовый век в Китае начался с культуры эрлиitou, т.е. с династии Ся. Археологические культуры более раннего периода традиционно назывались неолитическими.

* Перевод выполнен С.А.Комиссаровым по авторской рукописи. Профессор Линь Юнь (1939 г.р.), декан археологического факультета Цзилиньского университета (г.Чанчунь) и директор Института древних книг, входит в число ведущих китайских археологов. Специалист по проблемам неолита, энеолита и бронзового века, а также древней письменности. В 1989 г. по приглашению академика А.Н.Деревянко находился с визитом в СССР, где участвовал в полевых работах на Алтае, а также посетил Абакан, Минусинск и Новосибирск. В поездке его сопровождал Линь Шушань, сотрудник Института археологии и истории материальной культуры провинции Цзилинь.- Прим. пер.

Фактически же на археологических памятниках, предшествующих культуре эринтоу, постоянно находят бронзовые изделия. К тому же довольно рано был поставлен следующий вопрос: прошел ли Китай через период энеолита, предшествовавший бронзовому веку, или нет. В 1960-е годы молодой ассистент Янь Вэньмин (нынешний декан археологического факультета Пекинского университета) в одной из учебных работ выдвинул точку зрения о том, что культуры луншань, шаньцзя, лянцзю являются энеолитическими и, соответственно, представляют собой эпоху энеолита. Однако в то время его концепция не оказала значительного влияния на развитие науки.

В 1973 г. при раскошках жилища культуры яншао (тип баньцзо) на поселении Цзянчжай (уезд Линьцун, провинция Шэньси) нашли обломок бронзовой пластинки, которая была частично вдавлена в поверхность пола. Древесный уголь из этого жилища датирован радиоуглеродным методом 4675±135 лет до н.э. (с калибровкой). Анализ бронзовой пластинки показал, что это — сплав меди и олова. Данное открытие вызвало большую дискуссию и одновременно стимулировало внимание к сообщениям прошлых лет о находках образцов бронзовых изделий в неолитических могильниках и поселениях. Покойный Тай Лань, бывший заместителем директора Музея Гугун, на основе этих сообщений смело заявил: "Бронзовые изделия в Китае появляются свыше шести тысяч лет назад". Он писал, что "в нашей стране прежде всего изобрели выплавку бронзы и лишь очень поздно стали выплавлять чистую медь" /3/. Точка зрения Тай Ланя подверглась критике со стороны Ань Чжунминя /4/. Кроме того, ученые из группы по изучению истории металлургии Пекинского института стали под руководством профессора Кэ Цяоя провести анализ некоторых бронзовых изделий раннего периода и на основе полученных результатов — экспериментальные отливки. Они установили, что медно-оловянный сплав из Цзянчжай, возможно, был получен из природного минерала, содержавшего медь и олово. Медно-оловянные и медно-свинцовые сплавы раннего периода,

возможно, также получены из природных минералов, содержащих медь и, соответственно, олово или свинец. Поэтому историки металлургии пришли к следующему выводу: "Время первого появления бронзовых изделий в древней истории нашей страны, очевидно, восходит к периоду культуры цинцзя, при этом орудия из меди, оловянистой и свинцовой бронзы могли определенное время сосуществовать", "также вероятно раннее появление латуни"/5/.

Вслед за ними важную статью о периоде энеолита в Китае опубликовал Янь Ваньмин. Во-первых, к выдвинутой ранее концепции существования бронзовых изделий в период культуры луншань он добавил факты находок латунной пластины в Цзянчжай (датируется 4700-4600 лет до н.э.), пока из оловянистой бронзы в Линьцзя, уезд Лунсян, провинция Ганьсу (3280-2740 лет до н.э.), бронзовый шпатель из Юаньчжэнь, уезд Юйцзы, провинция Шаньси (около 3000 лет до н.э.). Вместе с тем он отметил: "Если для раннего периода культуры яншао находки бронзовых изделий пока единичны, а способ их изготовления еще не ясен, то уже в поздний период культуры яншао несомненно известно литье бронзы, что свидетельствует о вступлении общества в эпоху энеолита". Кроме того, он высказал свое мнение по поводу бытовавшего в прошлом огульного мнения о том, что в энеолите знали только медь ("почему для энеолита все известные металлы должны ограничиваться медью?").

Во-вторых, Янь Ваньмин сделал новый шаг в утверждении того, что "культура луншань (датированная в основном с 26 по 21 века до н.э.) относится к эпохе энеолита", а именно - к его позднему этапу.

В-третьих, он предложил, что "поскольку энеолит является всего лишь переходным периодом, то его иногда можно включать в период неолита в широком смысле данного термина". Говоря конкретно, он отнес культуру циншань и другие сравнительно ранние по хронологии памятники к раннему периоду китайского неолита, а культуры яншао и луншань - к позднему периоду неолита, причем

энеолит включил в этот последний период.

В-четвертых, он суммировал некоторые различия между энеолитом и бронзовым веком:

1) в период бронзового века орудия из бронзы составляли около 80 % от всех изделий, где использовалась медь, что доказывает уже сознательное изготовление искусственных сплавов;

2) если говорить о сфере применения, то в энеолите преобладали маленькие орудия и предметы быта, почти не было оружия, а также не встречены емкости больших размеров. Однако для бронзового века характерно обилие категорий и видов металлических изделий, развитие изделий больших форм, серийное производство;

3) в бронзовом веке появляются изделия из серебра и золота, типологизация многих видов металлических изделий также отличается от энеолитической.

В-пятых, Янь Вэньмин предположил, что "весь период, представленный культурой эрлитоу (XXI-XVI века до н.э., династия Ся), является ранним периодом бронзового века в Китае"/6/.

Согласно подсчетам Ёжан Ёжунся, до 1985 г. обнаружено свыше 300 образцов бронзовых изделий раннего периода, возраст которых древнее культуры эрлитоу или соответствует ей. Из их числа опубликовано 159 образцов. На основании указанных материалов он решительно выступил против точки зрения Ань Ёжиминя и поддерживал Янь Вэньмина. Однако у него есть и некоторые отличия от концепции последнего. В процессе изучения периодизации культуры цинся он обнаружил, что на сравнительно ранних памятниках этой культуры представлены только медные изделия. И лишь на памятниках, хронологически входящих в эпоху Ся, есть бронзовые вещи. Поэтому он пришел к твердому убеждению, что все сплавы меди с оловом или свинцом, найденные на памятниках культуры лушань или более раннего времени, "связаны с особенностями рудного сырья соответствующих мест, но никак не являются результатом преднамеренной выплавки бронзовых сплавов". Поэтому он продолжает вы-

ступать за то, что энеолит является периодом чистой меди" /7/.

Но как бы то ни было, факт состоит в том, что в период луншань и даже более ранний период иншань в Китае уже появились медно-оловянные и медно-свинцовые сплавы. И пусть даже они действительно не являются результатом преднамеренной выплавки, но их нельзя назвать также "чистой медью". Недавно Тэн Миньюй из Цинлиньского университета предложила в своей статье термин "примитивный бронзовый сплав" специально для обозначения бронзовых сплавов, полученных не преднамеренно, а в результате случайного наличия в руде других элементов. Основываясь на китайских материалах, она предложила условно разделить производство бронзовых изделий на четыре этапа: меди и примитивных бронзовых сплавов → меди → меди и бронзы → бронзы. Данная цепочка существенно отличается от последовательности развития, сформулированной Р.Т. Тайлеком из Кембриджского университета: "чистая медь → мышьяковистая бронза → оловянистая бронза" /8/. Тэн Миньюй провела предварительное изучение проблемы с учетом особенностей рудного сырья и специфики литейного мастерства Китая, однако недавно выявленные археологические материалы еще ждут дальнейшего анализа /9/.

Янь Вэньмин и Чжан Чжунпэй утверждали, что хотя все известные на сегодняшний день находки ранних бронзовых изделий на территории Китая сгруппированы в бассейне реки Хуанхэ, однако, судя по их типологии, они имеют различное происхождение. Поэтому я хотел бы ниже специально остановиться на проблеме происхождения и хронологии бронзовых изделий, которые я называю "северными" (в данном случае под термином "Север" подразумевается Ордос и прилегающие к нему районы. — Прим. пер.)

В 1975 г. в одной из могил Эрлишю (под номером К3) нашли бронзовую секиру "юэ" (ее называют также секирой "ци") /10, рис.3,2, ил.У,4/. Фактически она полностью отличается по форме от плоских секир Цент-

ральной равнины с широким всеорообразным лезвием. У этого экземпляра рабочая часть узкая, длинная и массивная – так же, как у втульчатых боевых топоров, в последующий период получивших распространение на Севере. Выступающий с двух сторон "бортик" также напоминает выступы, разделяющие рукоять и лезвие бронзовых пожей из северных районов. Однако для крепления секиры к рукояти служит плоский "обух", характерный для Центральной равнины. Следует полагать, что это продукт взаимовлияния "северной" и "центральной" бронзовых традиций. Данная могила, судя по сосуду "хэ", клевицу и другим предметам погребального инвентаря, относится к третьему периоду культуры эрлитоу. Отсюда можно видеть, что уже в период, соответствующий приблизительно 1700–1600 годам до н.э., на Севере Китая несомненно существовала особая (северная) традиция бронзовых изделий, которая оказывала влияние на культуру эрлитоу.

В 1980 г. в другой могиле (район Ш, номер М3), также принадлежащей третьему периоду культуры эрлитоу, нашли бронзовый нож. Его лезвие отлито заодно с перфорированной рукоятью, а навершие выполнено в форме кольца, что явно отражает особенности северной традиции бронзовых изделий /11, рис.10,9/.

Еще одно прямое доказательство (существовавших контактов) дают находки несомненно северных кинжала и пожа с кольцевым навершием в могиле (номер М1040) на памятнике Чжукайгоу, аймак Ицзинхоло, Внутренняя Монголия. На основании найденных вместе с ними вещей можно датировать могилу периодом культуры эрлиган (примерно 15–14 веками до н.э.) /12, рис.29,2,3/. Руководитель раскопок Тянь Гуаншэнь считает эти находки важными материалами для изучения происхождения "ордосских бронз" /13/. Конечно, если принять во внимание бронзовые топор и нож, найденные в упомянутом выше могильнике культуры эрлитоу, то можно проследить историю отливки бронзовых изделий со специфическими северными чертами вплоть до самой ранней эпохи.

Проблема истоков бронзовых изделий "северной группы" неизбежно требует совместных исследований китайских, советских и монгольских учёных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На основе комплексного статистического подхода, вобравшего большое количество радиоуглеродных дат из могильника Эрлитоу, даты культуры эрлитоу не должны быть раньше 1900 г. до н.э. и не позже 1500 г. до н.э. См.: Чоу Шахуа и др. Предварительный отчет о радиоуглеродных датировках, относящихся к так называемой культуре Ся // Каогу. 1983. № 10.

В соответствии с сочинением "Гу бэнь чжу цзинянь" ("Бамбуковые анналы") династия Ся датируется периодом с 21 по 16 века до н.э.

2. Согласно "Ши цзи-Уди цзи" ("Исторические записки - Записи о правлении императора У-ди") и "Хань шу - Цзяо сы чжи" ("История династии Хань - Трактат о жертвоприношениях небу и земле"), "девять треножников" ("дин") отлил император Юй. Согласно сочинению "Мо-цзы - Гэи Чжу", "девять треножников" отлили посланцы Ци, сына Юй.

3. Тан Лань. Происхождение и развитие китайских бронзовых изделий // Гугун боюань юанькань. 1979. № 1. Необходимо пояснить, что Тан Лань называл бронзой также сплав меди и цинка, поскольку придерживался точки зрения А.В. Арциховского. Последний писал в "Основах археологии": "...настоящей бронзы в Восточной Европе было меньше, чем в Западной Европе или Сибири. Поэтому распространялись иные сплавы, заменившие бронзу и тоже иногда называемые бронзами. Медь сплавляли со свинцом или цинком" (Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1954. С.76.- Прим. пер.). В соответствии с китайской традицией сплав меди и цинка называют "латунь".

4. Ань Чжэминь. Некоторые вопросы ранних бронзовых изделий Китая // Каогу сюэбао. 1981. № 3.

5. Предварительное исследование ранних бронзовых изделий Китая // Каогу сюэбао. 1981. № 3.

6. Янь Вэньмин. Об эпохе энеолита в Китае // Шичань яньцзю. 1984. № 1.

7. Хуа Цюань (псевдоним Чжан Чжунцзя). Находки и исследования ранних бронзовых изделий Китая // Шисюэ цзюань. 1985. № 3.

8. Tylekote R.T. A History of Metallurgy. L., 1976.

9. Тэн Миньюй. Еще одно исследование проблемы, связанной с ранними бронзовыми изделиями Китая // Бэйфан вэньу. 1989. № 2.

10. Новые находки бронзовых и нефритовых изделий на стоянке Эрлитоу, уезд Яньши // Каогу. 1976. № 4.

11. Краткий отчет о раскопках стоянки Эрлитоу, уезд Яньши, провинция Хэнань осенью 1980 года // Каогу. 1983. № 3.

12. Стоянка Чжукайгоу во Внутренней Монголии // Каогу сюэбао. 1988. № 3.

13. Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Происхождение ор-
досских бронз // Каогу сюэбао. 1988. № 3.

В.С. Удодов

Алтайский государственный университет

О РОЛИ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОГО КОМПОНЕНТА В ЭТНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Бегазы-дандыбаевская проблематика долгое время разрабатывалась в основном на материалах Казахстана /1; 2; 3; 4/. Для Западной Сибири эта тема и сегодня остается малонизученной. В сущности, делаются лишь первые шаги в постановке и исследовании некоторых вопросов, связанных с данной проблемой. Между тем, открытие здесь целого ряда памятников, в материалах которых исследователи в той или иной степени усматривают бегазы-дандыбаевское влияние, требует, на наш взгляд, постановки вопроса о месте и роли данного компонента в этногенезе некоторых западносибирских культур. Любопытно, что бегазы-дандыбаевские материалы известны в основном в могильниках, причем неоднородных в культурном отношении. Как отмечают исследователи, бегазы-дандыбаевская посуда (или очень близкая ей) встречается вместе с еловской /5, с.151; 6, с.71/, корчажкинской /6, с.71/, ирменской /7, с.141/. Таким образом, успешное решение данного вопроса возможно лишь при комплексном рассмотрении культурно-исторических процессов, протекавших в Западной Сибири в эпоху поздней бронзы. В этом плане следует отметить, что весьма актуальной и дискуссионной для данного региона по-прежнему остается еловско-корчажкинская и ирменская проблематика.

Ряд исследователей признали правомерность выделения корчажкинской культуры /8, с.71; 9, с.17-18/. В.А. Могильников связывает появление памятников типа Корчажка 5 с продвижением в Барнаульское Приобье еловского населения /10, с.153/. А.В. Матвеев относит корчажкинские материалы к быстровскому этапу ирменской культуры /11, с.59; 12, с.100/.

Как видим, точки зрения исследователей по данной проблеме весьма различны, и разрешение возникших противоречий возможно, на наш взгляд, при выработке более или менее общего подхода и критерия оценки тех или иных материалов. Таким критерием может служить гребенчато-ямочный субстрат, наличие которого признается как в еловской культуре /5, с.146/, так и в корчажнинской /13 с.151/, а также его производные. Если подходить к проблеме с такой позиции, то корчажнинская культура представляется более "чистой", в то время как еловская (в современном понимании) выглядит синкретичной. В качестве примера можно отметить, что если 2 группа (по мнению М.Ф. Косарева) еловской керамики близка посуде иткульского этапа, то большая часть сосудов 4 и 5 групп аналогична в корчажнинских материалах не имеет и тяготеет к так называемому карасукскому кругу. Как уже отмечалось /14, с.55; 15, с.40/, при сложении 4 и 5 групп еловской (по мнению М.Ф. Косарева) керамики значительную, если не решающую роль сыграло бегазы-дандыбаевское влияние, и связано это, по всей вероятности, не с эпизодическими контактами, а с продвижением групп бегазы-дандыбаевского населения вплоть до Томского Приобья. В этой связи правомерен, на наш взгляд, вопрос о целесообразности отнесения подобной керамики к еловской культуре.

Проникновение бегазы-дандыбаевских традиций в Томское Приобье могло осуществляться из Кулунды через Барабу. Подтверждением этому служит открытие в Новосибирской области целого ряда памятников, содержащих материалы, близкие бегазы-дандыбаевским. Что касается Кулунды, то здесь, по крайней мере на трех поселениях (Бурла 3, Кайгородка 3, Новоильинка) в Хабаровском районе, в разных количествах найдена бегазы-дандыбаевская керамика /15, 16/. К сожалению, объем данной статьи не позволяет дать полную характеристику керамике с данных поселений. Отметим лишь, что по целому ряду признаков: форма сосудов, наличие поддонов, техника орнаментации - гребенчатый, струйчатый, циркульный элемен-

ты орнамента, штампы, косая сетка, треугольники, различные виды штрихованных полос (рис. 1, 2-1, 3-7) — эта посуда сопоставима с комплексами Томской и Новосибирской областей. Однако бегазы-даңдыбаевская принадлежность керамики из Кулунды сомнений не вызывает, тем более что сосуды, украшенные в гребенчато-ямочном стиле, здесь вообще отсутствуют.

Таким образом, приблизительно в конце II тыс. до н.э. на значительной территории от Алтая до Томской области появляются памятники, связанные с продвижением сюда групп бегазы-даңдыбаевского населения. Своеобразие их заключалось, с одной стороны, в сохранении сильных андроновидных традиций, с другой, — в появлении новых форм и орнаментальных мотивов, характерных для поздней бронзы. По всей вероятности, пришельцы смешивались с различными группами местного населения, что и определило своеобразный колорит и синкретичный характер некоторых групп керамики.

В этой связи в самых общих чертах хотелось бы коснуться и проблемы происхождения ирменской культуры. Большинство исследователей признает в ней наличие андроновского компонента, однако остается дискуссионным вопрос о существовании каких-либо промежуточных этапов. В.М. Молодин хронологически смыкает андроновскую и ирменскую культуры /7, с.116; 17, с.53-54/. А.В. Матвеев в предлагаемой им схеме развития ирменской культуры в качестве промежуточного выделяет ордынский этап /11, с.58/. Представляется, что выделение этапов (ордынский, быстровский, ирменский) не является бесспорным и не исчерпывает проблемы в целом. Хотелось бы отметить лишь некоторые, на наш взгляд, противоречия: характеризуя ордынскую и быстровскую керамику, А.В. Матвеев отмечает, что процент геометрических узоров на ней невысок /11, с.58-59/, в то время как на ирменском этапе орнамент в основном геометрический /11, с.62/. Весьма характерной чертой быстровской керамики являются ямочные узоры на тулове сосудов: 67,3±5,7 % /11, с.59/, часто они выступают в роли разделительных поясов.

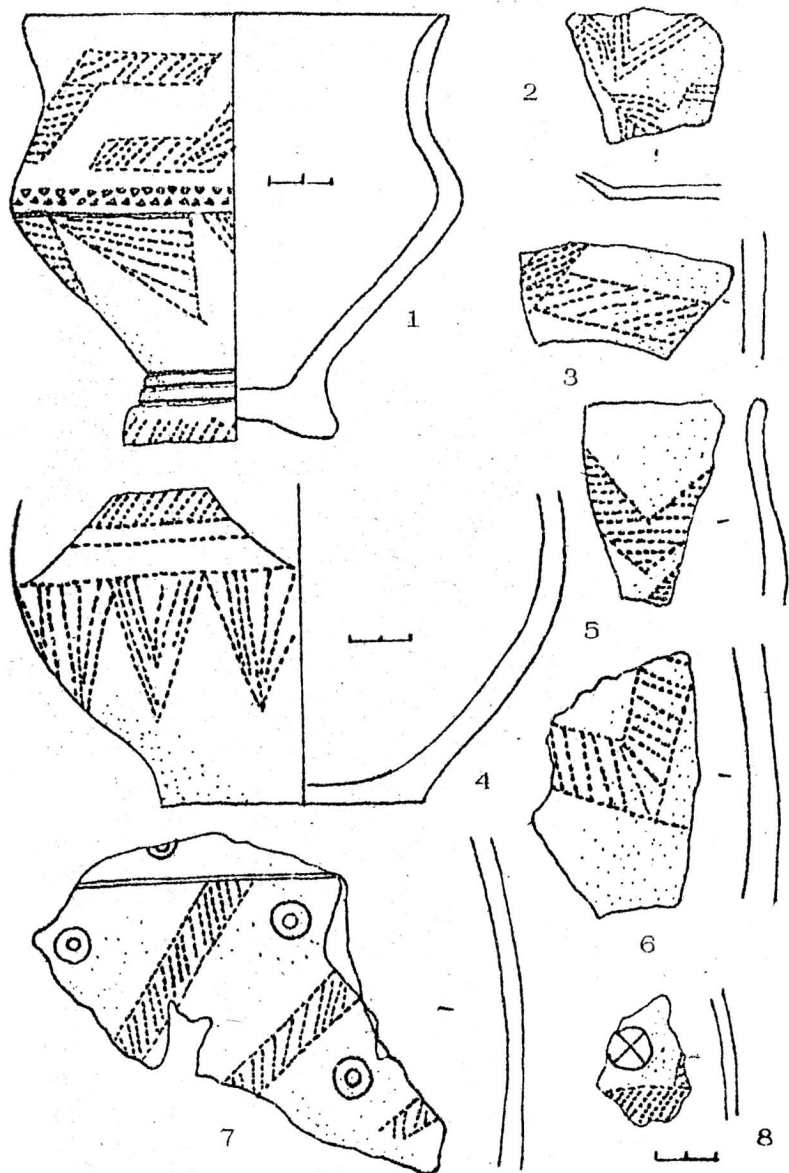

Рис. 1. Керамика с поселений Бурла 3 (1, 3-8) и Новоильинка (2)

Однако на собственно ирменской керамике они практически отсутствуют. Целый ряд форм (сосуды с узким горлом и бомбовидным туловом, горшки с короткой прямой шейкой и раздутым туловом) вообще не имеют истоков в андроновской посуде. Уже высказывались сомнения /13, с.153/, на наш взгляд справедливые, о принадлежности к быстровскому этапу ряда алтайских поселений, в том числе и Цыганковой Солки, где, кстати, Ю.Ф. Кирюшиным в 1990 г. в жилище найден трехдычатый псаллий, датирующийся в пределах УIII–УII вв. до н.э.

Суммируя сказанное выше, следует отметить, что в схеме, предложенной А.В. Матвеевым, на наш взгляд, не вполне убедительно показана трансформация андроновского геометризма в ирменский. Представляется, что к быстровскому этапу отнесено значительное количество еловский или коржаккинской керамики с ярко выраженными гребенчато-ямочными традициями. Как показывают исследования в Барнаульском Приобье, связи ирменцев и коржаккинцев носят скорее контактный характер /18, с.143/, причем на стадии уже в общем-то сложившихся культур. Схема же А.В. Матвеева по существу возрождает точку зрения В.И. Матюшенко о единой еловско-ирменской культуре.

Нам представляется правомерным мнение о наличии промежуточного, послеандроновского, этапа в сложении ирменской культуры. Видимо, бегазы-дандыбаевский компонент (может быть, в какой-то степени трансформированный) сыграл важную роль в данном процессе, послужив прототипом при сложении ирменской орнаментальной схемы и в развитии некоторых форм керамики, придав ирменской посуде определенную "карасукоидность". Возможно, материалы Еловских могильников как раз и иллюстрируют один из вариантов развития подобного процесса. Так, любопытная находка сделана на поселении Бурла 3. Здесь найден фрагмент сосуда (рис.2,2), орнаментация которого выполнена резной техникой, что не характерно для бегазы-дандыбаевской керамики и вызывает скорее ирменские ассоциации. Еще одним возможным компонентом при сложении ирменской культурной традиции могли быть какие-то

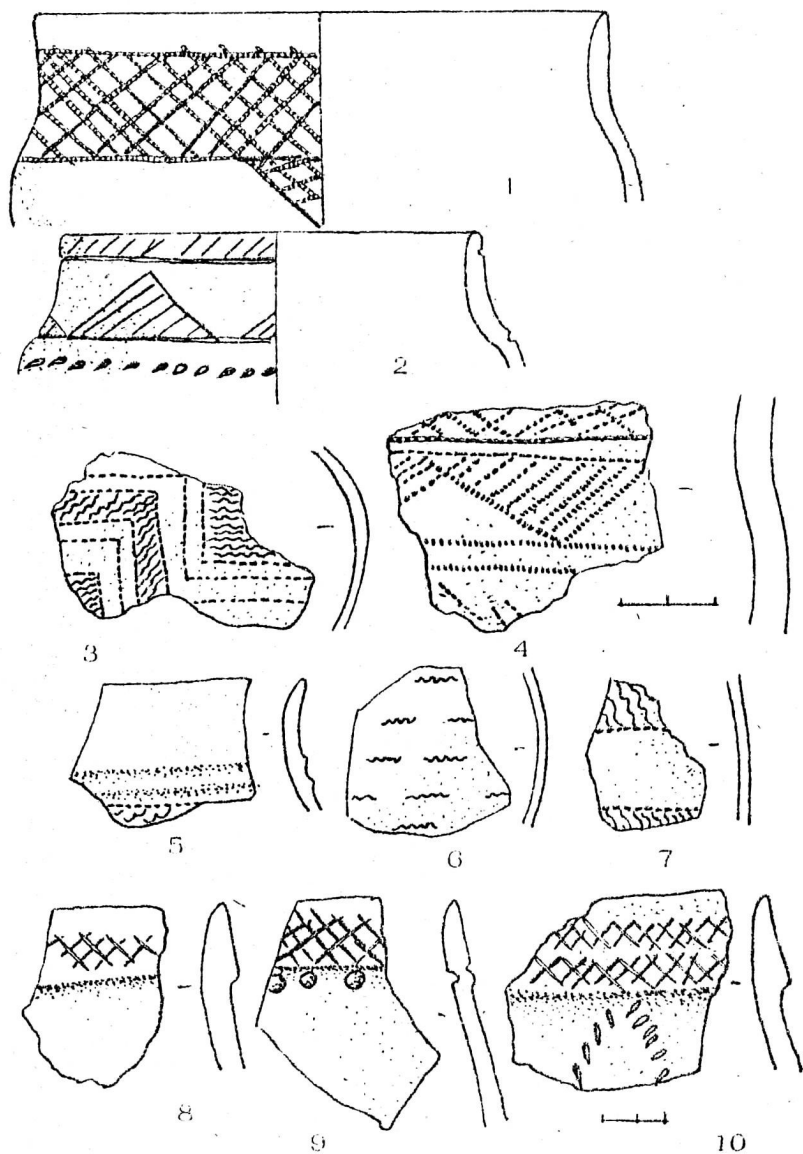

Рис. 2. Керамика с поселений Бурла 3 (1-3, 5-7),
Кайгородка 3 (4), Новоильинка (8 - 10)

группы населения носителей воротничковой керамики /14/. В частности, на поселении Новонильника, где основная масса посуды близка саргаринской, в верхней части зольника найдено несколько фрагментов керамики с воротничком (рис.2.8-10). Хотя традиционный геометризм здесь отсутствует, подобная керамика известна в ирменских памятниках /7, рис.59; 19, рис.1-1.3,5,6/, но не исключена возможность трактовки ее и как раннеирменской /20; с.123/.

Весьма важным моментом в понимании этнокультурных процессов, протекавших в Западной Сибири в эпоху поздней бронзы, является датировка бегазы-дандыбаевских древностей. При решении данного вопроса, на наш взгляд, нельзя абсолютизировать даты, полученные для некоторых памятников в отдельных регионах, поскольку огромная территория распространения бегазы-дандыбаевских древностей подразумевает, видимо, и хронологические различия. Большинство дат, полученных для памятников Казахстана, укладывается в рамки 1 тыс. до н.э.: X-УШ вв. до н.э. /2, с.58/, X-IX вв. до н.э. /4, с.66/ и даже IX-УП вв. до н.э. /3, с.94/. Что касается исследованных нами поселений в Кулунде (Бурла 3, Кайгородка 3), то своеобразный набор бронзовых орудий, планиграфические наблюдения и анализ взаимовстречаемости различных типов керамики на поселениях позволяют удревнить нижнюю дату, возможно, до XII в. до н.э. Верхнюю — можно ориентировочно определить рубежом II-I тыс. до н.э. Видимо, к этому времени относится и распространение бегазы-дандыбаевских традиций в Барабе и Томском Приобье, хотя исключать возможность более длительного их существования нельзя.

В заключение хотелось бы отметить, что изложенные соображения носят предварительный характер и в процессе дальнейших исследований будут, несомненно, корректироваться и дополняться.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х. Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып.32.
2. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 335 с.
3. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С.64-94.
4. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С.56-68.
5. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 246 с.
6. Тронцкая Т.Н., Софеев О.В. Памятник Крохалева 13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С.63-72.
7. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 220 с.
8. Бобров В.В. Культурная принадлежность и хронология памятников предандроновского времени и поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С.68-71.
9. Бобров В.В., Касастикова Л.Ю. Культурная принадлежность поселения Танай 4 // Археологические исследования в Сибири: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1989. С.17-18.
10. Могильников В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С.151-154.
11. Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // СА. 1986. № 2. С.56-69.
12. Матвеев А.В. К вопросу об историко-культурной систематике и хронологии памятников эпохи поздней брон-

зы Западно-Сибирской лесостепи // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С.98-101.

13. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С.137-158.

14. Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. Экологические факторы и формирование культур поздней бронзы в Западной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С.53-56.

15. Удодов В.С. Некоторые результаты археологических исследований на р.Бурле // Охрана и использование археологических памятников Алтая: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1990. С.39-43.

16. Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С.107-110.

17. Молодин В.И. Корреляция культур эпохи бронзы Западной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С.51-54.

18. Шамшин А.Б. Поселение Речкуново 3 - новый памятник эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С.129-147.

19. Стефанов В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Верхнем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка. 1) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С.75-88.

20. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С.104-128.

М.Т. Абдулганеев, В.Н. Владимиров
Алтайский государственный университет

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА КЕРАМИКИ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ЛЕСОСТЕПНОГО И ПРЕДГОРНОГО АЛТАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ

1 ТЫС. ДО Н. Э.

Исследование памятников раннего железного века Алтая связано с многочисленными трудностями. Разная степень их изученности, соотношение многочисленных культурных традиций приводят исследователей к противоречивым выводам. В связи с этим представляет интерес формальный анализ материала статистическими методами. В данной работе мы попытались определить степень сходства керамических комплексов поселений приобской зоны, ленточных боров древнего стока Оби и северных предгорий Алтая, считающихся традиционно территорией распространения большереченской культуры к 1 в. до н.э./1, с. 45.

98; 2/. выявить локально-хронологические группы поселений, а также орнаментальные традиции каждой из групп и большереченской культуры в целом, выделяя при этом "ранние" и "поздние" орнаменты и прослеживая их генезис.

В работе учтены материалы 35 поселений, из которых 5 находятся на реке Песчаная, 4 - на Катунь, 5 - на Бии, 1 - Чумыш, 10 - на правом берегу Оби, 5 - на левом ее берегу, 2 - на оз. Большой Иткуль, 3 - на озерах древнего стока. На 24 поселениях производились раскопки (вскрытая площадь на однослойных памятниках достигает 1800 кв.м, на многослойных - до 2300 кв.м), остальные представляют собой сборы, как правило, довольно значительные. Большая часть памятников - это стоянки или кратковременные поселения. Исключение составляют, вероятно, только поселения Ближние Елбаны 1, Чудашка Гора, Солонцы 1, Островное 3 и городища Березовка 2 и Усть-Иша 3.

Для группировки памятников использовался широко употребляемый в исторических и археологических исследованиях метод кластер-анализа, при котором в многомерном пространстве, соответствующем выбранному количеству признаков, измеряется евклидово расстояние между объектами, рассматриваемыми как точки /3, с.270-275; 4, с.27-31; 5, с.180-189/. Этот метод применялся и в исследованиях, посвященных археологии Сибири /6/.

В качестве критерия сходства и различия памятников взята орнаментика самого массового археологического материала — керамики, которая, по единодушному мнению исследователей, является одним из самых надежных культурных индикаторов. На керамике рассматриваемого периода орнамент располагается, как правило, в одну строку, по венчику, очень редко — по шейке, но в любом случае — в верхней части сосуда. Учитывались памятники, на которых количество пригодных для обработки венчиков было не менее 50, на 19 поселениях их насчитывалось от 100 до 1020. При выборе характеристики орнамента керамики для упрощения исследования некоторые ее виды были объединены в следующие группы:

1. Наколы-вдавления округлой, подпрямоугольной и удлиненной формы.
2. Жемчужины различной формы.
3. Керамика без орнамента.
4. Жемчужины, разделенные уголком, ямками, насечками, крестообразными и другими линиями.
5. Валик горизонтальный, реже вертикальный или полукруглый в сочетании с ямками и жемчужинкой, либо без них.
6. Зажимы.
7. Жемчужник, разделенный отрисками гребенки (от одного до шести).
8. Жемчужник, разделенный ямками, уголком или насечками, выше которых — резные наклонные линии.
9. То же, но выше — резная сетка.
10. Жемчужник, разделенный ямками, уголком, ниже которых располагаются ямки, уголок или насечки.

11. Наколы, ниже которых – зигзаг из резных линий или резная елочка.

12. Жемчужник в сочетании с резной елочкой, которая его разделяет. Елочка как выше, так и ниже жемчужника.

13. Жемчужины, ниже которых располагаются ямки, насечки или уголок.

14. Наклонные длинные насечки.

15. Наклонные длинные насечки в елочку.

16. Жемчужины в сочетании с гребенчатой елочкой.

17. Жемчужины, разделенные уголком, выше и ниже которых располагаются наколы или уголок.

18. Один-три ряда ямок, ниже которых уголок.

19. Жемчужины в сочетании с резной елочкой.

20. Жемчужины, разделенные уголком и насечками, выше которых помещаются ямки, уголок или насечки.

21. Жемчужины, разделенные уголком или насечками, ниже которых – резная елочка.

22. Жемчужины, разделенные уголком или насечками, группирующимися вертикально по три-четыре.

23. Оттиски наклонного гребенчатого штампа в один-три ряда или в елочку.

24. Оттиски уголка в один-четыре ряда.

25. Жемчужник, разделенный насечками, ниже которых располагаются оттиски косо поставленной гребенки.

26. Жемчужины, выше которых оттиски косо поставленной гребенки.

27. Наколы, как правило, округлой формы, в сочетании с гребенчатым штампом.

28. Все остальные виды орнамента (не более четырех на памяtnике, но, как правило, не более одного либо совсем отсутствуют).

Для первоначальной группировки всех памяtnиков было выбрано 8 основных видов орнамента, из которых 4 (1-4) встречены на всех поселениях, а 4 – не менее чем на 12 (5, 7, 8, 10). После проведения кластер-анализа, на основе изучения полученной дендрограммы, можно выделить две основные группы памяtnиков: первая

из них включает поселения приобской зоны и озер древнего стока, вторая – поселения северных предгорий. Считаем необходимым отметить, что названия выделенных нами групп носят служебный характер и не претендуют на статус особых типов памятников.

На следующем этапе исследования кластеризация проводилась по каждой из двух выделенных групп на основе расширенного по сравнению с первоначальным списком признаков. Для первой группы (лесостепной) было выбрано 23 вида орнамента (исключая 6, 18, 21, 24, 28), для второй (предгорной) – 21 вид (исключая 12, 14, 22, 23, 26, 27, 28). В результате чего внутри каждой из двух выделенных групп была установлена более дробная группировка (рис.1). В дальнейшем такие группы, выделяющиеся внутри двух больших, мы будем называть малыми.

Первую малую группу (правобережную) среди лесостепных памятников составили правобережные обские поселения (Фирсово 4, 6, 10, 15, 17, Ближние Елбаны 1, 12), два левобережных (Ольгишка 1, Казенная Заимка 1) и поселения оз. Большой Иткуль (Дмитриевская Грива, Костенкова Избушка). Ближе им оказались два самых северных правобережных поселения – Малый Гоньбинский Кордон 1 и Новоалтайское. Во вторую малую группу (левобережную) вошли 3 поселения с левого берега Оби (Быково 3, Киприца, Островное 3). Ближе других к ним оказалось поселение Чудацкая Гора. Не вошли в указанные группы, располагаясь на дендрограмме особняком, 2 поселения: Вознесенское 1 и Крестьянское 3.

Внутри предгорной группы выделились три малые группы. Наиболее многочисленная состоит из 8 памятников: Майма 2, Майма 12, Стан Бехтемир, Боровое 3, Фоминское, Степь-Чумыш (сборная), Заречное, Бицсейское 1 и Усть-Иша 3. Эти памятники расположены главным образом в низовьях Би и Катунь, поэтому группа названа нами бикатунской. Близка рассмотренной другая малая группа из 2 памятников (Березовка 2, Солонцы 1), получившая название березовской. Два поселения с р.Песчаной (Тоцильное 3,7) составили третью,

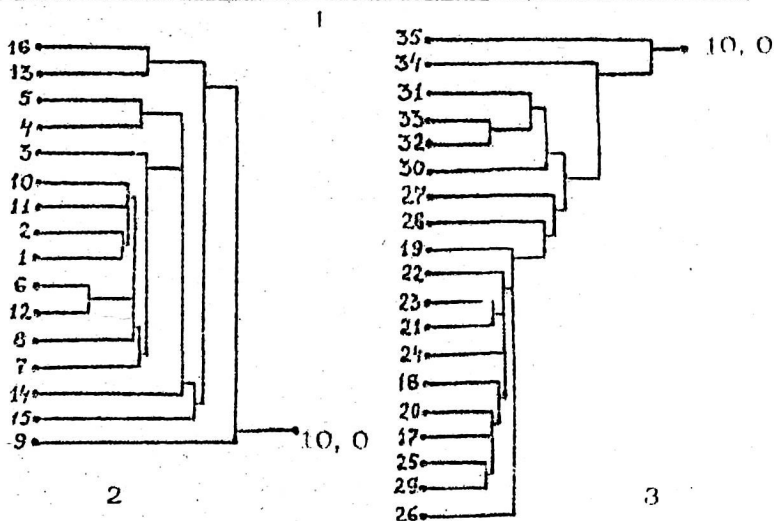
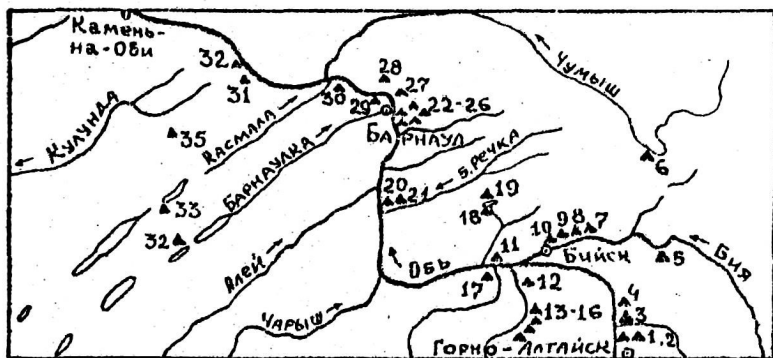

Рис. 1. Схема расположения поселений У-1 вв. до н. э. (1), кластеры предгорных (2) и лесостепных (3) памятников:
 1, 2 - Майма 2, 12: 3 - Усть-Иша 3; 4 - Березовка 2;
 5 - Солонцы 1; 6 - Степь-Чумыш; 7 - Стан-Бехтемир;
 8 - Енисейское 1; 9 - Малоугреневое; 10 - Боровое 3;
 11 - Фоминское; 12 - Заречное; 13-16 - Точильное 1, 3, 7, 8;
 17 - Ольгинка 1; 18 - Костенкова Избушка; 19 - Дмитриевская Грива;
 20, 21 - Ближние Елбаны 1, 12; 20-26 - Фирсово 4, 6, 10, 15, 17; 27 - Новоалтайское; 28 - Малый Горно-Алтайский Кордон 1;
 29 - Казенная Зависка 1; 30 - Чуданская Гора; 31 - Быково 3; 32 - Кширино; 33 - Островное 3; 34 - Крестьянское 3; 35 - Вознесенское 1

точилинскую, малую группу. Близки им поселения Точильное 1, 8, которые обнаруживают сходство с первыми двумя группами. Совершенно обособлены от остальных оказалось поселение Малоугренево.

Отсутствие точных дат для многих поселений существенно затрудняет интерпретацию выделенных малых групп. К периоду У-III вв. до н.э. относятся поселения Островное 3, Ближние Елбаны 1, Ближние Елбаны 12, Быково 3, Киприно, Фирсово 10, Боровое 3, Точильное 1, 8, возможно, Дмитриевская Грива. III-1 вв. до н.э. датируются поселения Чудацкая Гора, Малый Гоньбинский Кордон 1, Точильное 3, 7, Солонцы 1, возможно, Березовка 2 и Майма 2. Остальные памятники не имеют даже приблизительной датировки. Другая трудность возникает при определении культурной принадлежности памятников. Выделенные к настоящему времени в рассматриваемом регионе культуры, культурные группы и типы далеко не общепризнаны и основаны на материалах могильников.

Довольно четкое территориальное разграничение групп поселений дает основание в первую очередь интерпретировать их не как хронологические, а как локально-территориальные группы. Правобережные поселения можно соотносить со староалейским типом /7, с.37/, левобережные - с каменской культурой /8, с.52; 9, с.45/, бикатунские и березовские - с чумышско-ишанской группой /10, с.20/. Точилинские поселения, как и остальные предгорные, вероятно, оставило население, очень близкое населению Горного Алтая.

Внутри же малых групп памятники имеют как локально-территориальные, так и хронологические отличия. Три левобережных поселения (Киприно, Быково 3, Островное 3), на керамике которых явно прослеживается влияние саргатской культуры, относятся к периоду У-III вв. до н.э.; а близкое к ним и входящее в эту же группу поселение Чудацкая Гора - к III-1 вв. до н.э. В орнаментации посуды этого памятника смешаны черты, характерные для местного (большереченского) и пришлого (кулайского) населения. Внутри правобережной группы имеются отличия

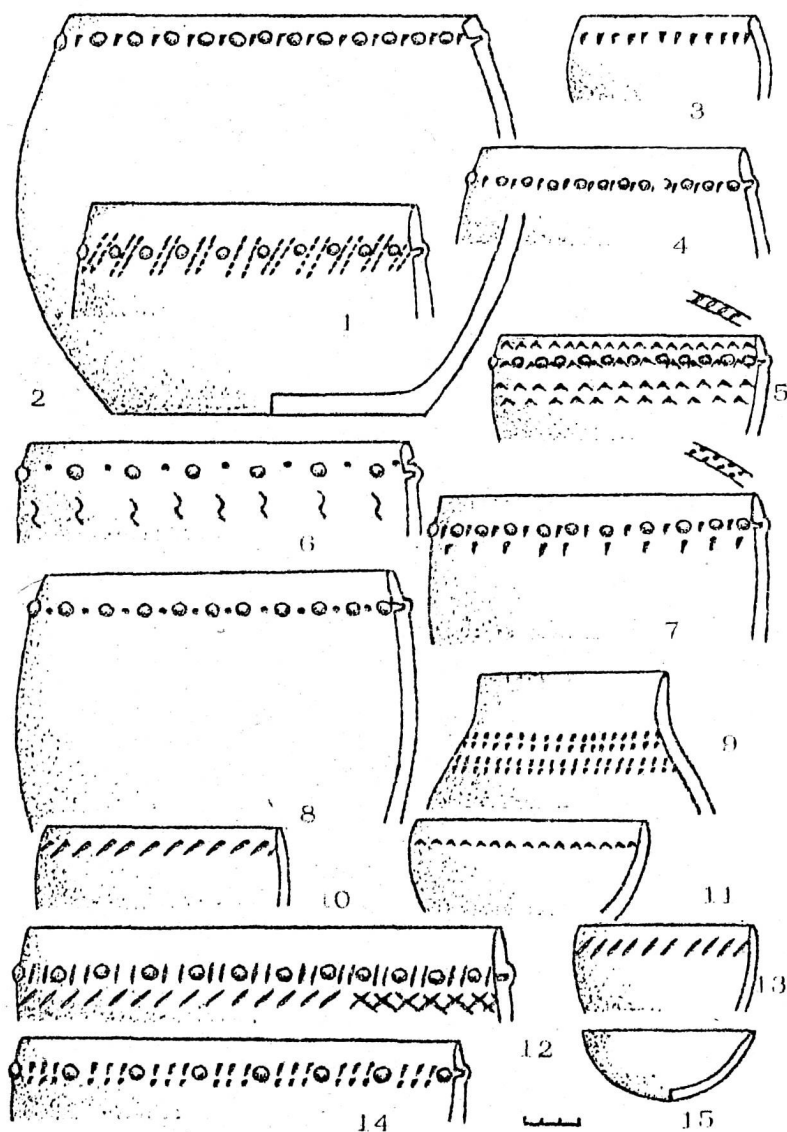

Рис. 2. Керамика победений Малый Гоньбиский Кордон (1-4), Чуданская Гора (5-8) и Киришо (11-15)

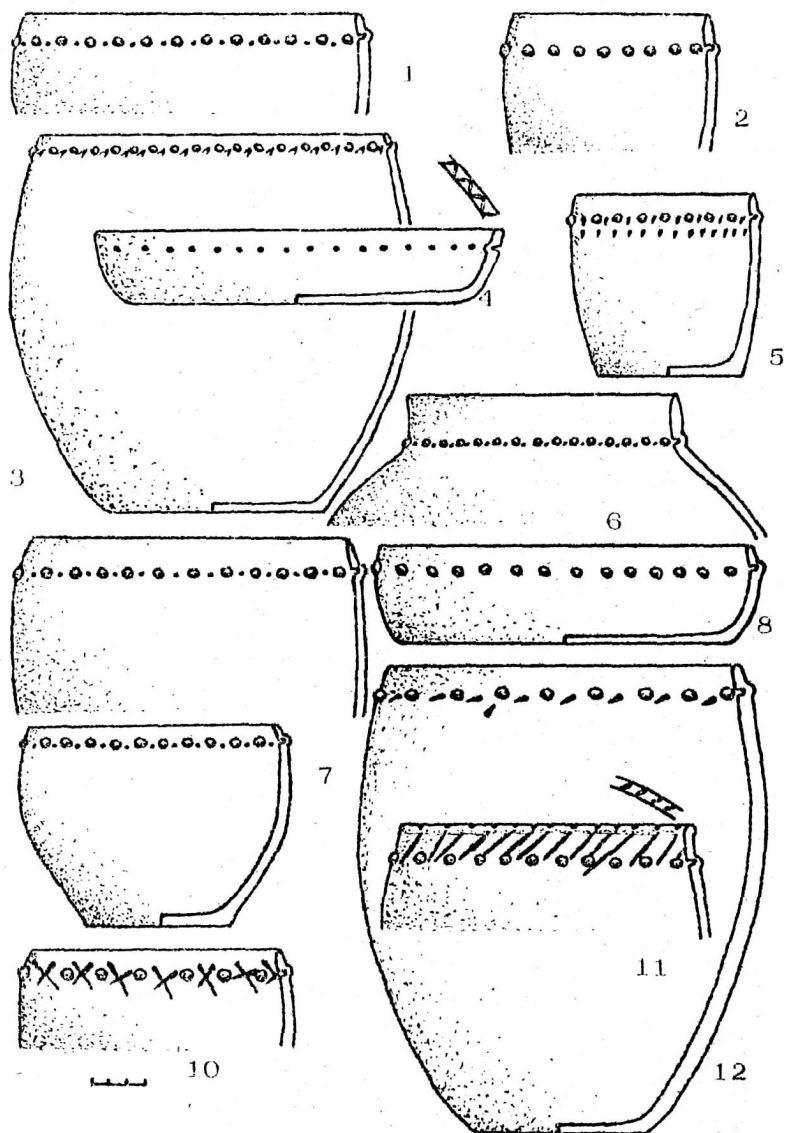

Рис. 3. Керамика поселений Фирсово 6 (1, 2), Ближние Елбаны 1 (3-6), Ближние Елбаны 12 (7, 8), Дмитриевская Грива (9-12)

между орнаментацией памятников южной (Озеро Иткуль) и северной (Фирсово) зон. Если на первых заметнее влияние населения предгорий Алтая, то на вторых — левобережья Оби. В целом, вероятно, правобережная группа относится к V—III вв. до н.э., а близкие к ним поселения Малый Гоньбинский Кордон 1 и Новоалтайское относятся к более позднему времени. В орнаментации сосудов этих памятников смешаны черты, характерные для левобережных и правобережных поселений. Отличия поселений Вознесенское 1 и Крестьянское 3 могут быть объяснены либо тем, что эти памятники являются крайними точками распространения какой-то новой, слабо изученной пока культуры Кулундинской степи, либо их хронологическим отличием от поселений левобережной группы.

Березовская и Бикатунская группы представляют хронологические варианты одной культурной группы. Причину обособленности памятников внутри бикатунской группы следует искать в неоднородности населения северных предгорий Алтая, многокомпонентности сложения культуры, что подтверждается и материалами могильников. Поселение Малоутреневое отличается от бикатунских поселений только очень большим процентным содержанием валиков. Учитывая анализ топчинских поселений, можно говорить, что малые группы предгорий выделяются по локально-территориальным признакам, а внутри них не исключено разделение и по признакам хронологическим.

Нами проанализирована также матрица коэффициентов парной корреляции между всеми видами орнаментов во всех больших группах памятников. Оказалось, что при всех условиях резко отрицательной корреляцией связаны две группы орнаментов: наколы, с одной стороны, и жемчужник с разделителем — с другой. Это означает, что даже в случае их взаимовстречаемости на одних и тех же памятниках увеличение количества одного из них ведет к сокращению количества другого. На наш взгляд, соотношение этих двух групп орнамента в большей степени связано не с хронологией, а с локально-территориальным расположением памятников: наколы более характерны

для предгорий, а жемчужник с разделителем – для Приобья.

В керамике лесостепной группы, кроме того, обнаруживается сильная отрицательная корреляция между жемчужником с разделителем и длинными наколами, а также сильная положительная между длинными насечками и ямками, гребенчатым штампом, ямками в сочетании с гребенчатым штампом и резной елочкой, жемчужником в сочетании с гребенчатым штампом, жемчужником с резной елочкой и ямками в сочетании с резным зигзагом или елочкой, жемчужником с разделителем в сочетании с сеткой и жемчужником с разделителем в сочетании с наклонными линиями или наколами.

В предгорной группе сильная отрицательная корреляция обнаруживается между жемчужником с разделителем и ямками в сочетании с резным зигзагом или елочкой. Сильная положительная корреляция наблюдается между жемчужником, разделенным гребенкой, и жемчужником в сочетании с гребенчатой елочкой, жемчужником с разделителем в сочетании с наколами внизу и оттисками уголка, ямками в сочетании с длинными насечками и резной елочкой. Остальные орнаменты находятся в средней или слабой степени связи.

Проведенный анализ позволяет выделить орнаменты, свойственные всем памятникам. Абсолютно для всех памятников характерны жемчужник с разделителем, наколы, "чистый" жемчужник и неорнаментальная керамика. Их процентное содержание в различных группах различно. Керамика левобережных поселений характеризуется жемчужником, разделенным гребенчатым штампом, наколами, длинными насечками (рис.2-9-15). На поселениях Вознесенское 1 и Крестьянское 3 доля этих орнаментов, особенно жемчужника, меньше, зато очень велика доля керамики, украшенной гребенчатым штампом. По большой доле наколов и гребенки к этим поселениям приближается и Малый Гоньбинский Кордон 1 (рис.2-1-4).

Все правобережные поселения характеризуются очень частым применением жемчужника с разделителем

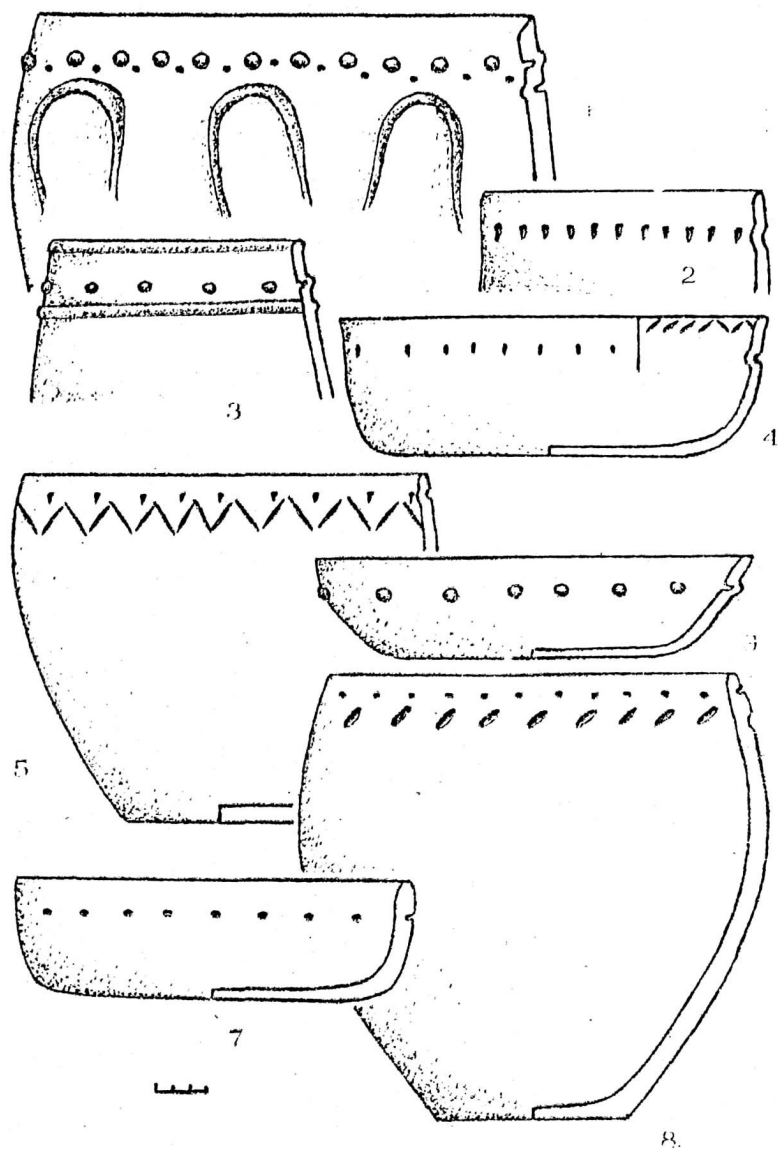

Рис. 4. Керамика поселений Точильное I (3, 4), Точильное II (5, 8), Точильное III (7, 8), Точильное IV (1, 2)

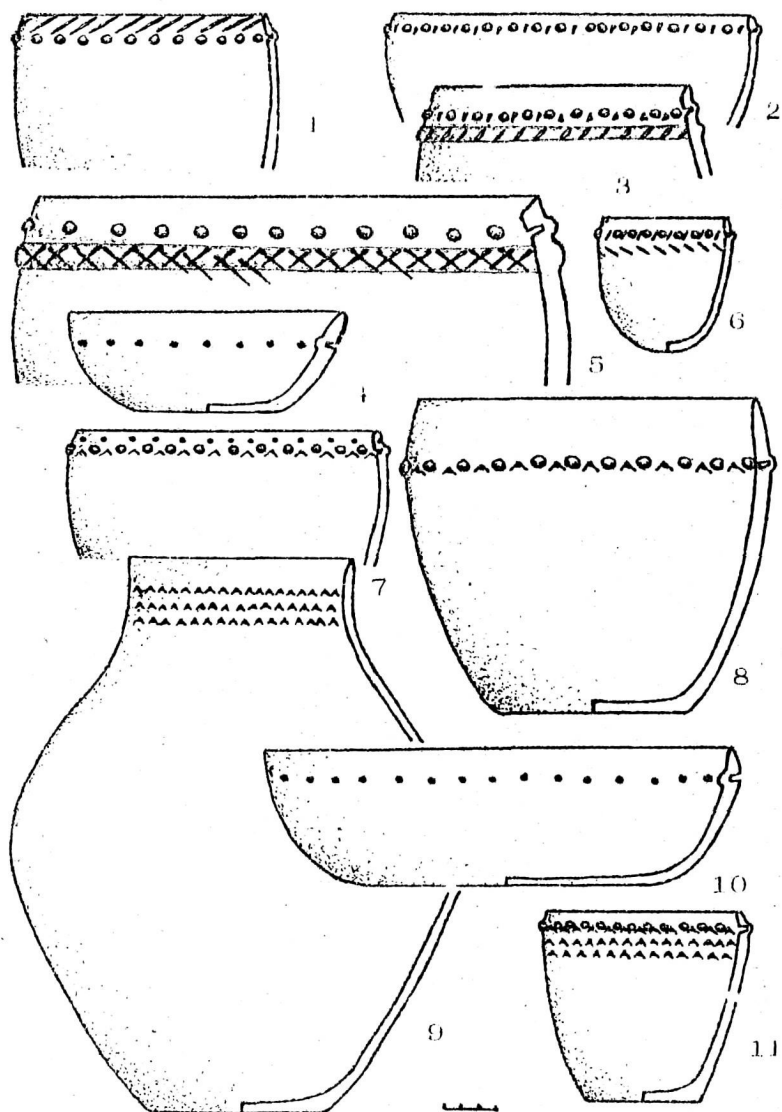

Рис. 5. Керамика поселений Малоугренево (1-3),
Заречное (4-6), Майма 2(7, 8) и Солонцы 1(9-11)

и незначительным употреблением наколов. На северных поселениях присутствует гребенчатый штамп, на южных — валик и орнамент (елочка, сетка, наколы)* выше жемчужника (рис.3). Результатом взаимодействия с кулайским населением является поселение Чуданская Гора, на керамике которого помимо уточки встречается уголок, ямки с гребенчатым штампом и другие "кулайские" виды орнаментации (рис.2-5-8).

Керамика точилинских поселений отличается от остальной большей долей наколов, резной елочкой и их сочетаний между собой, валика, зажимов. Как результат взаимодействия с бикатунскими, на поселениях Точильное 1 и 8 меньше доля наколов и больше, по сравнению с Точильными 3 и 7, доля жемчужника с разделителем (рис.4). Бикатунские поселения характеризуются в первую очередь валиками и жемчужником с разделителем, березовские — уголком, а также орнаментом ниже жемчужника (наколы, гребенки) (рис.5). Для всех предгорных поселений характерно уменьшение со временем доли керамики с валиком. В связи с этим мы предполагаем поселение Малобугренево самым ранним (У1 в. до н.э.?) из памятников бикатунской группы, а березовскую группу — поздним вариантом её же.

С определенной долей вероятности можно указать и на некоторые тенденции развития орнаментальных традиций. На правобережных поселениях со временем уменьшается доля "чистого" жемчужника и жемчужника с разделителем в сочетании с орнаментом снизу. На поздних левобережных поселениях уменьшается доля насечек, жемчужника, разделенного наколами и гребенчатым штампом, и увеличивается доля наколов в сочетании с другими орнаментальными приемами и "чистого" гребенчатого штампа. На поздних точилинских поселениях уменьшается количество керамики, украшенной жемчужником с разделителем, резными линиями и увеличивается доля "чистого" жемчужника и наколов в сочетании с резным зигзагом и елочкой. Для бикатунско-березовских памятников характерно уменьшение со временем "чистого" жемчужника,

жемчужника с разделителем и орнаментом снизу и увеличивается доля жемчужника с разделителем, уголка и гребенчатого штампа.

Анализ орнаментальных традиций и тенденций их развития позволяет говорить о близости правобережных поселений к левобережным и бикатунско-березовским, бикатунско-березовских к точилинским, точилинских к горно-алтайским и кулундинско-левобережным, левобережных – к барабинским. Степень их сходства и различия между собой объясняется, на наш взгляд, во-первых, взаимовлияниями выделенных групп памятников, во-вторых, инфильтрацией в различные периоды из соседних регионов других групп населения (пазырыкцев, саргатов, кулайцев и др.), в-третьих, разной степенью участия в их сложении местных (большереченских) групп населения. Наиболее чистой, имеющей глубокие местные корни, нам представляется правобережная группа, остальные либо свидетельствуют о приходе населения (особенно точилинская, возможно, кулундинская), либо сложились в значительной степени под инородным влиянием. Однако окончательно ответить на вопрос, являются ли данные группы единокультурными либо относятся к различным, хотя и сходным культурам, на данных матерналах не представляется возможным. Для этого необходимо, во-первых, точное соотнесение поселенческих и могильных комплексов, во-вторых, расширение источниковой базы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА 48, М., 1956, 265 с.
2. Алексин Ю.П. Лесостепной Алтай в У-1 вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990, 24 с.
3. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984, 384 с.

4. Бородин Л.И. Многомерный статистических анализ в исторических исследованиях. М., 1986. 188 с.

5. Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987. 216 с.

6. Матвеев Н.В. О периодизации саргатских поселений Среднего Притоболья // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С.65-73.

7. Алехин Ю.П. Лесостепной Алтай в скифское время (У-1 вв. до н.э.) // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1986. С.36-38.

8. Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннего железного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1980. С.50-53.

9. Могильников В.А. О культурах западносибирской лесостепи раннего железного века (итоги и проблемы изучения) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы первой Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С.41-50.

10. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в конце У1-начале П вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 22 с.

С.С. Миняев

Ленинградское отделение института археологии АН СССР

О ДАТЕ ПОЯВЛЕНИЯ СЮННУ В ОРДОСЕ

Плато Ордос в большой северной излучине реки Хуан-хэ традиционно считается прародиной сюнну, овладевших во II-I вв. до н.э. огромными пространствами азиатских степей. Это мнение базируется в основном на сведениях письменных источников, так как археологически Ордос был исследован крайне слабо. Первая серия захоронений скифской эпохи была выявлена здесь лишь в последние годы. В инвентаре этих захоронений представлены бронзовые кинжалы и ряд других изделий, которые типологическими особенностями связаны с традициями эпохи бронзы. С другой стороны, в Ордосе обнаружены погребения аналогичного типа, но уже с некоторыми типичными для сюнну изделиями. Эти материалы послужили в целом археологическим обоснованием "ордосской" гипотезы происхождения сюнну, которая рассматривает культуру Ордоса эпохи бронзы и скифского времени как ранний этап формирования сюннуской культуры [1]. В пользу "ордосской" гипотезы приводятся и сведения письменных источников, обычно трактуемые как свидетельство обитания сюнну в Ордосе уже в эпоху бронзы.

Дальнейшие исследования и выявление более представительных серий захоронений позволяют значительно полнее охарактеризовать ордосскую культуру скифского времени. Погребения совершались в грунтовой яме без надмогильных и внутримогильных сооружений. В некоторых могилах (очевидно, представителей знати) над погребенными укладывались головы животных (лошадь, баран, корова). Погребенные лежат вытянуто на спине, преобладает широтная ориентировка (80 % случаев — на восточный сектор). В инвентаре представлена керамика, в том числе сосуды с ушками, бронзовое и железное оружие (ободострые кельсы, чеканы типа "х", кинжалы), украшения и детали конской сбруи, украшения одежды. В ряде

разрушенных могил найдены уникальные ювелирные изделия. Неподдалеку от погребальных памятников часто находят остатки поселений с аналогичными формами керамики.

Совокупность материалов, полученных при раскопках могильников Таохунбала, Гунсухао, Маошингоу, Сигоупань и других /2/, позволяет выделить в Ордоосе еще одну провинцию скифского мира, культурный комплекс которой по основным признакам отличен от сюннуского /3, 4/. Тем самым археологическое обоснование "ордоосской гипотезы" этногенеза сюнну не получило подтверждения новыми материалами, которые вступили в противоречие с традиционной интерпретацией сведений письменных источников. Чтобы решить это противоречие, необходимо вновь рассмотреть эти сведения, обратив особое внимание на хронологию событий.

Основные данные о сюнну собраны в "Шинцзи" - "Исторических записках" Сыма Цяня (145?-87 гг. до н.э.), в 110 главе этого труда "Сюннулечжуань" (Повествование о сюнну). Особенность главы в том, что она состоит как бы из двух условных разделов. В первом собраны относящиеся еще к эпохе бронзы фрагментарные сведения о древних скотоподческих племенах Центральной Азии, часть которых могла обитать в Ордоосе. Сыма Цянь отделил этот раздел от истории самих сюнну, подчеркивая, что речь здесь идет о шаньжунах, сяньюнях и сюньюнях. Сюнну упомянуты в первом разделе лишь в начальной фразе: "предок сюнну - потомок рода правителей Ся по имени Шуцзвэй". В этой фразе нашла отражение версия сюннуского этногенеза, сформировавшаяся, очевидно, в раннеханьское время. Ее смысл раскрывают комментаторы "Шинцзи" (Чжан Янь, Фу Цянь, Ин Шао и др.) со ссылкой на ряд других источников. Согласно этой версии сюнну являются потомками последнего правителя "династии" Ся тирана Пэе и его наложниц из племени сюньцзэй. Падя приют в северных землях, куда Пэе был сослан основателем Инь Чэнь Таном, потомки Пэе научились разводить скот и стали кочевать вместе с ним. Их, отпрысков гиньян и наложниц из вангарского племени, в Китае назы-

вали "сюнну" (что и служит основанием для формальной трактовки этого этнонима как "злые невольники"). Одним из отпрысков Цзе и был Шуньвэй.

Сам Сыма Цянь не считал, очевидно, эту версию заслуживающей внимания, поскольку, лаконично упомянув о ней в первой фразе, заключил далее, что в ранний период родословную сюнну "трудно выяснить и последовательно изложить" /5, т.1, с.6/. Тем не менее, данная версия благодаря устойчивой комментаторской традиции получила широкое распространение. В новое время ее поддержал Ван Говэй. Ре-конструкция древнего звучания племенных наименований, встречающихся на гадательных костях и ритуальной бронзе эпохи Инь-Чжоу, позволила этому известному историку заключить, что в них постоянно упоминаются родственные племена, известные в ханьское время под именем "сюнну" /6/.

Однако современные исследования в области исторической фонетики китайского языка выявили необоснованность реконструкций Ван Говэя и исключили возможность трансформации собирательных наименований древних скотоводов (в том числе сюньюй и сяньюнь) в "сюнну". Эти исследования позволяют предполагать, что сюнну вошли в контакт с китайцами только в III в. до н.э. /7, 8/. Таким образом, в настоящее время нет никаких оснований связывать сведения первого раздела "Сюннучежуань" с предками сюнну.

Второй раздел 110 главы содержит описание известных событий эпохи сюннуского "великодержавия", которая началась на рубеже III-II вв. до н.э. Связующим звеном между первым и вторым разделами главы является текст, охватывающий события конца III в. до н.э. - от конца эпохи Чжаньго до первых лет правления ханьской династии. Этот текст имеет принципиальное значение как для определения района, где находились сюннуские кочевья накануне образования племенного союза, так и для определения даты появления сюнну в Ордосе. Поэтому процитируем его подробнее, разбив для удобства дальнейших ссылок на несколько фрагментов.

В эпоху Чжао (403-221 гг. до н.э.) "(А) из семи царств... три царства граничили с сюнну. Позднее, при полководце Чжао Ли Му сюнну не осмеливались вторгаться в пограничные районы Чжао .

(Б) Впоследствии Цинь уничтожило шесть царств, Шин Хуанци приказал полководцу Мэн Тяню во главе 100000 войска выступить на север против ху, полностью овладеть землями хэнань. В результате создали у реки заставы, построили у реки 44 уездных горда... (В) В это время были сильны духу, процветали юечжи, шаньюя сюнну звали Тоумань, Тоумань не смог противостоять Цинь и переселился на север. (Г) Через 10 с лишним лет Мэн Тянь умер, чжухоу восстали против Цинь, в Срединном государстве произошли беспорядки... (Д) Поэтому сюнну почувствовали свободу, постепенно снова переправились к югу от реки и стали граничить с Срединным государством по прежней линии укреплений.

(Е) Шаньюй имел наследника престола по имени Маодунь".

Далее Сыма Цянь излагает наиболее известный эпизод сюннуской истории, связанный с убийством Тоуманя, захватом власти Маодунем (по комментарию Сыма Чжэня "Со Инь", его имя звучало как Модунь), разгромом духу и началом сюннских завоеваний. Заканчивается изложение этих событий следующим образом: после похода на духу Маодунь "(Ж) на западе напал и вынудил бежать юечжей, на юге присоединил хэнаньских ванов лоуфань и байян. Вторгся в Янь и Дай, вернул все сюннские земли, которые Мэн Тянь захватил по приказу Цинь, стал граничить с Хань по линии прежних укреплений к югу от реки, до Чжаона и Фуши и поэтому вторгся в Янь и Дай. (З) В это время ханьские войска боролись с Сян Юем..."

Именно цитированный выше текст 110 главы "Шинцзи" позволяет большинству историков заключить, что сюнну обигали в Ордосе (земли хэнань, т.е. к югу от реки) уже в эпоху Чжао, были вытеснены на север Мэн Тянем и вновь вернулись в Ордос после падения Цинь, откуда позднее при Маодуне начали свои завоевательные по-

ходы. Такая интерпретация сведений "Сюнулечжуань" служит основанием и для сюннуской атрибуции позднескифских археологических памятников Ордоса типа монгилика Маошиягу. Между тем эта точка зрения не соответствует хронологии событий в приведенном выше тексте 110 главы и поэтому требует пересмотра. Вернемся к цитированному выше тексту и рассмотрим его подробнее. Отметим при этом, что хотя Сыма Цянь не указывает в "Повествовании о сюнну" даты конкретных событий, они легко восстанавливаются на основании других глав "Шицзи" и комментариев к ним.

Ф р а г м е н т А. Сыма Цянь не называет прямо три царства, граничившие с сюнну в эпоху Чжаньго. Комментаторская традиция относит к таким царствам Цинь, Янь и косвенно упомянутое Сыма Цянем Чжао, т.е. все княжества, расположенные на севере древнего Китая. С Ордосом граничили Цинь (на севере) и Чжао (на северо-западе), но нет никаких свидетельств, что пограничные с ними племена были именно сюнну. Напротив, в первом разделе "Сюнулечжуань" противниками Чжао на севере в это же время названы линьху и лоуфани, а на север от Цинь обитали скотоводческие племена, известные под собирательным наименованием "ху". Еще ранее, в эпоху Чуньшо (VIII-V вв. до н.э.) северными соседями Цинь, как отмечено в первом разделе 110 главы, были различные племена жунов. Таким образом, очевидно, что Сыма Цянь, назвавший сюнну соседями северных древнекитайских княжеств эпохи Чжаньго, лишь использовал широко распространенное в его время (конец II в. до н.э.) собирательное значение этого племенного наименования как синонима скотоводов-кочевников. Упоминание в рассматриваемом фрагменте сюнну применительно к событиям эпохи Чжаньго противоречит этногеографической ситуации, описанной самим Сыма Цянем в первом разделе "Повествования о сюнну". В настоящее время очевидно, что скотоводческое население Ордоса этой эпохи не может быть, по сведениям письменных источников, отождествлено с сюнну.

Ф р а г м е н т В. Упомянутый здесь поход Мэн Тяня, датируемый на основании 6 главы "Шицзи" 215 г. до н.э., был вызван, согласно тексту этой главы, пророчеством "погубить Цинь Ху". Считается, что в прорицании имелся в виду сын императора Ху Хай, но Ши Хуанди понял его как указание на опасность, исходившую от северных племен "ху". Очевидно, что подобная трактовка прорицания (или формирование легенды о нем) была бы невозможна, если бы ко времени похода Мэн Тяня племена на северных границах Цинь отождествлялись бы в общественном сознании той эпохи с сюнну. Добавим, что практически во всех главах "Шицзи", где упомянут этот поход Мэн Тяня, его объектом названы также "ху" (реже жуны или мо), а не сюнну. Поэтому можно заключить, что и при династии Цинь (221–207 гг. до н.э.) в Ордосе еще не было сюннуских кочевий.

Ф р а г м е н т В. Данный текст также не дает оснований считать, что при Тоумане сюнну обитали в Ордосе. Сыма Цянь упоминает лишь переселение Тоуманя к северу, что могло иметь место как после образования Цинь в 221 г. до н.э., так и после похода Мэн Тяня в 215 г. до н.э., когда северные границы империи были существенно укреплены завершением строительства вешней стены и рядом других мер. Отметим, что исходный район кочевий Тоуманя в тексте не назван.

Ф р а г м е н т ы Г и Д. Принято считать, что "возвращение" сюнну в земли хэнани–Ордоса (фрагмент Д) произошло после падения Цинь (фрагмент Г), но еще при Тоумане, так как, судя по тексту фрагмента (Е), шаньюй в это время был еще жив. Именно текст рассматриваемых фрагментов позволяет считать, что события, связанные с убийством Тоуманя, захватом власти Маодунем протекали в Ордосе, так как перед этим говорится о возвращении сюда сюнну.

Хронология событий не позволяет принять эту широко распространенную трактовку. Дело в том, что отмеченные в тексте фрагмента Г смерть Мэн Тяня и восставшие чжухоу могут быть датированы не ранее первого го-

да правления сына Цинь Шихуана — Эр-ши, т.е. отнесенны к 209 г. до н.э. Наиболее ранней датой, определяющей *terminus post quem* для появления сюнну в Ордосе является восстание Чень Шэня и У Гуана в августе 209 г. до н.э., с которого и началась упомянутая Сыма Цянем "смута". Лишь после этого времени (а возможно, еще позднее), как показывает фрагмент Д, сюнну появляются в землях хэнаньди-Ордоса.

Однако это событие не связано с шаньюем Тоуманем, который к тому времени был уже убит своим сыном Маодунем. Дату его прихода к власти Сыма Цянь не называет, однако, по сообщению комментатора "Шицзи" Сюй Гуана, это произошло также на первом году правления Эр-ши, т.е. в 209 г. до н.э. Только с этого года и позднее разворачиваются события, о которых идет речь во фрагментах Г и Д.

Ф р а г м е н т Е. Сказанное выше позволяет считать, что здесь Сыма Цянь нарушает последовательность описываемых им событий и вновь возвращается к более раннему времени, когда еще был жив Тоумань. Поэтому очевидно, что действия в данном фрагменте (вражда Тоуманя и Маодуня, отправка Маодуня заложником к юежки, его возвращение, убийство отца и захват власти) протекают вне Ордоса, где сюнну появляются, как показано выше, только при Маодуне, после 209 г. до н.э. Если восстановить последовательность событий, то текст данного фрагмента должен следовать, очевидно, за фрагментом В, который характеризует ситуацию еще в эпоху Цинь. Добавим, что на фоне событий сюннуской истории, излагаемых Сыма Цянем на основании документов как ханьского, так и более раннего времени, текст фрагмента Е выглядит явной вставкой, имеющей характер легенды. Возможно, она была записана автором "Шицзи" со слов кого-либо из информаторов, общавшихся с сюнну.

Ф р а г м е н т ы Ж и З. Текст этих фрагментов подтверждает сделанные выше заключения. Прежде всего он позволяет довольно точно датировать период завоеваний Маодуня 206–202 гг. до н.э., на что указывает

фраза о борьбе ханьских войск с Сян Юем (фрагмент 3). Именно в этот период Маодунь и "присоединил" правителей племен лоуфань и байян, обитавших в хэнаньди-Ордосе.

Это плато в излучине Хуанхэ и прилегающие к нему районы были, видимо, исконной территорией этих племен. Первое из них упомянуто в "Сюньцзюэ" еще во время циньского Му-гуна (659–621 гг. до н.э.), наряду с линьху оно входит в состав жунов, живших к северу от княжества Цзинь. Подчинившись в 206–202 гг. до н.э. Маодуню, лоуфань и байян не оставили Ордос, о чем свидетельствуют другие главы "Шицзи". Так, ханьский чиновник Лю Цзинь, вернувшись от сюнну после заключения с ними "мира, основанного на родстве" в 200 г. до н.э., доложил императору Гао-ди, что князья лоуфань и байян находятся от Чананя в 700 ли /5, т.У, с.99/. Новая столица империи Чанань располагалась в бывших землях Цинь (неподалеку от современного Сианя в Шэньси), поэтому свидетельство очевидца со всей определенностью указывает именно на район Ордоса. Здесь же лоуфань и байян упоминаются и спустя почти сто лет после описываемых событий. Во время ожесточенных войн с сюнну при ханьском императоре У-ди полководец Вэй Цин в 127 г. до н.э. "прогнал" князей лоуфань и байян, живших в землях "к югу от реки". На территории, принадлежавшей этим племенам, был создан округ Шофан /5, т.6, с.111/, занимавший северную часть Ордоса.

Таким образом, текст как 110 главы, так и других глав "Шицзи" позволяет заключить, что Ордос и прилегающие к нему степные районы в эпоху Чуньцю, Чжаньго и Ранней Хань занимали племена лоуфань и байян. (Возможно, в источниках речь идет об одном племени, где лоуфань – самоназвание, а "байян" – белый баран – это экзотизм, отражающий тотемистические представления лоуфаней; не случайно эти наименования построены вместе). Не исключено, что именно против этих племен (племен?), обозначенных в 6 главе "Шицзи" собирательным термином "ху", и был направлен поход Мэн Тяня в 215 г. до н.э. и что именно эти племена верну-

лись в Ордос, на свою исконную территорию, после падения Цинь.

В любом случае цитированный выше текст "Сюнну-чечжуань" свидетельствует, что сюнну появляются в Ордосе лишь после 209 г. до н.э., наиболее вероятно, в 206-202 гг. до н.э., во время первого этапа завоеваний Маодуня. Нет никаких свидетельств обитания их в Ордосе ранее названного времени. Добавим, что если следовать традиционной версии о появлении сюнну в Ордосе еще при Тоумане, то становится неясным, зачем Маодунь вновь завоевывает населенный лоуфань-байяи Ордос, если несколькими годами ранее туда уже "вернулись" сюнну (ср. цитированные выше фрагменты 110 главы — Ц и Ж).

Изложенные выше наблюдения показывают, что история сюнну до их возвышения в Центральной Азии связана не с Ордосом, а с другим регионом, выделить который с достаточной степенью надежности не удастся до настоящего времени. На взгляд автора, некоторые данные для его определения содержит цитированный выше текст "Сюнну-чечжуань", фрагмент Ж, где дважды говорится о вторжении Маодуня в Янь и Дай. Комментаторы "Шичзи" считают обычно первое упоминание ошибочным, поскольку при переписке текста "Сюнну-чечжуань" в "Ханьшу" эта фраза была оставлена Бань Гу лишь в конце абзаца. Однако подобная произвольная обработка текста 110 главы существенно искажает смысл сведений Сыма Цяня. По версии Бань Гу получается, что присоединение хэнаньди-Ордоса к кочевавшим там лоуфань-байяи можно трактовать как возвращение сюннуских земель, утраченных при Тоумане, — текст "Ханьшу" позволяет видеть здесь причинную связь. Между тем в тексте Сыма Цяня последовательность событий совершенно иная. Захват хэнаньди-Ордоса Маодунем и возврат прежних сюннуских земель — это разные этапы завоеваний Маодуня (см. фрагмент Ж), связанные, очевидно, с разными районами. Упоминание возврата этих земель велит за вторжением в Янь и Дай допускает расположение прежних сюннуских кочевий к

северу от границ этих бывших княжеств эпохи Чжаньго (северные районы современной провинции Хэбэй и западные районы современной провинции Ляонин). На этот же регион косвенно указывает и другая фраза из "Сюньлечжуань", где назван район обитания высшей сюннуской знати - "напротив Шангу <.>, имея на востоке границу с вэймо-Часянь". Добавим, что традиционная версия, размещающая сюнну эпохи Чжаньго в Ордосе, противоречит сведениям 110 главы о дунху как восточных соседях сюнну. Племена, известные под этим собирательным наименованием (которое и возникло, по сообщению поздниханьского комментатора Фу Цяня, для обозначения восточных соседей сюнну), занимали территорию современного Ляонина и прилегающие районы и не могли иметь общую границу с Ордосом.

Как отмечалось выше, данные археологии также не позволяют связывать население Ордоса позднескифского времени с сюнну. Единственный регион, где в настоящее время можно выделить комплекс признаков "протосюннуской" культуры - это север Хэбэя и запад Ляонина, на что косвенно указывают и рассмотренные выше сведения "Сюньлечжуань". Исследования здесь за последние годы группа погребений эпохи Чуньцзи Чжаньго (УШ-Ш вв. до н.э.) имеет сходные с сюннускими: погребальные конструкции (деревянный гроб в каменном ящике), позу погребенных (вытянуто на спине с прямыми конечностями), особенности обряда (обычай класть раковину каури в области рта погребенного, захоронение вместе с человеком собаки). Сходство проявляется также в погребальном инвентаре (однотипные бронзовые пуговицы, зооморфные бляшки, бронзовые колокольчики) /9; 10; 11/.

Таким образом, археологические материалы и не противоречащие им сведения письменных памятников позволяют предполагать, что истории сюнну в позднескифскую эпоху связана не с Ордосом, а с более восточными районами степного пояса, расположенными к северу от древнекитайских княжеств Янь и восточных районов княжества Чжао (где ранее, в эпоху Чуньцзи, находилось княже-

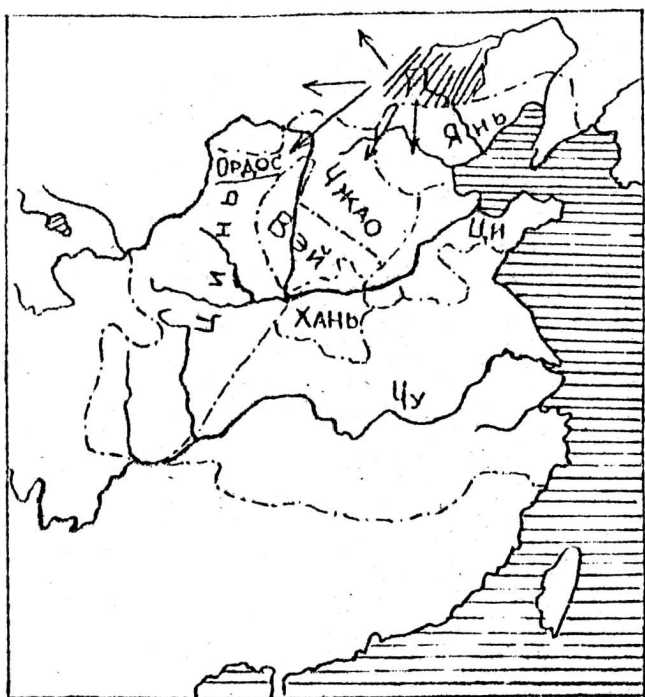

Рис. Китай в эпоху Чжанью (У-III вв. до н. э.)

предполагаемый район обитания сюнну;

направление завоевательных походов сюнну
в конце III в. до н. э.

ство Дай). Обитавшие здесь в это время сюнну до конца III в. до н.э. не выделялись из состава других скотоводческих племен, фигурировавших в источниках под различными собирательными наименованиями (в первую очередь "ху").

В 212 г. до н.э. княжества Чжао и Янь, как и большинство других княжеств, попали под власть циньского правителя Чжэна (будущего Цинь Ши Хуана), год спустя основавшего империю Цинь. Границы империи проходили в это время "на севере вдоль Хуанхэ <.> и далее по горам Ишань, доходя до Маодуна <.> на востоке простирались до моря и Чаосяни" /5, т.1, с.6/, границы были значительно укреплены. Очевидно, эти события вынудили северных соседей Цинь, среди которых были и сюнну, отойти в более северные районы.

Усиление сюнну при Маодуне выделило их среди остальных "ху", что отразилось в источниках в виде легендарного конфликта сюнну и дунху (восточных ху). Последовавший за ним первый этап завоеваний Маодуня датируется 206-202 гг. до н.э., на что дважды указывает Сыма Цянь в тексте 110 главы; после похода Мэн Тяня в 215 г. до н.э. прошло "более десяти лет", в это время "ханьские войска боролись с Сяч Юем". Разгромив дунху и юечжей, сюнну "присоединяют" в этот период лоуфань-байян и впервые появляются на землях Ордоса (хэнаньди). Тогда же Маодунь, значительно расширив границы своих владений, "вторгся в Янь и Дай и полностью вернул прежние сюннуские земли" на севере этих бывших княжеств, которые его отец Гоумань был вынужден оставить после усиления Цинь.

Очевидно, при Маодуне сюнну стали известны древним хронистам под своим наименованием, восходящим, возможно, к самоназванию правящей элиты. Дальнейшие завоевания и образование монокультурного по облику, но полиэтнического объединения приводят в ханьскую эпоху к трансформации самоназвания одного племени в собирательное обозначение для всего населения этого объединения. Для историков ханьской и последующей эпох

"сюнну" имело столь же нарицательный смысл, как "жуны", "ди" и так далее для хунштов более раннего времени. Поэтому в источниках (в том числе в "Шийзи" и "Хань-шу") сюнну могли быть приписаны действия, субъектами которых были другие скотоводческие племена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тянь Гуаньцзинь. Цзиньняньлай Нэймэнгу дишюй. ши сюнну каогу // Каогу сюебао. 1983. № 1. С.7-24. (на кит. яз.)

2. Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь. Оэрдосы ши цинтуи ши. Бэйцзинь, 1986. 246 с. (на кит. яз.)

3. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс - памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985. 156 с.

4. Миняев С.С. К проблеме выделения гушских памятников Сибири // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С.80-82.

5. Сыма Цянь. Шийцзи. Т.1-6. Пекин: Чжунхуа шун-чюй, б.г. Русский перевод глав, связанных с историей сюнну см.: Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып.1. М., 1968.

6. Ван Говэй. Гуифан, кунь, сяньюнь кло // Гуань-тоу цзинь. Т.2. С.583-612 (на кит. яз.)

7. Pulleyblank E.G. The Consonantal System of Old Chinese // Asia Major, n.s. Vol.9, p.1. P.56-114; p.2. P.206-265.

8. Pulleyblank E.G. The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic Times. London, 1983. P.411-466.

9. Миняев С.С. К проблеме происхождения сюнну // Бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. Вып.9. М., 1985. С.70-78.

10. Миняев С.С. К проблеме ранних и поздних памятников сюнну // Древние памятники Северной Азии и их охраняемые раскопки. Новосибирск, 1988. С.40-53.

11. Миняев С.С. Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии степной Евразии: Гез. докл. Ч.И. Кемерово, 1987. С.142-145.

С.В. Поверов, Ю.Т. Мамадаков
Алтайский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ ЯРУСНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Особую группу железных наконечников стрел Южной и Западной Сибири конца 1 тыс. до н.э. – 1 тыс. н.э. составляют ярусные (иногда их называют двухъярусными или ступенчатыми) наконечники стрел. По сводке, составленной Н.П. Николаевым, в настоящее время их насчитывается более 100 экземпляров /1, с.89/. Территориально они представляют четыре региона: Забайкалье и Монголию, Саяно-Алтай, Минусинскую котловину, Западную Сибирь.

Железные трехлопастные черешковые ярусные наконечники стрел появляются в конце 1 тыс. до н.э. Во П-1 вв. до н.э. они становятся ведущими типами у хунну Северной Монголии и Забайкалья /2, с.51, табл.П-р,н, табл.ХХХ-3; 3, с.174-176, табл.1-12-16,11,17-19,21-28 и др./.

Примерно в это же время, во П в. до н.э.-1 в.н.э., они известны в памятниках раннего, а затем и позднего этапов шурмакской (Л.Р. Кызласов), сыын-чурекской (С.И. Вайнштейн) или кокзельской (Д.Г. Савинов) культуры Тувы и на изыхском этапе таштыкской культуры Хакасско-Минусинской котловины /4, табл.Ш-13,29,43,44; 5, рис.40-10, 42-4; 6, табл.1-7,25,26,36,52,53, П-16-18, Ш-42-47,68-70; 7, табл.Ш-23, с.108-109; 8, табл.4,68/. К последней, но уже к Ш-У вв. н.э., Ю.С. Худяков относит наконечники стрел из разрушенного поселения Утух-Хая-Кисте /8, рис.2-1,2/. Ярусные наконечники стрел имеются в материалах гунно-сарматского времени Горного Алтая и одинцовской культуры Верхнего Приобья /9, рис.5-4-7,9; 10, рис.3-2; 11, рис.5-4; 12, с.112, табл.ХХХУШ-15; 13, рис.2-10; 14, с.140, рис.1-3,4; 15; 16, с.69/. К ярусным принадлежат экземпляры IУ-У вв. н.э., найденные далеко на западе у с.Кызыл-Адар Оренбургской области и в Венгрии, где Хампель

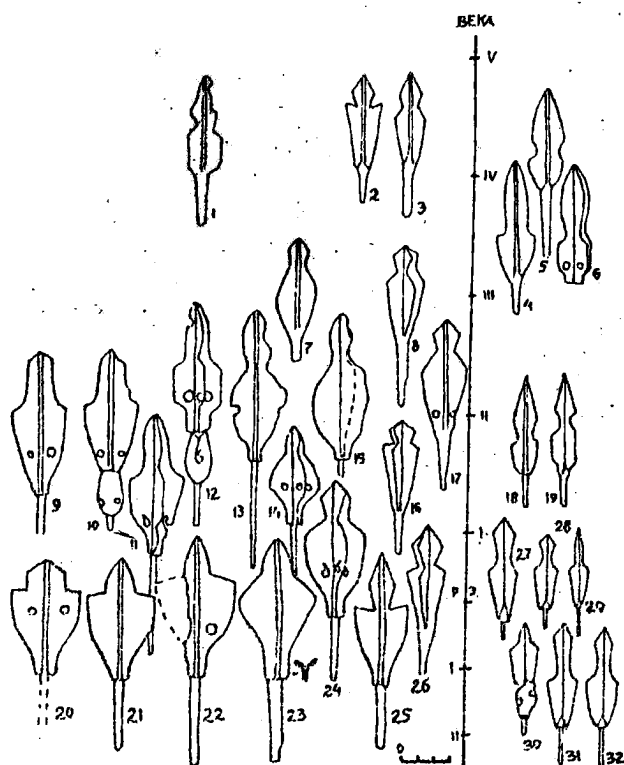

Рис. 1. Типологическая последовательность развития ярусных наконечников стрел хунской (А) и южносибирской (Б) традиций: 1-3, 16, 18, 19 - Хакасия (Ю. С. Худяков); 4-6 - Степной Чумыш (А. П. Уманский); 7 - Красный Яр (Т. П. Тропича); 8 - Ближние Галбаны (М. П. Грязнов); 9, 10 - Балыкты (С. С. Сорокин); 11, 12, 14 - Айдалинская пещера (В. И. Молдаст, В. В. Бобров, В. П. Равнушкин); 13 - Большой Мыс (М. П. Мерева); 17 - Булан-Кобы 1У (Ю. Т. Мамлаков); 20-25 - Черемуховая и Пельювая падь (Н. Г. Коповалов); 26 - Хакасия (Л. Р. Кызласов); 27-32 - Кокаль (С. Н. Вахштейн, В. П. Дьяконо

относит их к У1-УШ вв. н.э. /17, рис.3,12,14; 18, табл.147,204/. Помимо железных, нам известны экземпляры ярусных наконечников стрел, изготовленные из бронзы (Кокэль) /5, рис.57-1/, кости, относящиеся к кулайской культуре /26, рис.8-11/ и рога, случайно найденный у с.Зудилово на Алтае /14, рис.2/, датируемый А.П. Уманским П-IV вв. н.э.

Как видим, если не учитывать венгерских находок, даты бытования подавляющего большинства известных нам ярусных наконечников стрел в Южной и Западной Сибири не поднимаются выше У1 в.н.э. Исключение представляют наконечники стрел из погребений середины 1 тыс. н.э. Томского могильника, экземпляры, случайно обнаруженные в Красноярском крае (Модейское) и датируемые Ю.С. Худяковым У1-УШ вв. н.э., а также типологически близкие им наконечники стрел из Елькаевской коллекции Томского университета (УП-УШ вв.), опубликованы В.А. Могильниковым /19, рис. 11,18,22,23,26,27; 20, с.88, табл.ХХУ-10,11; 21, рис.1,6,9/. Они известны в собраниях предметов из Айдашинской пещеры и В.Г. Корнилова из Хакасии. Рисунки последних приведены в статье С.С. Сорокина /22, табл.УШ-1-5,11,12; 9, рис.7-1-6/. К сожалению, все ярусные наконечники стрел, относимые исследователями к У1-УШ вв., могут быть причислены только к разряду случайных находок. В этих коллекциях, как уже отмечалось, присутствуют вещи как более ранних, так и поздних этапов /9, с.62; 22, с.22-83/. Более того, в монографиях и статьях нет убедительных доказательств таких датировок. Д.Г. Савинов считает, что в памятниках второй половины 1 тыс. н.э. в Южной Сибири ярусные наконечники стрел вообще неизвестны, а Ю.С. Худяков утверждает, что "они продолжают бытовать вплоть до конца 1 тыс. н.э." /23, с.128-129; 24, с.137/. С этой точки зрения большой интерес вызывают ярусные наконечники стрел нашего собрания. Четырнадцать экземпляров представляют погребения конца 1 тыс. до н.э. - первой половины 1 тыс. н.э. Горного Алтая (Белый Бом, Булан-Кобы) (рис.2-1-14).

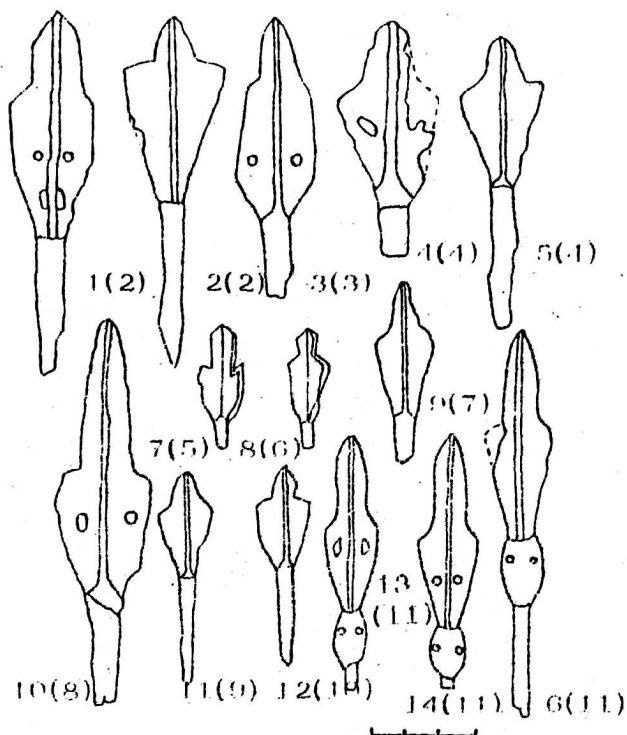

Рис. 2. Железные трехлопастные ярусные наконечники стрел из памятников Горного Алтая:
 1 - Булан-Кобы 1У, курган 33; 2 - Булан-Кобы 1У, погребение 4; 3, 5 - Булан-Кобы 1У, курган 6, погребение 1; 4, 6, 7 - Белый Бом 11, курган 25, погребение 4; 8-10 - Булан-Кобы 1У, погребение 5; 11-14 - Белый Бом 11, курган 26. (В скобках указаны номера типов)

Классификация и типология ярусных наконечников стрел не разработаны /3, с.175/. Правда, отдельные попытки систематизации данных наконечников стрел принимал Ю.С. Худяков /25/, но в его классификационных схемах, к сожалению, основным принципом выделения типа ярусных наконечников стрел служит единственная конструктивная особенность их боевой головки – ярус, т.е. наличие или отсутствие "ступеньки" при переходе первого (верхнего) яруса во второй (нижний). Им не учитываются отдельные, наиболее изменчивые детали оформления ярусов, которые в первую очередь и составляют их типологические особенности. Такой обобщенный тип, лучше сказать форма, включает, на наш взгляд, 4–5, а то и значительно большее количество типов. Так, например, среди ярусных наконечников стрел таштыкской культуры, отнесенных Ю.С.Худяковым к одному типу, можно выделить следующие отделы (по форме очертания второго яруса): параболовидные, параболовидные с поджатием, параболовидные с двойным поджатием, шестигольные, треугольные, ассиметрично-ромбические и т.д. /25, рис.36–8,21/. Внутри этих отделов – типы (по форме очертания первого яруса) – вытянуторомбические, ассиметричноромбические, ромбические, килевидные и т.д. /25, рис.36–8–21/, несоответствия между которыми как раз и указывают на их типологическое развитие. Поэтому для систематизации имеющихся в нашем распоряжении ярусных наконечников стрел мы предлагаем ввести следующие классификационные единицы: группа выделяется по материалу, из которого изготовлены наконечники стрел, разряд характеризуется формой насада, раздел – основной формой поперечного сечения боевой головки, подраздел определяется величиной угла, составляющего "ступеньку" при переходе первого яруса во второй. Отделы выделяются по очертанию (силуэту) второго яруса, а типы – первого яруса. С учетом данной шестичленной схемы деления материала имеющиеся у нас наконечники стрел представлены 11 типами (рис.2–1–14).

На основе опубликованных в литературе данных, с применением более конкретного деления на типы, рассмот-

рим проблему происхождения и развития наконечников стрел нашего собрания, попытаемся проследить их преемственность и отличия от культур предшествующего и синхронного времени, определить их место в общем контексте соуществования ярусных наконечников стрел.

Как уже отмечалось, типология ярусных наконечников стрел Южной Сибири не разработана, но это не входит в задачи настоящей работы. Однако для установления места наконечников типов 1-11, рассмотрим основные этапы их развития.

В конце 1 тыс. до н.э. — в первых веках 1 тыс. н.э. в Монголии, Забайкалье, Туве существуют две большие группы близких, но все-таки не однотипных ярусных наконечников стрел. Первую составляют экземпляры из погребений хунну /3, табл.1, П/. Это крупные (общая длина 10-15 см, длина боевой головки 6-10 см, ширина 3,5-5 см) ярусные наконечники стрел с удлинённотреугольной или клиновидной (реже пирамидальной, пятиугольной, ромбической) формой первого яруса, переходящего без шейки в прямые или слегка покатые (подраздел прямоугольных), широкие (от 1 до 2 см) ступеньки-плечики (рис.1-20, 21-25). Второй ярус имеет широкие покатые лопасти, переходящие у большинства экземпляров сначала в трехлопастную узкую шейку, а затем в круглый черешок. Наличие такой трехлопастной шейки зафиксировано нами только у наконечников стрел из хуннских погребений, что может быть признано их характерной типологической особенностью (рис.1-23). Это подтверждается и тем, что подобная манера оформления свойственна и другим формам наконечников стрел хунну, например, с ромбическим очертанием боевой головки /3, рис.П-20, 26/.

Вторую группу составляют наконечники стрел из ранних шурмакских (кокзельских — Д.Г. Савинов) погребений, в частности могильника Кокзель /6/. К ним же можно отнести стрелы раннего этапа таптыкской культуры и очень близкий по форме и размерам экземпляр из впускной могилы шестого Назырыкского кургана, а также наконечники стрел из курганного могильника Белый Бом в

Горном Алтае /7, табл.4,68; 10, рис.3,2/ (рис.1-18, 19, 27-32, 4-8, 16,26, 2-6,8,14). В большинстве случаев они имеют те же контуры первого и второго ярусов, как и первые, но отличаются от них значительно меньшими размерами (общая длина 7-10 см, длина боевой головки 4-7 см, ширина 1,5-2 см), отсутствием трехлопастной шейки и большей степенью геометризации, что отразилось на появлении ромбического первого и ассиметричноромбического, или шестиугольного, второго ярусов. А это, в свою очередь, предопределило у некоторых экземпляров наличие шейки ("перехвата") при переходе верхнего яруса в нижний, т.е. появляются наконечники стрел подразрядов остроугольных, тупоугольных и тупоугольных округленных (рис.1-18,27,28, 2-8,9,10 и др.). Видимо, существующие отличия между двумя группами объясняются, главным образом, их функциональным назначением. Первые применялись против незащищенного доспехами вонна, а вторые были лучше приспособлены для пробивания брони. Коэффициент проникающего действия у них, как минимум, в 5 раз выше, чем у наконечников стрел хунну Забайкалья и Северной Монголии (предварительные расчеты проведены по специальной программе в лаборатории криминалистики УВД Алтайского крайисполкома). Скорее всего, существуя в определенный момент хронологически одновременно, они отражают две линии развития ярусных наконечников стрел. Выяснение корней их происхождения - дело будущего. Однако имеющиеся несоответствия столь очевидны, что уже на данном уровне исследования можно условно назвать первую группу хунскими, а вторую - южносибирскими, видя в них две различные традиции. Это подтверждается и тем фактом, что пока нам не известен случай их встречаемости в одном комплексе, об этом же свидетельствуют материалы наших раскопок в Горном Алтае (Белый Бом, Кулан-Кобы). Поэтому мы считаем возможным рассматривать их эволюцию с учетом взаимовлияния как две самостоятельные типологические линии.

Развитие различных типологических признаков наконечников стрел обусловливалось, как считает А.Ф. Медведь, совершенствованием защитных доспехов /27, с.113/. Это вело к улучшению не только баллистических, но и функциональных свойств: формировались универсальные и специализированные группы наконечников стрел. Следовательно, в первую очередь изменялась боевая часть, а это влекло за собой перестройку других элементов. Появление новых и долгое время сохранения старых, уже сформировавшихся типов, диктовалось, с одной стороны, их универсальностью, с другой — специализацией, т.е. применением против различных родов войск: пехоты, легко- и тяжело-вооруженной конницы. Поэтому многие типы, возникнув на рубеже эр, продолжают подчас существовать без видимых изменений на всем протяжении 1 тыс. н.э. и позднее /28, с.38/. Справедливо это и по отношению к ярусным наконечникам стрел Южной Сибири.

Схема типологической последовательности развития ярусных наконечников стрел приведена на рис.1. Мы не будем подробно останавливаться на вопросах видоизменения тех или иных типов, рассмотрим лишь общие тенденции. Усовершенствование ярусных наконечников стрел шло по пути улучшения их проникающих свойств. Это достигалось за счет увеличения длины первого яруса, уменьшения поверхности поражения в результате сокращения ширины плечиков-ступенек, придания им покатых или округлых форм (рис.1-9,10,11,14). В итоге таких изменений повышался коэффициент проникающего действия, осуществлялся перенос функционального значения от площади поражения к глубине проникновения в цель. Эти изменения повлекли за собой и другие. Как было показано, для ярусных наконечников хунну II-1 вв. до н.э. характерно наличие трехлопастной шейки. В дальнейшем с уменьшением ширины плечиков-ступенек, а как следствие — и кривизны боковых сторон лопастей второго яруса — шейка сливается с ними (рис.1-9-11). Этот процесс демонстрируют переходные формы наконечников стрел с сильно поджатыми плечиками второго яруса, образующие в нижней части изгиба свое-

образную шейку, либо экземпляры со слабо выраженной шейкой (рис.1-14,24). Позднейшее выпячивание плечиков второго яруса и уменьшение его ширины приводит к потере этого типологического признака (рис.1-9,14,13,15, 2-1-5). Именно такие формы представляют наконечники стрел из погребений балыктыкульского могильного поля, которые, как считает С.С. Сорокин, появляются не ранее II в. н.э., экземпляры из Айдаунинской пещеры, Ельскаевской коллекции и близкие к ним по форме и размерам наконечники стрел из Томского могильника, относимые М.П. Комаровой к середине I тыс. н.э. на основе аналогий основного комплекса с некоторыми категориями инвентаря и погребального обряда фоминского этапа верхнеобской культуры /9, с.59; 22, табл.УІІІ; 21, с.263, 19, с.49/ (рис.1-10,11,15). Однако передатировка этапов верхнеобской культуры, в том числе фоминского, и выделение Т.Н. Троицкой самостоятельной одицовской культуры (нижний рубеж IV-V вв. н.э.) позволяют датировать эти наконечники стрел временем не ранее II в. н.э. и синхронизировать их с балыктыкульскими /13, с.101-120/. Скорее всего, существование всех перечисленных типов необходимо отнести ко II в.н.э., возможно, к III в. н.э. /11, с.184/, а нижнюю границу их бытования следует отодвинуть к самому началу I тыс. н.э.

Типологически в состав данной группы входят и наконечники стрел нашего собрания (типы 1-5), обнаруженные в погребениях могильника Булан-Кобы в Горном Алтае (рис.2-1-5,7). Некоторые из них (типы 1,2,4) обнаруживают самую тесную типологическую связь с наконечниками стрел хунну, известными по материалам Забайкалья и Монголии /3, табл.І,ІІ/. Как и последние, они относятся к подразделам прямоугольных или тупоугольных, отделам: ассиметричноромбических с поджатием, ассиметричноромбических, треугольных и представляют типы укороченнопятиугольных (тип 2) (рис.2-2), удлиненнопятиугольных (тип 1) (рис.2-1), треугольных (тип 4) (рис.2-4,5), удлиненнотреугольных (тип 5) (рис.2-7). Вместе с этим у них отсутствуют такие признаки, как

наличие трехлопастной шейки при переходе второго яруса в черешок, уменьшается ширина ступенек-плечиков, намечается выпрямление боковых сторон лопастей второго яруса. Исходя из этого, наконечники подобных типов следует датировать в рамках I в. до н.э. – II в. н.э., признав их непосредственную типологическую связь с наконечниками стрел хунну. Предложенной датировке не противоречат предметы (железный кинжал, кольчатый нож, накладки лука, колчаный крюк и т.д.), обнаруженные в закрытом комплексе с рассматриваемыми наконечниками стрел и датируемые I в. до н.э. – I-II в.н.э. /7, табл./.

Дальнейшее развитие ярусных наконечников стрел условно выделенной нами хуннской группы шло, как показывают экземпляры III–IV вв. н.э., по пути уменьшения их общих размеров, придавая им за счет этого еще больших приносящих свойств /20, табл. XXX, 3, 4, 265, рис. 1/ (рис. 1–7, 8, 16, 2–8–12). Они также отличаются от предшествующих дальнейшей геометризацией I и 2 ярусов, что сказалось на появлении ромбических, вытянуто-ромбических и ассиметрично-ромбических типов (рис. 1–1, 7, 8, 2–8, 9). По имеющимся у нас, правда, немногочисленным материалам, эти процессы коснулись в большей степени районов Хакасско-Минусинской котловины, Горного Алтая и отчасти Верхнего Приобья. Именно здесь встречены переходные типы к наконечникам стрел IV–V вв. н.э. (рис. 1–17, 16, 9, 10, 12, 15). Большинство из них отличается от предшествующих типов вытянуто-ромбической формой первого яруса и ассиметрично-ромбической второго, что без учета вырезов между ними дает общий ассиметрично-ромбический контур боевой головки – с преломлением лопастей в её верхней части – форму трехлопастных наконечников стрел, характерную для середины – второй половины I тыс. н.э. Наиболее близки к имеющимся у нас ярусным наконечникам стрел типов 6–10 наконечники стрел изыкского этапа таштыкской культуры /7, табл. IV/ (рис. 2–8–12). Из них типы 9, 10 по форме первого (килевидные) и второго (треугольные с поджатием) ярусов, а также и то, что один из них

относится к подразряду прямоугольных (рис.2-12), могут быть признаны более ранними, отличаясь от классических хунских наконечников стрел размерами; они, тем не менее, сохраняют их основные очертания. Подобные экземпляры, очевидно, надо датировать самым концом I тыс. до н.э. — II в.н.э., возможно, началом III в.н.э. Место в хронологическом ряду ярусных наконечников стрел типов 6-10 подтверждается комплексом находок из погребений Булан-Кобы-1У (погребение 5) и др. В него входят: костяная пряжка с игольчатым запором, Т-образные железные пряжки, железные похи и т.д., которые по аналогии с предметами сопредельных территорий датируются концом I тыс. до н.э. — началом I тыс. н.э. /11, 7/.

Материалы тагтыкской культуры, и это очень интересно, представлены только наконечниками хунской группы, тогда как в материалах Горного Алтая (Белый Бом, кург.26) встречены наконечники стрел южносибирской традиции (рис.2-6,13,14).

Вопросы типологии ярусных наконечников стрел южносибирской группы очень сложны, так как в Южной и Западной Сибири до недавнего времени мы практически не имели экземпляров II-IV вв.н.э. Единственный наконечник из выпускного погребения шестого Пазырыкского кургана, датируемый А.А. Гавриловой II-IV вв.н.э., вряд ли может быть отнесен к этому времени /10, с.52/. На несколько завышенную дату этого погребения указывал И.Р. Кызыласов, который считал его синхронным языческому этапу тагтыкской культуры /7, с.115/. По своим формам и размерам наконечник ближе к шурмакским (кокзельским — Д.Г. Савинов). Поэтому наконечники стрел рассматриваемой группы II в. до н.э. — I в.н.э. (Кокзель) можно было сравнивать только со значительно более поздними одиновскими IV-V вв.н.э. (Степной Чумыш) /11, с.140, рис.1,3,4/ (рис.1-1,5,6). С этой точки зрения большой интерес представляют наконечники стрел 2-го типа (рис.2-6,13,14), обнаруженные в погребениях I-II вв.н.э., возможно, первой половины III в. могильника Белый Бом (кург.26). Они позволяют заполнить опреде-

ленный промежуток времени, не отмеченный данными типами на сопредельных территориях и проследить типологическое изменение некоторых признаков. Имеющиеся несоответствия в оформлении шурмакских (кокальских - Д.Г. Савинов), белобомовских и одиловских наконечников стрел в какой-то мере могут служить отправными точками при определении направления эволюции ярусных наконечников стрел южносибирской группы. Это развитие заключалось в увеличении длины первого яруса и уменьшении, по сравнению с ним, второго, сохранении овальных или килевидных форм первого яруса и в переходе от ассиметричноромбовидного к параболовидному второму. Постепенно увеличиваются общие размеры наконечников. Это приводит к тому, что к середине I тыс. н.э. параметры наконечников стрел хуннской и южносибирской групп выравниваются. Видимо, к этому времени вырабатываются оптимальные, с функциональной точки зрения, универсальные типы, которые в равной степени применялись против защищенных и не защищенных броней воинов. Они сочетали в себе высокие баллистические качества широколопастных наконечников с проникающими свойствами бронебойной формы боевой головки (I ярус).

Позднейшие экземпляры ярусных наконечников стрел южносибирской группы, так же, как и хуннской, датируются IV-V вв. н.э. Но в отличие от хуннских их типологические особенности, видимо, сказались на формировании облика некоторых типов трехлопастных и плоских наконечников стрел конца I-начала II тыс. н.э. Так, их связь с вогнутопараболовидными (кунжутолистными), вытянутопараболовидными (пламевидными) и вытянутопараболовидными с поджатием, по нашему мнению, очевидна. По сути дела, перед нами те же, но увеличенные формы отдельных наконечников стрел южносибирской традиции IV-V вв. н.э. (Стенной Чумыш), сохраняющие как общие пропорции между размерами первого и второго ярусов, так и характерные их формы. Укрупнение параметров, как мы считаем, неразрывно связано с единым процессом изменения размеров трехлопастных и плоских наконечников стрел сред-

невековых южносибирских культур в конце 1-начале II тыс. н.э. Вопросы их типологии являются темой специального исследования.

В заключение хотелось бы отметить, что нами подняты лишь отдельные проблемы классификации и типологии ярусных наконечников стрел, намечены пути их развития. Надеемся, что проведенная работа послужит составной частью для создания единой, цельной систематизации всех ярусных наконечников стрел Северной Монголии, Забайкалья, Южной и Западной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Николаев П.Н. К методике изучения ярусных наконечников стрел // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989. С.89-91.

2. Талько-Грышневич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Тр. ТКОРГО. Иркутск, 1900. Т.III. Вып.2-3. С.34-156.

3. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Уде, 1976. 218 с.

4. Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца 1 тыс. до н.э. - первых веков нашей эры // Тр. ТКАЭЭ. М.;Л., 1966. Т.II. С.185-201.

5. Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году (погребения кызыганской и сын-чурекской культур) // Тр. ТКАЭЭ. М.;Л., 1970. Т.III. С.7-79.

6. Дьяконова В.П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г. // Тр. ТКАЭЭ. М.;Л., 1970. Т.III. С.210-238.

7. Кыласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1980. 197 с.

8. Худяков Ю.С. О вооружении таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С.164-169.

9. Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Л., 1977. Вып.18. С.57-67.

10. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргы как источник по истории алтайских племен. М., М., 1965. 113 с.

11. Махадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С.173-191.

12. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // МИА. М., Л., 1956. - 48. 160 с.

13. Троицкая Т.Н. Одиноцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С.101-120.

14. Уманский А.Н. Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумыше // Бронзовый и ранний железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С.136-149.

15. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Работы у с.Крохольки Новосибирской области // АО 1985. М., 1987. С.364-365.

16. Новиков А.В. Новый памятник верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье // Источники и историография: Археология и история. Омск, 1988. С.47-55.

17. Засецкая И.П. Погребения у с.Кызыл-Адар Оренбургской области (к вопросу о гунно-хуннских связях) // Древние памятники культуры на территории СССР, Л., 1982. С.54-77.

18. Hantel J. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905. Bd.I-III.

19. Комарова М.Н. Томский могильник - памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. М., Л., 1952. № 24. С.7-50.

20. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980. 174 с.

21. Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. 1968. № 1. С.263-268.

22. Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. 207 с.

23. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 174 с.

24. Худяков Ю.С. Коллекция железных накопечников стрел Читинского музея // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С.131-135.

25. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 266 с.

26. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 152 с.

27. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие: Лук и стрелы, самострел УШ-ХІУ вв. М., 1966. 184 с.

28. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. // САИ. М., 1983. Вып. ЕЗ-18. 126 с.

29. Худяков Ю.С. Вооружение племен Горного Алтая первой половины 1 тыс. н.э. // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С.81-99.

А.Б. Шамшин

Алтайский государственный университет

ЗАКОВРЯШИНО 1 - ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ОБСКОМ МОРЕ

Поселение Заковряшино 1 находится в Крутихинском районе Алтайского края в 1 км к северо-востоку от одноименного села на левом берегу р.Разбойной при её впадении в Обское море (водохранилище). До его сооружения Разбойная выходила в этом месте с коренного берега в широкую левобережную обскую пойму. В результате строительства Обского водохранилища началось интенсивное разрушение берега, что привело к уничтожению значительной части памятника. Поселение было открыто преподавателем Новосибирского пединститута В.И. Соболевым в 1976 г. В 1983-1985 гг.

Приобской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством автора проведены охраняемые раскопки памятника /1-3/.

Раскопки велись в самой аварийной части поселения — на кромке берега, постоянно разрушаемого во время разливов. Раскоп протянулся узкой полкой с севера на юг (бдоль берега) на 120 м, с запада на восток — до 10 м. Общая вскрытая площадь — 920 кв.м. Наряду с материалами, полученными из раскопа, было сделано много сборов во время периодического отхода воды на образовавшейся широкой песчаной отмели. Мощностъ культурного слоя (темный суглинок) — 40-60 см. Плотность находок на квадрат раскола невелика (за исключением хозяйственных ям), что, вероятно, объясняется исследованием периферии поселения, большая часть которого ко времени раскопок уже была разрушена морем. На площади раскопа не встречено жилищ, однако они, видимо, находились в уже разрушенной части памятника, о чем говорит крупное скопление находок, в том числе и ряда вещей, обнаруженное на небольшом, 10-15 м длинной, участке отмели.

Основной комплекс поселения Заковряшино 1 относится к эпохе поздней бронзы. Однако при раскопках было обнаружено большее количество материалов более раннего времени. Это скопление каменных изделий (отщепов, скребков, пиклевидных орудий и т.д.) из красного кварцитовидного песчаника и яшмы, обнаруженное на небольшой площади в южной части раскопа (производственная площадка?). Данный инвентарь, видимо, может относиться к эпохе мезолита-неолита. Кроме того, в южной же части раскопа найдено небольшое количество керамики крохальевского типа /4, с.122, рис.4-13,14/. Наряду с ранними материалами поселения единично встречены фрагменты керамики раннего железного века. Все эти находки в данной статье рассматриваться не будут.

В процессе раскопок и сборов с отмели обнаружено несколько вещей: бронзовые кольцо, нож, нашивная бляшка, пластинка, костяные наконечник стрелы и проколки, каменные — оселки, отбойник, грузила, обломки зернотера, пряслице и фишки из глины.

Наибольший интерес представляет бронзовый нож (рис.1-3). Рукоять его имеет намеренно, лезвие — слезка выражающую "хвостатость", широко известную на ножках карасукской культуры. Изделие может быть отнесено к пластинчатым ножам без уступа с округлой рукоятью и заостренным концом лезвия.

Е.Е. Кузьмина отмечает, что ножи с закругленным концом лезвия (тип 1Б по её классификации) появились в середине-третьей четверти II тыс. до н.э., а ножи с заостренным концом лезвиями — позднее. В конце эпохи бронзы эти типы сосуществовали и использовались в Западной Сибири и Казахстане до эпохи раннего железа /5, с.45/. Таким образом, наиболее вероятная дата нашего ножа — конец II-начало I тыс. до н.э. К сожалению, остальные вещи с поселения Заковряшино 1 не являются датированными. Пластинчатое кольцо (рис.1-9) и одинарная нашивная бляшка (рис.1-8) служили в качестве украшений. Они имеют достаточно широкие хронологические рамки существования, однако в большинстве своем датируются эпохой поздней бронзы. Неясно назначение бронзовой пластинки (рис.1-7), возможно, также служившей нашивкой.

Костяной наконечник стрелы из Заковряшино 1 — ромбический в сечении, имеет характерные опушенные края жальца, одно из которых обломано в древности (рис.1-10). Ближайшей аналогией ему на поселениях поздней бронзы Верхнего Приобья является наконечник из землянки I поселения Ирмень 1 /6, рис.14-7/, относящегося к ирменской культуре. В.И. Молодин отмечает, что наконечники стрел — редкая находка на ирменских поселениях /7, с.127/, что подтверждается и материалами Алтайского Приобья. В то же время на сменяющем эпоху поздней бронзы переходном периоде от бронзы к железу число костяных наконечников стрел значительно возрастает.

На поселении встречены две костяные проколки. Одна из них хорошо подработана (рис.1-12), другая изготовлена из простого обломка кости (рис.1-11). Подоб-

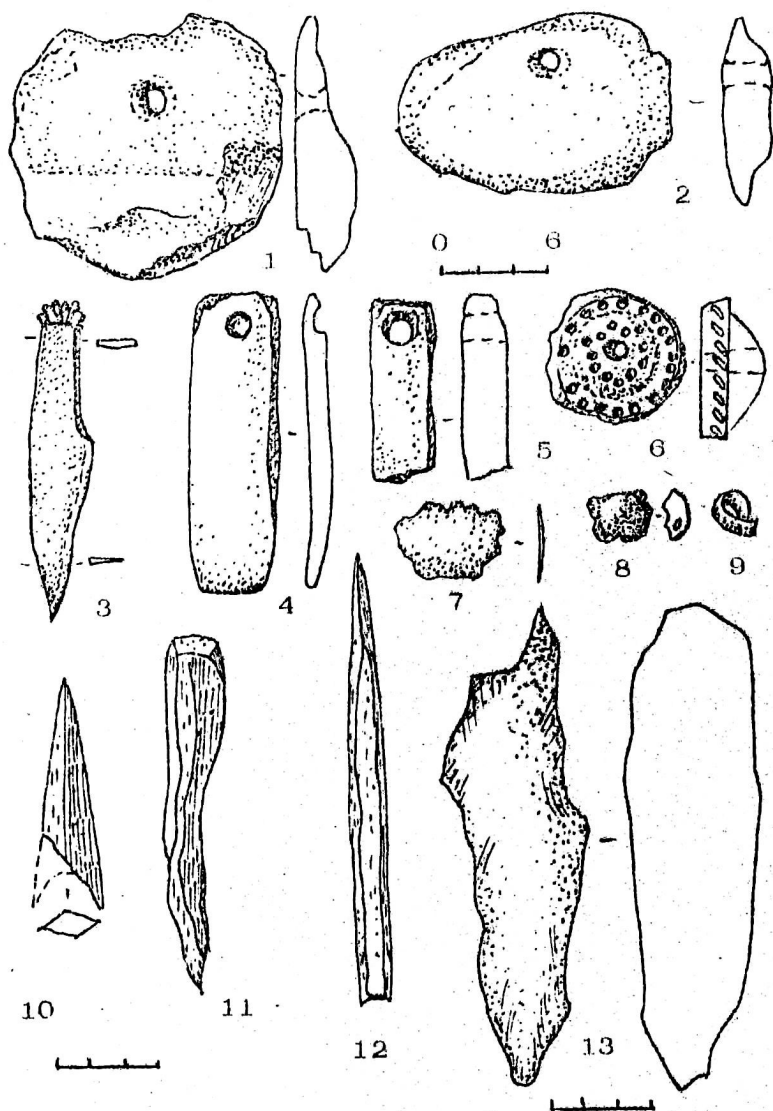

Рис. 1. Инвентарь поселения Заковряшино 1:
 бронза (3, 7-9); камень (1, 2, 4, 5, 13);
 глина (6); кость (10-12)

ные изделия очень широко распространены в материалах памятников как эпохи поздней бронзы, так и других эпох.

Из камня изготовлены оселки. Один из них, имеющий сквозное отверстие, обломан (рис.1-5), а на другом отверстие лишь намечено, однако до конца не досверлено (рис.1-4). Интересны два каменных грузила со сквозными отверстиями (рис.1-12). Вероятно, они использовались для сетей. Отбойник (рис.1-13) имеет забитый от употребления рабочий край.

Обнаружено пряслице из глины пирамидальной формы, орнаментированное по нижней плоскости двумя concentрическими кругами из точечных вдавлений. Ещё один такой же круг идет по его боковой поверхности (рис.1-6). Наконец, на поселении найдены фишки, изготовленные из стенок сосудов. Аналогичные изделия хорошо известны на многих памятниках эпохи поздней бронзы Западной Сибири и Казахстана. Назначение их до сих пор неясно.

С поселения Заковряшино 1 получена большая коллекция керамики, значительная часть которой, к сожалению, представлена мелкими фрагментами что связано с разрушением поселения морем. Целых сосудов нет вообще, лишь немногие реконструированы (рис.3-1, 2, 4-1). В связи с этим дать соотношение типов керамики по форме практически невозможно. Вся посуда по орнаментации достаточно хорошо делится на несколько групп.

Первая группа. К ней относится большая часть обнаруженного керамического материала. Это сосуды баночной и слегка профилированной горшковидной формы с прямым либо слегка отогнутым наружу венчиком. Основные орнаментальные мотивы по венчику: штрихованные треугольники вершиной вверх (рис.2-1,10,12,14), вниз (рис.2-6) и друг к другу (рис.2-8,13,17), сетка (рис.2-3,5,7,11), ёлочка (рис.2-2,4), выполненные отпечатками гладкого и гребенчатого штампов, ряд наклонно поставленных отпечатков штампа (рис.2-16). По шейке сосудов преобладает ряд жемчужника (рис.2-3,5,10), чаще разделённого ямками (рис.2-2,7), лушками (рис.2-1,6,11), каплевидными вдавлениями (рис.2-16). Для тулова сосудов харак-

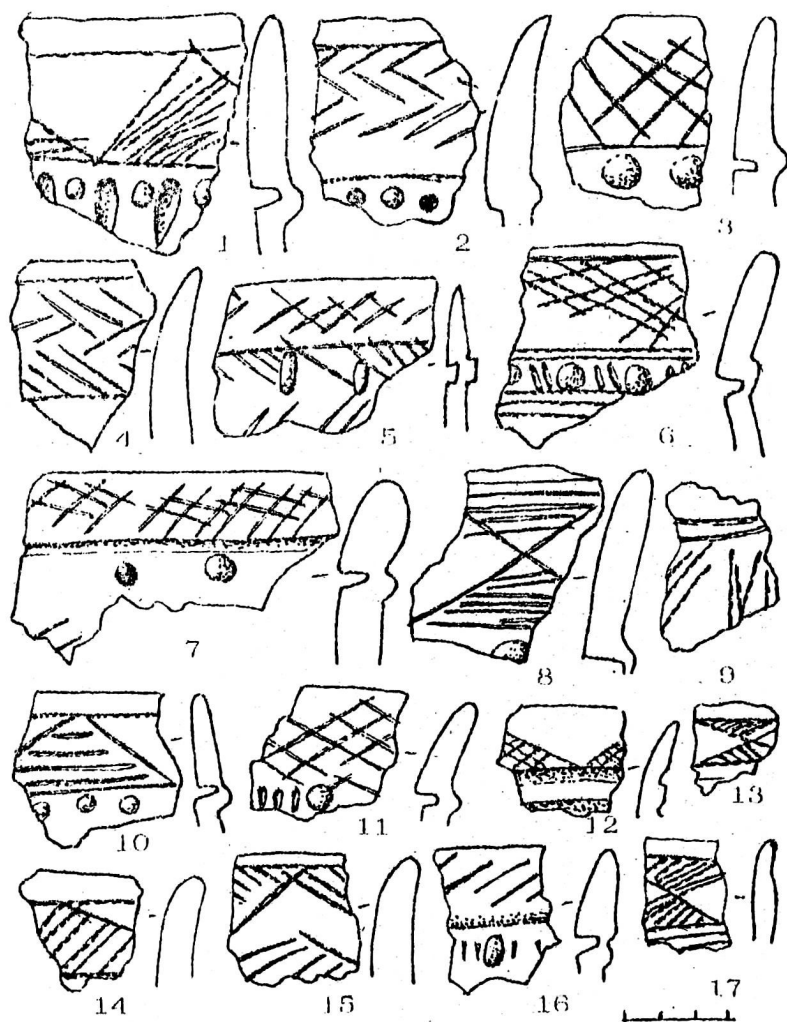

Рис. 2. Керамика поселения Заковряшного I

терны свисающие треугольники (рис. 2-9). Подобная орнаментальная схема хорошо известна на керамике многих памятников эпохи поздней бронзы и традиционно считается ирменской /8, рис. 10-18; 9, рис. 2, 10, рис. 2, 3, 6/.

К ирменской культуре может быть отнесен и основной керамический комплекс поселения Заковряшино 1. Наряду с керамикой значительная часть вещей, в частности, нож, два оселка, проколка найдены вместе с ирменской керамикой на площади разрушенного морем жилища.

Вторая группа. Количественно значительно меньшая, нежели ирменская. Сосуды преимущественно баночной формы. Украшены по велику сеткой, выходящей отпечатками гладкого штампа (рис. 3-1, 5-8, 10, 12), елочкой (рис. 3-2). По тулову сосудов чаще всего повторяются те же элементы (рис. 3-2-1, 9, 11). Орнаментальные пояса разделены рядами кашлевидных вдавлений (рис. 3-1, 6-8, 12), отпечатков уголка лопаточки (рис. 3-3), каннелюрами (рис. 3-5) либо чистыми зонами (рис. 3-2, 4, 9, 11). Подобная орнаментальная схема характерна для керамики корчажнинской культуры, прежде всего для её иткульского этапа /11, рис. 6, 7/. Эта группа керамики с поселения Заковряшино 1 может быть отнесена к корчажнинской культуре.

Третья группа. Очень маленькая (чуть больше 10 венчиков), но выразительная. Основным отличительным признаком этой группы посуды является венчик, проходящий по венчику сосуда (рис. 4-1-12). Нередко он рассечен отпечатками гладкого или гребенчатого штампов, чаще всего образующими елочку (рис. 4-5, 6, 10-12). В орнаментальной композиции встречены также ряды ямочек (рис. 4-5, 6) либо кашлевидных вдавлений (рис. 4-1-7). Часть материалов этой группы опубликована /12, рис. 1-7-10/. Подобная посуда находит аналогии в керамических комплексах круга культур валиковой керамики, в частности, в материалах из Восточного Казахстана /13, табл. X 1-12, 13/ и Алтая.

Наконец, четвертая группа представлена реконструированным сосудом горшковидной формы с хорошей профилировкой, с сеткой по венчику и каннелюрами по шейке

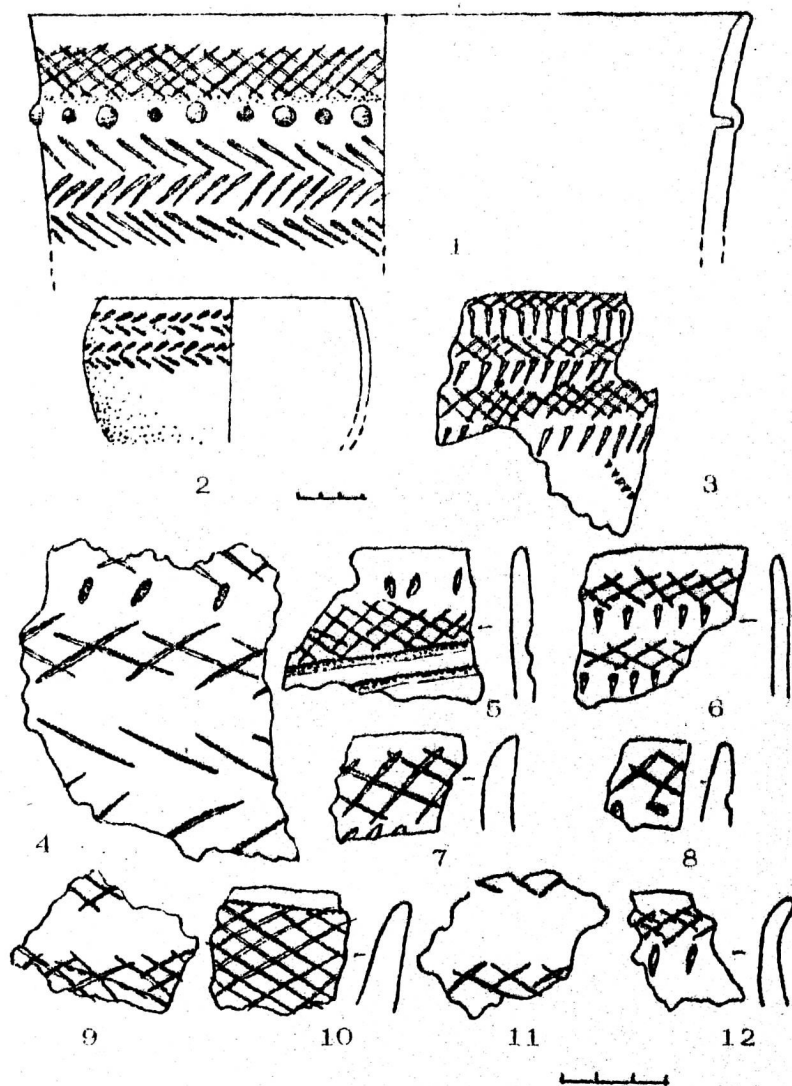

Рис. 3. Керамика поселения Заковряшино 1

(рис.4-1) и еще несколькими подобными фрагментами (рис.4-2,3). Такая керамика (иногда красного или черного цвета, хорошо залощена, сосуды имеют гладкий венчик, либо ряд идущий по нему тонкой резной сетки, а по шейке — ряды каннелюр) присутствует в качестве небронзовых примесей в керамических комплексах многих позднеледниковых поселений Барнаульско-Бийского Приобья, причем как в чисто ирменских (Цыганкова Сопка 1) и корчажнинских (Костенкова Избушка), так и в смешанных (Казенная запятка, Речкуново-III) /10, рис.4-5,7/. Подобная керамика встречена также в Восточном Казахстане в памятниках типа Трушниково /13, табл.Х 1-12, 13/. Происхождение этого типа керамики до сих пор окончательно не ясно. Не исключена её "ритуальная" принадлежность.

Как уже отмечалось выше, основной керамический комплекс поселения Заковряшино 1 — ирменский, что позволяет нам рассматривать данный памятник как поселение ирменской культуры. В каком отношении к ирменской культуре находятся остальные обнаруженные здесь группы керамики эпохи поздней бронзы? Нам уже приходилось отмечать, что на ряде памятников Барнаульско-Бийского Приобья этого времени наблюдается смешение ирменского и корчажнинского (иткульского) керамических комплексов /10, с.144-145; 11, с.149; 14, с.112/. Можно назвать поселения Речкуново-III (ирменское) либо Малоугренево (корчажнинское), где прослеживается только начало этого процесса. Это смешение привело во второй половине VIII в. до н.э. к сложению мыльниковского типа керамики переходного времени, особенно хорошо известного по материалам поселения Мыльниково, исследованного автором /15, рис.2,3/.

Наиболее ранними ирменскими памятниками Алтайского Приобья являются, на наш взгляд, те, где собственно ирменские мотивы в орнаментации керамики проявляются наиболее отчетливо, в более чистом виде. Таково, например, поселение Цыганкова Сопка 1. В материалах этого памятника практически отсутствует керамика с кор-

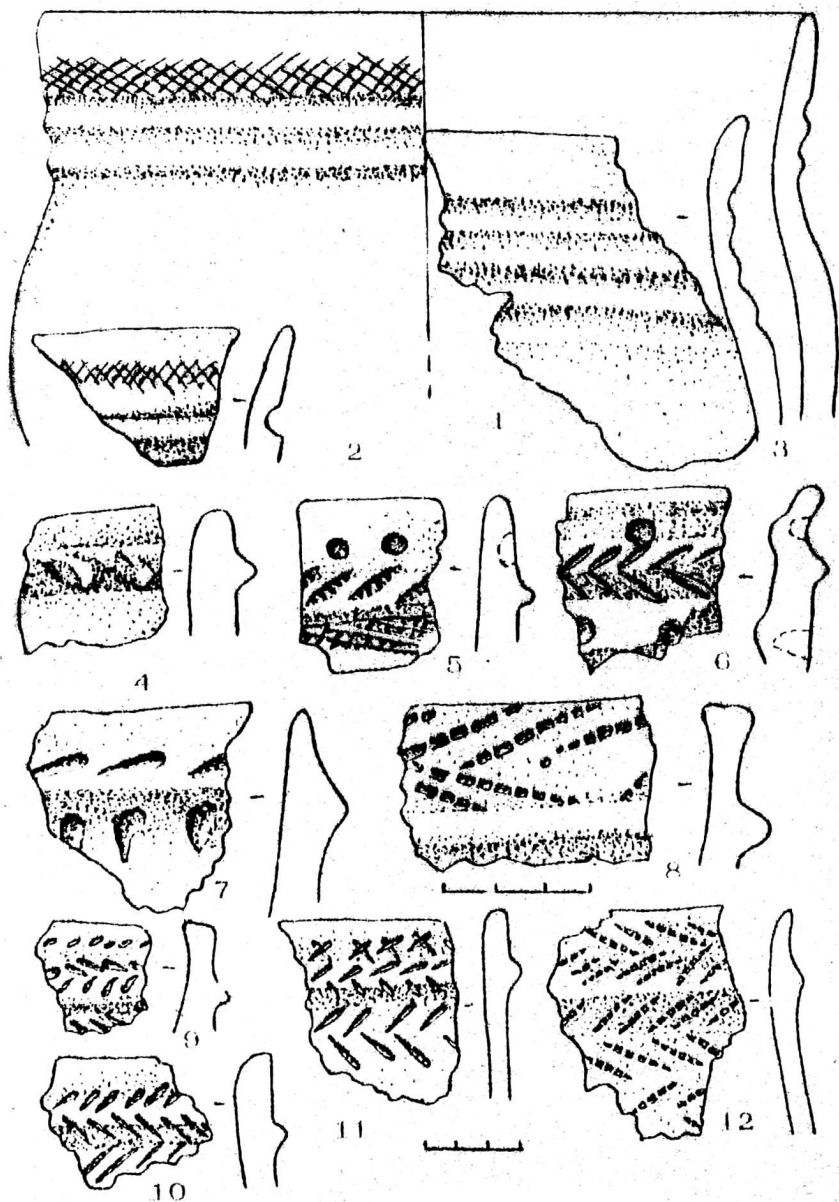

Рис. 4. Керамика поселения Заковряшино 1

чажкинскими чертами. На ирменском поселении Заковряшино 1 корчажкинских материалов обнаружено немного, к тому же они довольно "чистые", что позволяет видеть здесь лишь первые попытки взаимодействия населения этих двух культур. Датируя ирменскую культуру в Барнаульско-Бийском Приобье X (IX)–первой половиной III вв. до н.э. /16, с.107/, мы предполагаем, что место поселения Заковряшино 1 в хронологической колонке ирменских поселений данной территории будет, вероятно, в пределах конца X–IX вв. до н.э.

Этому не противоречит находка на нем валиковой керамики, на наш взгляд, довольно близкой к саргаринской, а также к материалам из Восточного Казахстана. Хронология саргаринской культуры считается достаточно разработанной. Так, С.Я.Зданович предлагает для нее дату X–III вв. до н.э. /17, с.78–79/. Не исключено, что валиковая керамика оказалась на поселении Заковряшино-1 в результате контактов местного ирменского населения с населением, оставившим в Степной Кулунде памятники с валиковой керамикой. Ближайшие такие памятники раскапываются сейчас на р.Бурле в Хабаровском районе В.С. Удодовым.

Прежде всего сказанное относится к поселению Новильника /18, с.107–110/. Еще одно поселение, с которого получены подобные материалы, Жарково 1 в Баевском районе, мы недавно начали исследовать /19, с.49–51/.

Наконец, несколько поселений с валиковой керамикой раскапываются Г. В. Ивановым в Михайловском районе /12, с. 107/. Поселение Заковряшино 1 находится в контактной зоне, где Кулундинская степь почти подходит вплотную к Оби. В этом районе процессы взаимодействия и, возможно, смешения лесостепных приобских культур эпохи поздней бронзы – ирменской и корчажкинской – с культурами степными, относящимися к общности КВК, должны были идти, вероятно, более интенсивно. В то же время даже тот небольшой комплекс валиковой керамики, обнаруженной на поселении Заковряшино 1, на наш взгляд, неоднороден. В частности, здесь встречены отдельные фрагменты, близкие к донгальской керамике /20, рис. 1–

1-3/ (рис. 4-4), что позволяет предположить относительно длительность контактов приобского и кулундинского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шамшин А.Б. Работы Приобского отряда Алтайской экспедиции // АО 1983. М., 1985. С.250-251.

2. Шамшин А.Б. Работы в Алтайском Приобье // АО 1984. М., 1986. С.207.

3. Шамшин А.Б. Работы в лесостепном Алтайском Приобье // АО 1985. М., 1987. С.294.

4. Абдулганеев М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла, Барнаул, 1985, С.117-128.

5. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ, 1966. Вып. В 4-9. 150 с.

6. Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. М., 1956. Вып.64. С.27-42.

7. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы, Новосибирск, 1985, 200 с.

8. Бобров В.В. Поселение на р.Люскус (Предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С.47-59.

9. Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С.32-46.

10. Шамшин А.Б. Поселение Речкуново III - новый памятник эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // Алтай в эпоху камня и раннего металла, Барнаул, 1985. С.129-147.

11. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С.137-158.

12. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С.104-128.

13. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА, 1960. № 88. 272 с.

14. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С.111-115.

15. Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (УШ-У1 вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С.116-129.

16. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII-У1 вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист.наук. Кемерово, 1988. 16 с.

17. Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С.69-80.

18. Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С.107-110.

19. Шамшин А.Б., Брусник Н.Д. Новые материалы эпохи поздней бронзы из Кулунды // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С.49-51.

20. Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С.115-129.

С.В. Шыб

Алтайский государственный университет

О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗНИЯХ ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬИ 6620 ГОДА ИПАТЬЕВСКОГО СПИСКА

Летописная статья 6620 г. Ипатьевского списка (далее – Ип.) начиналась с краткого описания военного похода Ярослава, сына киевского князя Святополка, на ятвягов и его последующей женитьбы, затем здесь кратко рассказывалось о событиях из жизни княжеского дома Ярославичей, потомков Ярослава Мудрого, после чего летописец зафиксировал перестановку лиц в церковной перерархии: игумен Киево-Печерского монастыря Феоктист принял Черниговскую епископию, а на его место монастырская братия избрала переря Прохора /1, стб.273-274/.

Информативность этой летописной статьи в сочетании с краткостью изложения событий наводит на мысль о том, что в данном случае мы имеем дело не с сокращенной переработкой древнего летописного текста, а с передачей в Ип. погодной записи, осуществленной современником описанных событий; такие краткие заметки встречаются и в других статьях этой части списка. В пользу этого свидетельствует и строгая хронологическая последовательность в указании календарных дат в статье 6620 г. (12 мая, 29 июня, 25 и 29 мая, 3 ноября, 12 и 19 января, 9 февраля, причем, последние три даты относятся к концу года, так как в тексте следуют после слов "исходящо же сему лѣту"), что говорит об использовании здесь мартовского новогодия. Некоторое нарушение этой последовательности в четырех начальных датах статьи объясняется желанием летописца дать связанный рассказ о женитьбе Ярослава Святополчича: сватовство в Новгороде произошло 12 мая, а прибытие невесты во Владимир, где княжил жених, – 29 июня, после этого следует вновь описание майских событий, но уже следующих за сватовством. В пользу утверждения о первичности информации в этой статье свидетельствует и

вывод А.А. Шахматова о киево-печерском происхождении известия о поставлении Феоктиста и Прохора /2, с.259; 3, с.417.

Однако в хронологических показаниях статьи можно выделить два непонятных момента. Во-первых, это — отсутствие числового обозначения индикта, которое, очевидно, нельзя считать частной особенностью этого списка Ипатьевской летописи, хотя в Хлебниковском и, соответственно, в Погодинском и Ермолаевском списках (далее — Хл., Погод., Ерм.) слово "индикт" вообще отсутствует /1, стб.273, прим.21; приложение, с.217. Список Ип. в данном случае исправно передал текст летописного протографа, общего для Ип. и Хл., тогда как последний список отразил характерную для его составителя редакционную работу, выразившуюся в минимизации непонятных хронологических показаний: пропуск "пустых" летописных статей, перевод словесных датировок в церковнославянские цифры, пропуск противоречивых дат и пр., в том числе и пропуск "сомнительных" или неполных индиктовых обозначений протографа /например: 1, стб.207, прим.1; стб.230, прим.56; стб.280, прим.40 и др./

Второе замечание более существенно. Дата поставления Прохора игуменом Киево-Печерского монастыря ("исходящу же сему лѣту, ... недѣль масленѣ в четвергъ, месяца февралѣ въ 9 день") находится в противоречии с начальным годичным показанием летописной статьи; 9 февраля было четвергом на масленой неделе (последняя неделя перед великим постом) в 1111 (6619) г. и, как заметил в свое время Н.В. Степанов, "нет такого стиля, по которому бы начало февраля 1111 г., бывшее в конце летописного года, могло быть отнесено к 6620-у году" /1, с.307. При этом очевидно, что такое противоречие содержалось и в протографе Ипатьевской летописи, так как список Хл. в несколько "минимизированном" виде повторяет чтение списка Ип.: "Недѣли масляное в чек, месяца февралѣ въ 9 день" /1, стб.274, прим.49,50/.

Сам Н.В.Степанов считал 6620 г. Ип. мартовским, а потому допускал предположение о том, что позднейший

сводчик ошибочно внес в статью этого года правильные календарные показания 6619 г. (9 февраля, четверг масленой недели) /4, с.30,49/. Однако еще в середине XIX в. М.П. Погодин совершенно справедливо писал по этому поводу: "Но в 1111 г. посвящения [Прохора - С.П.] могло не быть, ибо Святополк, повелевший поставление, был тогда в походе на половцев. Ошибка должна быть в дне: вместо четверга поставление Прохора, вероятно, было в воскресенье, тем более, что вслед за тем летописец говорит: "и тако внидоша в постъ братья и со игуменом"/5, с.108-109/. Из этого следовало, что хиротония Феоктиста и избрание Прохора происходили в январе-феврале 1113 г. (9 февраля этого года - воскресенье), а 6620 г. Ил. являлся мартовским годом (с 1 марта 1112 г. по 28 февраля 1113 г.). Такого же мнения придерживался и А.А. Шахматов, предложивший следующую конъектуру текста: "въ недѣлю [т.е. в воскресный день - С.П.] масленную, месяца февраля въ 9 день"; указание четверга он считал ошибкой в расчетах позднего редактора. Основываясь на таких соображениях, А.А. Шахматов предложил также восполнить и пробел в обозначении индикта, выяснив, что первое полугодие 6620-го мартовского года соответствует окончанию 5-го индикта /6, с.345,346, 393,402/. Подобная трактовка хронологических показаний была принята и в академическом издании "Повести временных лет" (далее - ПВЛ) /7, ч.1, с.195; ч.2, с.202, прим.17/.

Оценивая мнение М.П. Погодина и дополнения к нему А.А. Шахматова, мы должны отметить, что эта версия могла бы выглядеть убедительной, если бы в ней не было одной весьма существенной неточности: 9 февраля в 1113 г. в самом деле было воскресением, но только не на масленой (или, иначе, сыропустной) неделе (так называемый день заговения), а на предшествовавшей ей мясопустной седмице (так называемый день великого мясопуста), тогда как "заговение", последнее воскресенье перед началом великого поста, в том году было 16 февраля. По всей видимости, в своих расчетах оба исследо-

вателя упустили из виду то, что все предпасхальные седмицы начинались с понедельника и оканчивались воскресением, и лишь от Пасхи до Пятидесятницы использовался иной порядок счисления седмиц; от воскресения до субботы /см. об этом, например: 8, с.25/.

Таким образом, очевидно, что хронологические элементы статьи 6620 г. списка Ип., если их рассматривать с традиционных позиций, будут находиться в необъяснимом противоречии между собой. Конечно же, можно предполагать здесь грубую ошибку летописца или позднейшего редактора, однако сравнение описанных выше хронологических показаний с параллельными чтениями других летописных памятников убеждает в обратном.

Прежде всего проведем сравнение с текстом Лаврентьевского списка (далее – Л.). Разногласия датировок списков Ип. и Л. в заключительной части ПВЛ и в последующих статьях были отмечены давно; так, в частности, еще И.Д. Беляев указал на то, что в интервале с 6619 по 6623 гг. Л. опаздывает на год в описании событий по сравнению с Ип. /9, с.3/. Действительно, в Л. поход Ярослава Святополчича, смерть Давыда Игоревича 25 мая, смерть Янки Всеволодовны 3 ноября и поставление Феоктиста 11 января датируются 6621 г. /10, стб.289; дата "11 января" в Л., вероятно, является ошибкой, так как в Радзивиловском и Академическом списках (далее – Р., Ак.) поставление Феоктиста на епископию отнесено, как и в Ип., к 12 февраля: 10, стб.289, прим.13/. Прочие события в Л. опущены, в том числе и известие о новом киево-печерском игумене, но нет сомнения, что и они должны быть отнесены к данному году, который также указывает на использование мартовского стиля.

В Синодальном списке Новгородской 1-й летописи (далее – Син.) группировка интересующих нас известий в пределах годовичных статей выглядит несколько иначе, чем в Л.; поход Ярослава, его женитьба и смерть Давыда Игоревича объединены здесь с сообщением о смерти князя Святополка и с местными новгородскими известиями в статью 6621 г., а начало епископства Феоктиста

(а значит, и избрание игуменом Прохора) отнесено к 6622 г. вместе со смертью переяславского князя Святослава Владимировича /11, с.150/.

Детальное сопоставление этих статей всех трех летописей (Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской 1-й) было сделано Н.Г. Бережковым. Основываясь на том мнении, что Новгородская летопись в этой части строго придерживается мартовского года, он определил, что такой же стиль применен и в статьях 6618-6620 гг. Сип., а в Л. в статьях 6619-6621 гг. усмотрел ультрамартовское новогодие /12, с.42,44,45 и др./ Однако этот вывод, подтверждающий мнение М.П. Погодина и А.А. Шахматова, также не объясняет хронологических несообразностей интересующей нас статьи 6620 г. списка Сип.: кроме того, непонятно, почему в Сип. некоторые известия, в том числе и упомянутые нами выше, датированы не так, как в Сип.

В своих дальнейших рассуждениях мы исходим из того, что ставим под сомнение укоренившийся в научной литературе взгляд о неизменном следовании Новгородской 1-й летописи старшего извода мартовскому счислению в статьях конца XI-начала XII вв. /см.: 8, с.66-68; 9, с.38; 12, с.37; 13, с.34-35 и др./ Об этом свидетельствуют, в частности, описанные выше статьи 6621 и 6622 гг. списка Сип. Хотя здесь интересующие нас известия читаются в сокращенном по сравнению с Сип. и Л. виде, без указания календарных дат, тем не менее ясно, что весенние события (поход Ярослава, смерть Давыда) отделены от зимних (поставление Феоктиста), и это наводит на мысль об использовании в этих статьях Сип. сентябрьского года. Наблюдение за текстом Сип. показывает, что этот факт не являлся случайным. По крайней мере с 6605 г., когда информация Сип. становится относительно полной, и до 6623 г. в нем последовательно использовалось сентябрьское новогодие /14/. С признанием этого факта становится понятно, что список Л. в передаче тех же и некоторых других сюжетов разошелся с Сип. 6-месячным отставанием начала года

(см. схему); другими словами, в Л. использовался "классический" мартовский календарный стиль.

В этом случае ясно, что мартовский год, применявшийся в списке Ип., в целом повторял мартовский год Лаврентьевской летописи с той только разницей, что отставал от него в нумерации на одну единицу: это отмечается для 6618-6621 гг. списка Ип. и, соответственно, для 6619-6622 гг. списка Л. (см. схему), и эта разница двух вариантов мартовского стиля прекращается только в 6622 г., когда оба летописных памятника говорят о смерти князя Святослава Владимировича (Ип. - 16 марта, Л. - 17 марта). Правда, в статье 6622 г. Ип. еще сохраняется полуторагодовичное отставание от списка Сил., в датировке двух известий (о новых постройках в Новгороде и Ладоге), но уже с 6623 г. отмечается полное совпадение в хронологии всех трех летописных списков.

Итак, что же представляет собой этот "опаздывающий" мартовский год списка Ип., и не поможет ли его обнаружение объяснить хронологические неувязки интересующей нас статьи 6620 г.?

Оказывается, прямое указание на целенаправленное использование "опаздывающего" мартовского года находится в летописной статье 6615 г. ПВЛ, которая, по тексту Л., открывалась следующей датой: "В лѣто 6615. Индикта. Кругъ Луны 4 лѣто, а Солнечнаго Круга 8 лѣто"/15/. А.А. Шахматов, отметивший, что вспомогательные признаки датировки этой статьи (Круг Луны и Круг Солнца) должны были бы относиться к следующему, 6616-у мартовскому году, объяснил это несоответствие редакторской правкой составителя 2-й редакции ПВЛ игумена Сильвестра /6, с.ХХУП, 328,391,402/, сократившего, якобы, рассказ 6616 г. о закладке церкви св. Михаила князем Святополком и перенесшего затем его хронологические элементы на год раньше. Н.В. Степанов попробовал разобраться глубже в этом летописном фрагменте. Основываясь на сведениях Кирика-новгородца, он считал, что в ХП в. на Руси Круги Луны отсчитывали с 1 января, а Круги Солнца - с 1 октября /16, с.138-

130/; именно этим он и объяснял появление "неверных" пасхалистических элементов в начале статьи 6615 г./17, с.10-12/. Это объяснение, однако, может быть признано верным только в том случае, если считать, что "январьские" Круги Луны и "октябрьские" Круги Солнца начинались в XII столетии соответственно на 10 и 7 месяцев позже начала мартовского года, так как лишь в этом случае мартовский 6615 г. может совместиться с 4-м Кругом Луны и 8-м Кругом Солнца. Однако из рассуждений Кирика очевидно, что эти пасхальные термины отсчитывались соответственно с января и октября, предшествующих началу мартовского года, так как давая их номера для 6644 г. (13 и 8), Кирик указывал, что "им же и Пасху обретох сего лѣта 6644"/18, с.30-31/. Кроме того, сравнение с сентябрьскими годами Новгородской 1-й летописи старшего извода показывает, что именно после статьи 6615 г. ПВЛ начинает отличаться от Спм. в изложении схожих исторических сюжетов опозданием в датировке на 1-1,5 года /19/, а это как раз и совпадает с разницей между сентябрьским и "опаздывающим" мартовским годом. Другими словами, хронологические показания летописной статьи 6615 г. являлись исходными для использования оригинальной системы учета времени в тексте ПВЛ.

Итак, атрибуты этой системы представляются следующим образом: отсчет лет велся с опозданием на один год от мартовского года, т.е. с 1 марта 5507 г. до н.э., но при этом пасхальные термины исчислялись традиционно - с 1 марта 5508 г. до н.э. (или же с 1 октября 5509 и 1 января 5508 гг. до н.э., как у Кирика); именно поэтому к 6615-у году ПВЛ был приписан 4-й Круг Луны и 8-й Круг Солнца. С признанием этого факта находится и объяснение противоречиям в дате поставления Прохора игуменом Киево-Печерского монастыря ("В лѣто 6620,... исходящо же сему лѣту,... недѣлѣ масленой... месяца февраля въ 9 день..."). 6620-й "опаздывающий" мартовский год соответствовал 6621-у мартовскому с его пасхальными терминами (Круг Луны - 9, Круг Солнца - 13),

и также отрезку времени с 1 марта 1113 г. по 28 февраля 1114 г. по эре от Р.Х. (см. схему): для всех этих годовых интервалов последующий Пасха выпадает на 29 марта, а последнее воскресенье перед великим постом, "заговение" (именно о нем идет речь в статье 6620 г. списка Ин.) — на 8 февраля. Но ведь текущий 6620-й "опаздывающий" мартовский год, по мнению использовавшего его летописца, должен был считаться високосным, так как по правилу определения юлианского високоса его номер делился на четыре без остатка, следовательно, для этого же летописца в феврале 6620 г. было 29 дней, а значит, и "заговение" приходилось на 9 февраля!

Вполне возможно, что первоначальной причиной появления "опаздывающего" мартовского года в летописном тексте была ошибка в хронологических расчетах сводчика (скорее всего, ошибка в вычислении пасхальных терминов), однако его последовательное применение в Ипатьевской летописи на протяжении 6615–6622 гг. позволяет считать, что этот счет лет использовался как особая система учета времени, точно так же, как и хорошо изученный ультрамартовский год. Этот вывод позволяет рассуждать на то, что признаки этой системы можно будет обнаружить и в других статьях Ипатьевской летописи, а также в иных летописных памятниках. Напомним, что Н.Р. Бережков отмечал годичное отставание от мартовского года в статьях 6681–6691 гг. списка Ин. /12, с.247.

Момент первоначального употребления "опаздывающего" мартовского года в русском летописании определяется следующими соображениями. Во-первых, надо признать, что мнение А.А. Шахматова о причастности игумена Сильвестра к формированию признаков этой хронологической системы (см. об этом выше) было неверным, иначе невозможно объяснить ее относительно пространное применение в Ипатьевской редакции ПВЛ до 6623 г., тогда как в Лаврентьевской редакции она прерывалась сразу после авторской приписки Сильвестра, и вслед за этим совершился переход к "классическому" мартовскому году. Однако, во-вторых, нужно отметить и то, что "опаздыва-

ющий" мартовский год, без сомнения, присутствовал в тексте Лаврентьевской редакции ПВЛ; на это указывают вспомогательные признаки датировки статьи 6615 г. списка Л., а также тождество датировок списков Л., Р. и Ак. в части 6615-6618 гг. с показаниями Ипатьевской редакции. Такой факт можно объяснить только правкой текста второй редакции ПВЛ по тексту третьей редакции. Кстати, очевидные следы такой правки сохранились в статье 6621 г. всех списков Лаврентьевской редакции, где говорилось: "Ходи Ярославъ, сынъ Святополчъ, на Ятьвягы второе и победи я" [подчеркнуто мной - С.П.] /10, стб.289/, а это значит, что в распоряжении летописца, записавшего это известие, было два различных сведения о походе Ярослава Святополчича: одно, датированное "классическим" мартовским годом (ему он и отдавал предпочтение), и другое, датированное, скорее всего, 6620-м "опаздывающим" мартовским годом (в его верности он усомнился, но, тем не менее, принял его к сведению) /20/. Вероятно, свидетельством той же самой редакционной правки является и дублирование известия о смерти Олега Святославича в статьях 6623 и 6624 гг. списков Л., Р. и Ак. /10, стб.289-290/.

Сказанное выше приводит нас к мысли о том, что упомянутая правка и внесение "опаздывающего" мартовского года в текст второй редакции ПВЛ произошли довольно рано, по крайней мере еще до того момента, когда в древних летописных сводах Владимиро-Суздальской Руси стали формироваться разночтения в изложении событий ХП в., оформившиеся затем в различия списка Л., с одной стороны, и списков Р. и Ак., с другой. По всей видимости, это событие можно отнести ко времени составления владимирских летописных сводов 80-90-х гг. ХП в. /21, с.67-80; 22, с.11-12, 20-25/, следовательно, вопрос о первоначальном появлении описанной здесь хронологической системы уводит нас к южнорусской летописной традиции ХП в., основанной на редакции ПВЛ 1118 г. и, в свою очередь, послужившей основой для владимирского летописания /23/. Сопоставив это утвер-

ждение с тем, о чем говорилось выше, можно обрисовать следующий путь формирования интересующих нас хронологических показаний.

Первоначально летописная запись, положенная в основу статьи 6620 г. списка Ин., была сделана в Киеве сразу же вслед за описанными событиями. В тот момент или несколько позже, когда составлялись киевские своды на основе ПВЛ, все события этой записи были датированы "опаздывающим" мартовским годом. Затем, в середине XII в., к хронологическим показаниям записи в Переяславле Русском были добавлены индиктовые обозначения /о переяславском происхождении индиктов в тексте ПВЛ см.: 24, с. 75, 93-94/, так же, как и в других статьях (например, в статью 6615 г.). При создании владимирских сводов 80-90-х гг. XII в., когда производилась сверка различных редакций ПВЛ, признаки "опаздывающего" мартовского года были внесены в текст Лаврентьевской редакции и одновременно с этим были сокращены как непонятные или ошибочные, индиктовые обозначения. Позднейшее редактирование текста Ипатьевской летописи привело к появлению в статье 6620 г. ошибочного указания на четверг как день поставления Прохора игуменом Киево-Печерского монастыря.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ИСРЛ, Т.П: Ипатьевская летопись. М., 1962. Полный текст этой статьи выглядит так: "В лѣто 6620. Индикта, Ярославъ ходи на Ятвязѣ, сынъ Святополчъ, и победи я; и пришедъ с воины, посла Новугороду и поя Мъстиславлю дщерь собѣ женѣ, Володимерю внуку, месеца маия въ 12, а приведена бысть июня въ 29. Того же лѣта вѣдоша Володимерьну Офимью въ Оутры за короля. Того же лѣта преставися Давидъ Игоревичъ месеца маия въ 25 и положено бысть тѣло его въ 29 въ церквы святыхъ Богородица Влахѣриѣ на Кловѣ. Томъ же лѣтѣ преставися Янка, дщи Всеволожа, сестра Володимера, месеца ноябрия въ 3 день, положена бысть оу церквы святаго Андрѣя, юже бѣ создалъ отецъ ея; ту бо

ся бѣ и постыригла оу цркви тоя, девою сущи. Исходящо же сему лѣту, и поставиша Феоктѣста епископомъ Чернѣгову, игумена Почерскаго, месяца генваря въ 12 день, а посаженъ на столѣ въ 19. И радъ бѣ князь Давидъ, и княгини, и бѣ бо ѣи отецъ духовный; и бояре, и вси людье радовахуся, бѣ бо предъ нимъ епископъ боленъ и не мोगи служити, и лежа в болести лѣтъ 25. Тѣмъ же князь и людье жадаху епископѣ слжбѣ и радовахуся, славяще Бога. Сему же тако бывъшию и братъи сущи безъ игумена, совокупившимся братъи всѣи и нарекоша в собѣ игумена Прохора попина и възвѣстиша митрополиту и князю Святославу о немъ. И повелѣ князь митрополиту поставити с радостью, и поставлен быть недѣлѣ масленой в четверг, месяца февраля въ 9 день, и тако выидоша в постъ братъи и со игуменомъ”.

2. Шахматов А.А. Предисловіе к Начальному киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС ИАН. 1908, Т.ХІІІ, Кн.1. С.213-270.

3. Шахматов А.А. Нестор летописец // Привіт Іванови Франкови в сороклѣте його письменської праці : 1874-1914; Літературно-науковий збірник. Львов, 1914, С.31-53.

4. Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века // ИОРЯС ИАН. 1915, Т.ХХ, Кн.2. С.1-71.

5. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т.1У; Период удельный, 1054-1240. М., 1850. 448 с.

6. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т.1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгр., 1916. 404 с.

7. Повесть временных лет. Ч.1: Текст, перевод. Ч.2: Комментарий. М.:Л., 1950.

8. Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII в.) по Лаврентьевской и Новгородской 1-й летописям // ЧОИДР. 1909. Кн.4(231). С.1-74.

9. Беляев И.Д. Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1169 г. // ВОИДР. 1849, Кн.2. С.1-26.

10. ПСРЛ. Т.1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.

11. Die Erst Novgoroder Chronik nach ihrer ältesten Fassung (Erstredaktionsschrift). - Leipzig, 1971.

12. Бережков Н.Г. Хронология русского летоисчисления. М., 1963. 376 с.

13. Bonnel E. Russisch-Litwändische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. - St.-Petersburg, 1862. 292 S.

14. На это указывает календарный порядок перечисляемых событий. 6605 г.: ослепление Василька Теребовльского, - ноябрь (как явствует из ПВЛ), победа Мстислава над Олегом в "великое говение" (в 1097 г. - 15 февраля), весенний пожар. 6613 г.: "Поставлени быша епископи: Лазорь, Мина и Амфилохий" (в ПВЛ порядок перечисления иной: Амфилохий поставлен во Владимире 27 августа, Лазорь в Переяславле 12 ноября, Мина в Полоцке 13 декабря), т.е. в Сии. порядок перечисления намеренно приспособлен под сентябрьский год. 6616 г.: смерть епископа Никиты - 30 января, роспись храма св.Софии - весной. 6617 г.: здесь по сравнению с ПВЛ порядок событий изменен, что напоминает случай с 6613 г.; кстати, если считать этот год списка Сии. сентябрьским, тогда получится, что закладка церкви св.Михаила Златоверхой была совершена князем Святополком 11 июля 1109 г. (день 11 июля указан в ПВЛ под 6616 г.); вспомним, что А.А. Шахматов высказывал сомнение в верности этой даты ПВЛ, т.к. в мартовском 6616 г. этот день не был воскресным днем недели, когда и происходили подобные церемонии /6, с.301/, но в 1109 г. (или в 6617-м сентябрьском) 11-й день июля приходился как раз на воскресенье! 6623 г.; майская каноническая церемония в Вышгороде датируется 8-м индиктом; правда, уже в окончании этой статьи отмечается нарушение сентябрьского года, но и это не удивительно, т.к. с 6625 г. в Сии. отчетливо проявляется иной, по всей видимости, мартовский календарный стиль (уход Мстислава Владимировича из Новгорода - 17 марта, знаме-

ние в Новгородѣ - 14 мая, смерть посадника Добрыни - 6 декабря).

15. ПСРЛ. Т.1. Стб.281. В списках Р. и Ак.: "В лѣто 6615" (Там же. Стб.281. прим.21). В Ил. читается только окончание: "8 лѣт", т.к. здесь в тексте летописи пробел, объясняющийся несправильностью протографа (ПСРЛ. Т.П. Стб.258, прим."и"; предисловие, с.УП), но этот пробел восполняется по Хл. и Пог. (Там. же. Стб.258, прим.30): "В лѣт 6615, Кроуг Луи 4, а сличного 8".

16. Степанов Н.В. Заметка о хронологической статье Кирика (XII век) // ИОРЯС ИАН. 1910. Т.ХУ, Кн.3. С.129-150.

17. Степанов Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // ЧОИДР. 1910. Кн.4(235). С.1-40.

18. Хавский П.В. Примечания на русские хронологические вычисления XII века // ЧОИДР. 1847. № 6. С.25-37.

19. Такое опоздание прослеживается в следующих известиях: закладка церкви св.Михаила, окончание трапезницы в Киево-Печерском монастыре и "великая вода" (ПВЛ: 6616 г., Синод.: 6617 г.), поход Святополка, Владимира и Давыда на половцев (ПВЛ: 6618 г., Синод.: 6619 г.), поход и свадьба Ярослава, смерть Давыда и поставление Феоктиста епископом в Черниговѣ (ПВЛ, список Ил.: 6620 г., Синод.: 6621 и 6622 гг.) и др. известия, о которых уже говорилось выше.

20. Любопытно, что этот фрагмент много раз привлекал внимание исследователей, но никогда не был истолкован должным образом. Так, еще Н.С. Арцыбашев (Повествование о России. Т.1. М., 1836. С.63) писал о втором походе Ярослава на ятвягов, ни слова не сказав о том, когда же был первый поход.

21. Шахматов А.А. Исследование о Радзивиловской или Кенігсбергской летописи. СПб., 1902. 120 с.

22. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIУ-XУI вв. М.,Л., 1938. 372 с.

23. Отмеченное нами выше использование "опаздывающего" мартовского года в Ил. до 6623 г. согласовы-

вается с мнением о редакции ПМД 11115 г. (Алешковский М.Х. К типологии текстов "Повести временных лет" // Источниковедение отечественной истории: Сборник статей. 1975. М., 1976. С. 133-162)

24. Кузьмин А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. 240 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БКИЧП – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода

ВОВИДР – Временник общества истории и древностей российских

ГИМ – Государственный исторический музей

ИИФФ СОАН – Институт истории, философии и филологии Сибирского отделения АН СССР

ИИАИ – Известия лаборатории археологических исследований

ИОРЯС ИАН – Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры АН СССР

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

СА – Советская археология

САН – Свод археологических источников

СЭ – Советская этнография

ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция

ТКОРГО – Тувинская комиссия отделения Российского географического общества

ЧОИДР – Чтения в обществе истории и древностей российских

СОДЕРЖАНИЕ

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Цыб С.В. Понятие "хронология" в истории и археологии	3
Плахин В.Т. Первобытная археология и теория перво- бытного строя: проблемы социальной хронометрии. . .	23
Панычев В.А., Орлова Л.А. Радиоуглеродная хрономет- рия в археологии: проблемы и перспективы точности да- тирования	37
Малолетко А.М. Время и история осадконакопления в Денисовой пещере (Алтай).	44
Кунгуров А.Л. Относительная хронология палеолитичес- ких памятников бассейна Катуня	50
Кирюшин Ю.Ф. О хронологии термина "энеолит" и его значении	64
Линь Юнь. Некоторые итоги изучения ранних бронзовых изделий Китая	76
Удодов В.С. Роль бегазы-дандыбаевского компонента в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы Запад- ной Сибири	84
Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Статистическая обработка керамики и периодизация поселений лесостеп- ного и предгорного Алтая второй половины 1 тыс. до н.э.	93
Миняев С.С. О дате появления сюнну в Ордосе	108
Неверов С.В., Мамадаков Ю.Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири	121
Шамшин А.Б. Заковряшино 1 – поселение эпохи поздней бронзы на Обском море	135
Цыб С.В. О хронологических показаниях летописной статьи 6620 года Ипатьевского списка	148
Список сокращений	162

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ
В АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ

Сборник научных статей

Тематический план 1991 г., п. 323

Редактор Л. И. Базина

Корректор З. К. Васильева

Подписано в печать 19.06.91. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 9, 0. Усл.-печ. л. 9, 0. Тираж 700 экз.

Заказ 468-01. Цена 1 р. 50 к.

Редакционно-издательский отдел Алтайского государственного университета. Лаборатория множительной техники АГУ 656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66